



J. R A C I N E



ACADEMIA
1937

Ж. РАСИН

СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ОЧЕРК А. ФРАНСА
ПЕРЕВОДЫ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А.М. ЭФРОСА



ТОМ ПЕРВЫЙ

ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

*Переплет, титульные страницы,
заставки и концовки по рисункам
А. М. Сурикова*

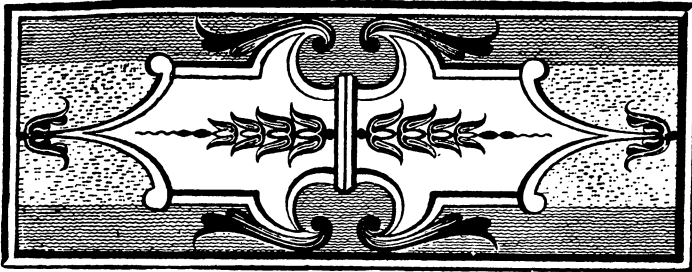




АНДРОМАХА

A N D R O M A Q U E

(1667)



ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

У Вергилия в третьей книге «Энеиды», Эней говорит:

Мимо проходили Эпира берегов и, Хаонии в гавань
Внидя, мы пристаем к высокому граду Буфроту...
В самый тот праздник, когда трапезу и грустные жертвы
Праху Андромаха мужа свершала, и Ман на могилу
Гектора гласом звала, что, пустую, зеленым почтила
Дерном она и двумя, как поводом слез, алтарями...
Взор опустила она и гласом упавшим сказала:
О, между всеми блаженна одна Приамейева дева!
Та у враждебной могилы, высокой под стенами Трои
Смерть приняла, никаких жребьев о ней не метали,
Пленницу не преклонял победитель-хозяин на ложе.
И одины после пожара, по разным влеченные водам,
Спесь потомка Ахилла, надменного юноши, в рабстве
Мы, рождая, сносили. Когда, наконец, устремился
Он за Ледейской Гермией, Лакедемонийским браком,
Гелену отдал меня он, рабыню рабу, в обладанье.
Пирра, однако, Орест, к супруге похищенной страстной
Воспламененный любовью и мстительных фурий во власти,
Подстерегает и губит, врасплох, алтарей близ отцовских...¹

Вот в немногих стихах сюжет этой трагедии; вот место действия, происходящие события, четыре глав-

¹ Энеида, кн. III, ст. 292—333 (перевод В. Брюсова).

ных персонажа и даже их характеры, за исключением Гермियोны, чья ревность и пылкость достаточно обрисованы в «Андромахе» Еврипида.

Поистине, мои персонажи были так знамениты в античной древности, что достаточно ее знать хотя в малой мере, чтобы ясно увидеть, что я оставил их такими, какими нам дали их античные поэты. Я и в самом деле не считал, что мне дозволено что-либо менять в их нравах. Единственная вольность, какую я допустил, состоит в некотором смягчении жестокости Пирра, которую Сенека в «Троиде» и Вергилий во второй книге «Энеиды» изобразили гораздо более резко, нежели считал это нужным сделать я.

Все же нашлись люди, которые жаловались на то, что Пирр неистовствует против Андромахи и что он желает взять пленницу в жены любой ценой. Я признаю, что он недостаточно покорен воле возлюбленной и что Селадон лучше него знал совершенную любовь. Что делать? Пирр не читал наших романов. Он был от природы жесток. И не все герои созданы быть Селадонами.

Как бы то ни было, публика была ко мне достаточно благосклонна, чтобы я мог пренебречь горестями двух-трех особ, желавших преобразовать всех героев древности, дабы превратить их в «совершенных героев». Я считаю вполне достойным их желание видеть на сцене лишь безгрешных людей. Однако прошу вспомнить, что я отнюдь не уполномочен изменять законы театра. Гораций советует нам изображать Ахиллеса суровым, непреклонным, неистовым, каким он и был и каким описывают его сына. Точно так же Аристотель не только весьма далек от того, чтобы требовать от нас совершенных героев, но, напротив, желает, чтобы трагические персонажи, то есть те, чьи несчастья создают катастрофу в трагедии, не были ни до конца добрыми, ни до конца злыми. Он не желает, чтоб они были чрезмерно

добродетельны, ибо наказание достойного человека вызовет в зрителе скорее негодование, нежели жалость; равно он не хочет и того, чтобы они были слишком злы, ибо нельзя испытывать жалости к злодею. Отсюда следует, что они должны обладать средними достоинствами, то есть добродетелью, способной на слабость, и что они должны чувствовать себя несчастными из-за какой-нибудь ошибки, которая вызвала бы к ним жалость, не вызывая отвращения.



ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

У Вергилия, в третьей книге «Энеиды», Эней говорит:

Мимо проходили Эпира берегов и, Хаонии в гавань
Внидя, мы пристаем к высокому граду Буфроту...
В самый тот правдик, когда трапезу и грустные жертвы
Праху Андромаха мужа свершала, и Ман на могилу
Гектора гласом звала, что, пустую, веленым почтила
Дерном она и двумя, как поводом слез, алтарями...
Взор опустила она и гласом упавшим сказала:
О, между всеми блаженна одна Приамейева дева!
Та у враждебной могилы, высокой под стенами Трои
Смерть приняла, никаких жребьев о ней не метали,
Пленницу не преклонял победитель хозяин на ложе.
Родины после пожара, по разным влеченные водам,
Спесь потомка Ахилла, надменного юноши, в рабстве
Мы, рождая, сносили. Когда, наконец, устремился
Он за Ледейской Гермियोной, Лакедемонийским браком,
Гелену отдал меня он, рабыню рабу, в обладанье.
Пирра, однако, Орест, к супруге похищенной страстной
Воспламененный любовью и мстительных фурий во власти,
Подстергает и губит, врасплох, алтарей близ отцовских...

Вот в немногих стихах сюжет этой трагедии; вот место действия, происходящие события, четыре главных персонажа и даже их характеры, за исключением Гермियोны, чья ревность и пылкость достаточно обрисованы в «Андромахе» Еврипида.

Это едва ли не единственное, что я заимствую у данного автора. Ибо хотя моя трагедия носит то же название, что и его пьеса, все же ее сюжет весьма отличен. Андро-

маха у Еврипида боится за жизнь Молосса — ребенка, являющегося ее сыном от Пирра, причем Гермiona хочет умертвить его вместе с матерью. У меня же нет никакой речи о Молоссе: Андромаха не знает ни другого мужа, кроме Гектора, ни другого сына, кроме Астианакса. Мне казалось, что это более отвечает тому представлению, которое ныне существует у нас об этой царице. Большинство из тех, кто слышал об Андромахе, знают ее только как вдову Гектора и мать Астианакса. Они не поверят, что она способна любить иного мужа или иного сына. И я сомневаюсь, чтобы слезы Андромахи могли произвести то впечатление на зрителей, какое они сейчас производят, если бы лились из-за другого сына, а не того, который был у нее от Гектора.

Правда, мне пришлось заставить Астианакса прожить несколько дольше, нежели он жил, но я пишу в стране, где такая вольность не может быть дурно принята. Ибо, не говоря о Ронсаре, избравшем того же Астианакса героем своей «Франсиады», — кто же не знает, что происхождение наших древних королей ведется от этого сына Гектора и что наши старинные хроники спасают жизнь этому юному принцу после опустошения его родины, дабы сделать его основателем нашей монархии?

Насколько смелее был Еврипид в своей трагедии «Елена»! Он бросает в ней вызов всей Греции: он предполагает, что Елена никогда не появлялась в Трое и что, после того как город был сожжен, Менелай нашел свою жену в Египте, откуда она и не выезжала. Основано же все это на мнении, которое было принято лишь среди египтян, как то можно видеть у Геродота.

Я не думаю, что мне необходимо ссылаться на этот пример Еврипида, дабы оправдать небольшую вольность, которую я допустил. Ибо одно дело — разрушать основы предания, другое — видоизменять кое-какие происшествия, меняющиеся в руках у всех, кто их обрабатывает. Так, Ахиллеса, согласно большинству поэтов, можно

ранить только в пятку, а между тем Гомер изображает его раненым в руку и отнюдь не считает его неуязвимым в другие части тела. Так, Софокл умерщвляет Иокасту тотчас же после признания Эдипа, в противоположность Еврипиду, который заставляет ее дожить до сражения и смерти обоих ее сыновей. Именно такого рода противоречия вызвали у одного старинного комментатора Софокла прекрасное замечание: «Не следует попусту придирааться к поэтам из-за кое-каких изменений, которые они могли сделать в предании, но следует обращать внимание на превосходное использование этих изменений и на ту изобретательность, с какой они приспособили предание к своему сюжету».



Действующие лица

А н д р о м а х а, вдова Гектора, пленница Пирра.

П и р р, сын Ахилла, царь Эпира.

О р е с т, сын Агамемнона.

Г е р м и о н а, дочь Елены, невеста Пирра.

П и л а д, друг Ореста.

К л е о н а, наперсница Гермiony.

С е ф и з а, наперсница Андромахи.

Ф е н и к с, наставник Ахилла, а затем Пирра.

С в и т а О р е с т а.

*Действие происходит в Буфроте, городе Эпира,
в зале дворца Пирра.*



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Орест, Пилад

Орест

Да, если вновь обрел я друга дорогого,
Я верю, что судьба мне улыбнется снова,
И видно гнев ее смирился наконец,
Раз час свидания настал для двух сердец.
Кто знал, что этих скал унылая громада
Оресту возвратит далекого Пилада?
Что, не видав тебя полгода, верный друг,
При Пировом дворе с тобой я встречусь вдруг?

Пилад

Я вижу, этого хотели сами боги, —
Они мне в Грецию закрыли все дороги,
С тех пор как с бешенством нас волны понесли
И разлучили нас и наши корабли.
Какие чудились в изгнании мне угрозы!
Какие горькие за вас я пролил слезы!
Я вечно ждал для вас опаснейших тревог,
Которых с вами я — увы! — делить не мог!
Но более всего мне мысли докучали
О том, что склонны вы к мечтательной печали:
Я трепетал, что рок в непоправимый час

Вам гибель принесет, желанную для вас.
Вы живы, господин! и верю я, — не скрою, —
В Эпир вас занесло счастливою судьбою:
И эта роскошь вся и пышность позолот
Была бы не к лицу тому, кто смерти ждет.

О р е с т

Увы! Таков указ судьбы неодолимой:
Любовь влечет меня на поиски любимой.
Но кто предскажет мне, чем кончится наш спор,
И встречу ль счастье здесь, иль смертный приговор?

П и л а д

Как! Стала ваша жизнь покорною рабою,
Безумную любовь избрав своей судьбою?
Иль недостаточно удел ваш был суров,
Что чары вас опять влекут под власть оков?
Но, равнодушная в стенах Лакедемона,
Ужели будет здесь вам рада Гермiona?
Стыдись растраченных в пустых мечтаньях дней,
Ее бежали вы, молчали вы о ней.
Но это был обман!

О р е с т

Нет! Сам я был обманут!
Друг, пожалей того, кого жалеть не станут.
Ты знаешь счет моим печалям и мечтам;
Как родилась во мне любовь — ты видел сам.
Когда же Менелай — о горькая невзгода! —
Дочь Пирру обещал, отмстителю их рода,
Мое безумие ты видел; и оттоль
Как я по всем морям влачил тоску и боль.
С тех пор как у меня была взята невеста,
Ты стал наперсником печального Ореста,
Ты усмирять борьбу рассудка моего,

Ты от меня спасал меня же самого.
О, как терзался я, не сдерживая стоны,
Что Пирру отданы все ласки Гермионы!
На сердце у меня безумный вспыхнул гнев,
Я все клялся забыть, любовь преодолев.
Уже победою гордился я, счастливый,
И ненавистью звал горячие порывы,
Все милое забыл и помнил только зло.
Казалось, к ней ничто меня уж не влекло.
Я думал, что спасен от этой страсти знойной,
И прибыл в Грецию обманчиво-спокойный.
Здесь я нашел царей, что были смущены
Уже грозящею опасностью войны.
Я поспешил в их круг, хотел побед и славы,
Чтоб истребить в их душе последний след отравы,
Чтоб, мощность прежнюю приобретая вновь,
Из сердца наконец совсем изгнать любовь.
Но подивись со мной, как жизнь ко мне сурова:
Все ту же западню она мне ставит снова!
Повсюду слышу я, что Пирру мы грозим,
И ропот в Греции растет неудержим.
Не помня данных клятв и обязательств взятых,
Врага Эллады он растит в своих палатах.
Несчастный Гектора и Андромахи сын
Царей троянских кровь наследовал один.
Младенца убережь иначе не умея,
Мать ловко провела лукавца-Одиссея,
Чужого отрока в объятия схватив;
Меч поразил его, — Астианакс же жив.
Идет молва, что Пирр не любит Гермиону,
Неся к стопам другой и сердце, и корону.
Сам Менелай, еще не веря, огорчен,
Что равнодушен Пирр, что с браком медлит он.
Но все, что горестью его терзает больно,
Надежду тайную во мне родит неволью.
Я полон торжества, но в сердце говорю,

Что только гнев во мне, что им одним горю!
Увы! Неверная мной снова овладела,
И вот опять горит чуть тлевший пламень смело.
Я понял, что мой гнев исчерпан и без сил; —
Вернее я постиг, что я не разлюбил.
Я избран греками послом единодушно;
Чтоб Пирра посетить, я путь свершил послушно,
Мне нужно выведать, как сможем вырвать мы
Ребенка, чья судьба волнует все умы.
О, если б удалось, забыв про все измены,
Мне вместо отрока похитить дочь Елены!
Знай твердо, что меня, влюбленного опять,
Опасность смертная не сможет удержать.
Так! Раз усилия ту страсть не победили, —
Я слепо отдаюсь меня влекущей силе!
Люблю я! Лишь за ней явился я сюда, —
Увлекь ее с собой, иль сгинуть навсегда.
На что способен Пирр? Скажи, его ты знаешь?
Что видишь при дворе? И в сердце что читаешь?
Какими чувствами к невесте он объят?
И то, что он украл, вернет ли мне назад?

П и л а д

Нет! Я бы, господин, солгал вам недостойно,
Сказав, что он ее уступит вам спокойно;
Однако не затем, что горд победой он, —
Вдовою Гектора теперь он увлечен!
Увы! жестокая его любви не рада, —
Не страсть, а ненависть была ему награда.
И все же, что ни день, пытается он вновь
То ужас ей внушить, то возбудить любовь,
То смертью сына ей грозит и сердце гложет,
То, слезы увидав, любви сдержать не может.
Иль к Гермione вдруг спешит он, чтоб опять
В строптивой нежности у ног ее вздыхать,

Обеты приносить ей в верности до гроба,
 Которые родит в нем не любовь, а злоба.
 Какой же вам теперь о нем ответ я дам,
 Когда своей душой он не владеет сам?
 Он может, господин, отчаявшись в покое,
 Взять ненавистное, отвергнув дорогое.

О р е с т

А Гермiona как относится к тому,
 Что с браком медлит он, что не мила ему?

П и л а д

Спокойно, господин, — по крайней мере с виду.
 Его изменчивость ей словно не в обиду!
 Она уверена, что он вернется к ней
 И будет о любви молить еще нежней.
 Но все же я застал ее в слезах случайно,
 Его презрением она томится тайно;
 То рвется прочь, то вся во власти этих мест,
 И даже ждет порой, чтоб ей помог Орест.

О р е с т

О, если это так, — с каким, Пилад, я рвением
 Готов...

П и л а д

Но вас сюда прислали с порученьем!
 Царь явится,—и вы сказать ему должны,
 Как против мальчика сердца возбуждены.
 Однако не отдаст он сына Андромахи!
 К ней только страсть сильнее зажгут в нем эти страхи;
 Они не разлучат, но сблизят их как раз.
 На каждый довод ваш последует отказ.
 Но вот и Пирр...

О р е с т

Ступай и передай жестокой,
Что только для нее я прибыл издалека.

Явление второе

П и р р, О р е с т, Ф е н и к с

О р е с т

Эллада, государь, мне оказала честь,
Избрав меня послом, чтоб передать вам весть.
Мне лестно принести приветствие герою —
Ахилла детищу, низвергнувшему Трою!
Так, в ваших подвигах вновь оживает он:
Он Гектора сразил, вы взяли Илион.
И ваша гордая нам показала сила,
Что заменить отца мог только сын Ахилла!
Однако же Ахилл не захотел бы вновь
Из праха возносить царей троянских кровь,
И, полный жалости, ненужной и опасной,
Не стал бы замедлять конца войны ужасной.
Иль слава Гектора для вас уж отжила?
Но помним мы ее кровавые дела,
При имени его трепещут наши вдовы,
Нет в Греции семьи, где бы в борьбе суровой
Виною Гектора не пал отец иль брат.
В ответе сын его, хоть он не виноват!
Как знать, от детских лет его не месть ли гложет?
Как Гектор, в гавани он к нам явиться может,
И наши корабли, объятые огнем,
Как и при Гекторе, пойдут ко дну при нем.
Простите, государь, но я от вас не скрою,
Что ваша доброта окончится бедою!
Змееныш маленький здесь возле вас растет, —
Он злобой вам воздаст за ласку и уход.

Я б эллинам хотел свезти благие вести:
Спасите жизнь себе, содействуйте их мести!
Немедля общий враг быть должен поражен:
Научится на вас бороться с нами он.

П и р р

Забота Греции мне кажется забавной.
Ужель других забот нет у страны столь славной?
Мне имя громкое прибывшего посла
Сулило более почтенные дела.
Ужели может брать без всякого смущенья
Сын Агамемнона такие порученья?
Ужели не смешно, что целая страна
Желаньем погубить дитя заражена?
Но почему ее Астианакс тревожит
И почему она повелевать здесь может?
Иль между эллинов уже не я один
Для пленников моих судья и властелин?
Так! В час, когда у стен еще пылавшей Трои
Делили меж собой добытое герои,
Тот жребий, что тогда метали не шутя,
Дал Андромаху мне, и с ней ее дитя.
Улисс повлек тогда Гекубу за собою;
У Агамемнона оплакивала Трою
Кассандра... Разве я, хотя бы лишь едва,
В ту пору предъявлял на них свои права?
Сын Гектора, твердят, даст силу вновь отчизне,
Мной пощаженный, он лишит меня же жизни...
О! Впрямь предвиденье рождает тьму забот.
Мне ж трудно забегать на много лет вперед!
Я помню Трою той, какой была когда-то, —
Прекрасной, гордою, героями богатой,
Царицей Азии, а ныне... Кто бы смел
Ей предсказать такой неслыханный удел!
Там башни ветхие и серый пепел ныне,
Кровавая река, безмолвие пустыни,

А здесь в плену дитя. Ну, как же думать мне,
Что эта Троя месть готовит в тишине?
Когда сын Гектора для вас так опорочен,
То почему ж был суд на целый год отсрочен?
В те дни никто из вас его убить не смел,
Хоть легче убивать среди груды мертвых тел!
Там просто было все: там стар и млад напрасно
В слезах о жалости к бойцам взывали страстно.
Ночь и победа нас манили за собой,
К убийству звали всех и всех бросали в бой.
Я с побежденными был строгим и жестоким,—
Но нынче этот гнев мне кажется далеким!
Мне жаль дитя, и я, Элладе вопреки,
В крови невинного не омочу руки!
Под сенью моего незыблемого трона
Вам не к чему искать остатков Илиона.
Нет, кончен путь вражды! Для всех нас нужен мир,—
Что Троей спасено, то сохранит Эпир!

О р е с т

Что хитростью спасен был мальчик — вам не ново:
Ведь казни предали мы отрока другого,
За сына Гектора он был убит в тот день.
Не Трою ищем мы, а Гекторову тень!
И если за отца мы ненавидим сына,
То пролитая кровь — одна тому причина,
Лишь кровью отрока мы мщенье утолим!
Все эллины в Эпир придут с войной за ним.
Остерегитесь!

П и р р

Что ж! Я с радостью их встречу.
Пусть, как под Троей, здесь они устроят сечу,
Мешая кровь того, кто некогда помог
Им одолеть врага, и тех, кто изнемог.
Неблагодарностью не раз уже платила

Эллада за труды и помощь ей Ахилла.
 На радость Гектору то было,— и придет
 Для сына Гектора такой же, знать, черед.

О р е с т

Так против эллинов идете вы упорно?

П и р р

На то ль я победил, чтоб слушать их покорно?

О р е с т

Невеста удержать сумеет пыл бойца,
 Оберегая вас и своего отца.

П и р р

Но я могу любить все так же Гермionу
 И не склонять к ногам ее отца корону!
 Я должен примирить, любовью горя,
 Веленья нежности с достоинством царя.
 Однако вам пора почтить дочь Менелая!
 Связующее вас родство отлично зная,
 Я здесь задерживать не стану больше вас.
 А грекам передать вы можете отказ.

Явление третье

П и р р, Ф е н и к с

Ф е н и к с

Его свиданье с ней событиями чревато.

П и р р

Я слышал, что Орест любил ее когда-то.

Ф е н и к с

А если эта страсть вдруг запылает вновь
И у нее зажжет ответную любовь?

П и р р

Ах, Феникс, я скорбеть не стану по невесте!
Пускай влюбленные уедут в Спарту вместе,
Их в этих гаванях открытый выход ждет.
Ах! От каких тогда избавлюсь я забот!

Ф е н и к с

Как...

П и р р

Я бы рассказал тебе мои печали,
Но Андромаха здесь.

Явление четвертое

А н д р о м а х а, П и р р, С е ф ф и з а, Ф е н и к с

П и р р

Вы не меня ль искали?
Могу ль я льстить себя надеждою такой?

А н д р о м а х а

Я шла в узилище, где сын томится мой.
Раз в день мне видеться вы даровали право
С тем, в ком сохранена вся Гекторова слава,
Чтоб с сыном краткий час я слезы лить могла.
Я у него еще сегодня не была!

П и р р

Ах, скоро Греция, объятая тревогой,
Доставит вам для слез причин довольно много!

А н д р о м а х а

Однако, что за страх волнует их сейчас?
Троянский пленник ли сумел бежать от вас?

П и р р

Гнев против Гектора не скоро утолится,—
Им страшен сын его!

А н д р о м а х а

Нашли кого страшиться!
Ведь он дитя, и сам не ведает о том,
Что Пирр — его злодей, а Гектор был отцом.

П и р р

Каким бы ни был он,—все полны неприязни,
И требует Орест его скорейшей казни.

А н д р о м а х а

И подтвердите вы столь страшный приговор?
Иль он преступен тем, что радует мой взор?
Нет! Вас страшит не то, что у отца есть мститель,
Но что у матери остался утешитель.
Он заменил бы мне и мужа, и отца.
Но вы меня казнить готовы без конца!

П и р р

Предвидя вашу скорбь, я отвечал отказом:
Уже войной грозят все эллины мне разом.

Но если даже все их гордые суда
За сыном Гектора переплывут сюда,
И будет литься кровь, как кровь из-за Елены,
Пусть узрю в пламени и прахе эти стены,—
Не поколеблюсь; я его спасти хочу,
И пусть за жизнь его своею заплачу!
Опасности встречать душа была бы рада,
Когда бы мог я ждать приветливого взгляда.
Ужели буду я, тесним со всех сторон,
Еще и вашею суровостью сражен?
Вот вам моя рука! Скажите, отчего же
Вам с нею не принять и это сердце тоже?
Тот, кто для вас собой пожертвовать готов,
Не может вас считать в числе своих врагов!

А н д р о м а х а

Что делаете вы? Что скажет вся Эллада?
Душе великой так ронять себя не надо!
Решенье, полное высокого огня,
Сочтут лишь за порыв влюбленного в меня!
Зачем вам пленница, что вечно столь уныла?
Зачем хотите вы, чтоб я вас полюбила?
Что могут вам сулить несчастные глаза,
Удел которых — скорбь и вечная слеза?
Нет, нет! Помочь врагу в его беде ужасной,
Ребенка сохранить для матери несчастной,
Не дать его на казнь, чтоб утопить в крови,
Не требовать за то ни ласки, ни любви,
Дать всё, что могут дать бесстрашие и сила,—
Вот, что достойнее наследника Ахилла!

П и р р

Как? До сих пор еще ваш гнев не охладел?
Когда ж ему конец, и мщенью где предел?
Я много бед принес, — согласен! — и, бывало,
Кровь ваших воинов мне руки обагрят.

Но этих глаз тогда не знал я дивных сил:
 О, каждую слезу я тяжко оплатил!
 Я из-за них теперь лишен навек покоя:
 Я всё перестрадал, что выстрадала Троя,—
 Сражен, захвачен в плен, опустошен тоской,
 Огнем, которого не знал никто другой...
 Как много горестей, надежд и слез, все сразу...
 Ах, так жесток, как вы, я не бывал ни разу!
 Друг другу вечно мстить — безумно и смешно.
 Одни и те ж враги связуют нас в одно.
 Я страстную мечту лелеять не устану:
 Вернув вам отрока, ему отцом я стану.
 Ею за Трою мстить тогда я научу.
 За наши бедствия я грекам отплачу,
 И взгляда вашего довольно, Андромаха,
 Чтоб славный Илион опять восстал из праха
 Скорей, чем греками он был когда-то взят.
 Астианаксу я верну его назад.

А н д р о м а х а

Нет, государь, теперь ему не нужно трона.
 Когда был жив отец, его ждала корона,
 Но больше никогда не узрим мы опять
 Тех стен, что Гектор был не в силах удержать.
 Несчастные не ждут от вас благодеянья.
 Я жажду, государь, лишь одного — изгнанья,
 Чтоб сына скрыть вдали от греков и от вас
 И там оплакивать супруга каждый час.
 Нам ваша страсть сулит лишь горе и измены.
 Ступайте же туда, где ждет вас дочь Елены!

П и р р

Увы! Не властен я! Как сердце ей отдам,
 Когда принадлежит оно навеки вам?
 Она пришла сюда, чтоб быть супругой Пирра,

Она пришла, чтоб стать царицею Эпира;
 Судьба обеих вас соединила вдруг:
 Ее для радостей, а вас для тяжких мук.
 Но на нее смотрю я безразличным оком.
 И каждый бы сказал, увидев ненароком,
 Как власть ее слаба, а ваша власть сильна,
 Что вы — царица здесь, а пленница — она!
 Ах, каждый вздох, что вам несуд в тоске мятежной,
 С какой бы радостью она ловила нежной!

А н д р о м а х а

К чему же отвергать ей ваши вздохи вдруг?
 И как не помнить ей оказанных услуг?
 Нет! Троя не встает меж вами как преграда!
 И праха мужа ей оплакивать не надо!
 Супруг единственный! О, роковой конец!
 Стал смертию Гектора бессмертен ваш отец...
 Вас Гекторова кровь одела блеском славы,
 И слез моих венцы венчали ваши главы!

П и р р

Пусть так, сударыня, — исполню ваш приказ:
 Забуду иль, верней, возненавижу вас.
 Да, страсть в моей груди выросла неосторожно:
 Мне равнодушным быть теперь уж невозможно!
 Но знайте, если я теперь вас разлюблю,
 То темною враждой я сердце затоплю,
 И будет ненависть жестока и опасна,
 И сын за мать тогда ответит мне ужасно!
 Так хочет Греция! Во мне ж стремленья нет
 Неблагодарных вновь оберегать от бед.

А н д р о м а х а

Итак, он обречен! Но что его спасало?
 Скорбь матери, иль то, что лет ему так мало?

Однако есть исход для горестных сердец,
Я верю, смерть его приблизит мой конец.
Я только для него терпела все страданья.
Вослед за ним к отцу пойду я на свиданье.
Вы причините нам не зло,—наоборот,
Вы нам...

П и р

Сударыня, вас сын давно уж ждет!
Быть может, вид его, смиря ваши страсти,
И утишив ваш гнев, спасет нас от напасти.
Я за ответом к вам потом хочу придти.
Подумайте о том, как отрока спасти!



ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Гермиона, Клеона

Гермиона

Пусть так. Согласна я Ореста видеть снова,
Я этой радостью почтить его готова.
С Пиладом пусть придет,—но, милая моя,
С какой охотой с ним не виделась бы я!

Клеона

Но что смущает вас в Оресте? Мне сдается,
Каким он прежде был, таким и остается.
Не вы ль его сто раз призвать хотели вновь?
Не вы ль хвалили в нем и верность, и любовь?

Гермиона

Но потому-то с ним мне встретиться не мило,
Что я его любовь тогда не оценила!
Мне — стыд! Зато ему — какое торжество!
Теперь моя беда равна беде его.
Он молвит: то она ль с ее бывлой гордыней?
Она гнушалась мной — другой воздал ей ныне.
И та, что столь себя ценила высоко,
Узнает, как сносить презренье не легко!
О боги!..

К л е о н а

Вас грызет напрасная истома:
 Ведь сила ваших чар давно ему знакома.
 Не для возмездия он явится сюда,
 А с тем, чтобы отдать вам сердце навсегда.
 Но что вам шлет отец, вас любящий так нежно?

Г е р м и о н а

Коль будет медлить Пирр все так же безнадежно,
 И коль троянца он на казнь не обречет, —
 То с греками отец меня обратно ждет.

К л е о н а

Оресту, госпожа, должны внимать вы смело.
 Пусть начал Пирр, но вы — вы завершите дело!
 Его опередить полезней вам самой:
 Ведь ненавистен он бывает вам порой.

Г е р м и о н а

Он! Ненавистен мне! О нет, — здесь дело чести!
 Как мог забыть он все, что пережито вместе?
 Он был так дорог мне, а я презренна им?..
 Ах, как простить тому, кто мной был так любим?

К л е о н а

Бегите ж от него... И раз другой вам верен...

Г е р м и о н а

Пускай растет мой гнев, пусть будет он безмерен!
 Дай укрепиться мне в решимости такой...
 Но о разлуке с ним я думаю с тоской, —
 Неверный совершит измену — знаю! — смело.

К л е о н а

Иль мало тех обид, что здесь душа терпела?
У вас же на глазах он в пленницу влюблен,
И несмотря на то, вам не противен он.
Он разве вас жалел, стремясь к своей удаче?
Он был бы мерзок вам, когда б вы были зрячи!

Г е р м и о н а

Жестокая, меня ты мучаешь любя!
Ведь даже я сама не узнаю себя.
Не замечай, прошу, того, что слишком ясно:
Верь, что забыт он мной, что все теперь прекрасно,
Верь, что презрением полна душа моя,
Увы! и сделай так, чтоб верила и я.
Его должна бежать? Ну, что же, я готова!
Победы роковой уж я не вспомню снова,
Что над плененною ему вручила власть.
Бежим... Но если вдруг он позабудет страсть?
Но если верность вдруг в груди его проснется?
Но если он с мольбой к моим ногам вернется?
О, если бы Амур его отдать мне мог!
О, если бы... Нет, Пирр слезам меня обрек!
Но я останусь здесь, чтоб отравлять им сладость.
Им вечно докучать — последняя мне радость!
Обеты верности пускай нарушит он
И будет, как злодей, всем миром заклеимен.
На сына навлекла я гнев Эллады целой,—
За Андромахою теперь осталось дело.
Прощать сопернице не стану ничего,
Пусть губит дерзкого иль гибнет от него!

К л е о н а

Ужель ее глаза, что лишь к слезам готовы,
Хотят его завлечь в любовные оковы?

Ужель ее тоской исполненная речь
 Пытается к себе гонителя привлечь?
 Нет, у него она не ищет утешенья!
 Она погружена душой в свои мученья.
 С любовником она сурова почему?

Г е р м и о н а

Зачем доверчиво внимала я ему?
 Я молчаливою не прикрывалась тайной,
 Всегда с ним искренней была я не случайно;
 Ни разу не страдал он по моей вине, —
 Я поступала так, как сердце скажет мне.
 Как было мне скрывать, что нежностью объята,
 Когда передо мной в любви клялись так свято?
 Бесчувственным тогда он не был отчего?
 Припомни лишь: ведь все, все было за него —
 Мой отомщенный род, войска в победном кличе,
 Триремы, полные неслышанной добычи,
 Он сам, величием затмивший честь отца,
 Взаимной нежностью горящие сердца,
 Ты, ослепленная сияньем этой славы...
 Нет, ранее, чем он, все предали меня вы!
 Каким бы ни был Пирр,—он разлюбил меня,
 Я ж не бесчувственна, и полн Орест огня,
 Умеет он любить, не требуя ответа.
 Быть может, полюбить его смогу за это!
 Так пусть же он придет...

К л е о н а

А вот и он как раз.

Г е р м и о н а

Ах, я не думала с ним видеться сейчас!

Явление второе

Гермиона, Орест, Клеона

Гермиона

Остаток нежности ль, когда-то столь победной,
Заставил вспомнить вас о Гермионе бедной?
Иль, может быть, лишь долг один тому виной,
Что так неожиданно вы явились предо мной?

Орест

Давно себе нигде не нахожу я места,
Вы это знаете; таков удел Ореста—
К ногам вам приносить всегда свою любовь
И клясться никогда не возвращаться вновь.
Я знаю: вновь ваш взгляд мне истерзает душу,
И с каждым шагом вновь я свой обет нарушу.
Я знаю, я стыжусь! Но я призвать готов
Прощанья моего свидетелей, богов,
Что в смерти я искал спасительной свободы
От данных мною клятв и от моей невзгоды.
Я к варварам пришел, услышав, что всё вновь
Их боги требуют себе людскую кровь:
Жрецы закрыли храм и от меня не взяли
Той крови, что давал я щедро им в печали.
И вот я вновь близ вас и вынужден опять
Смерть недоступную у вас в глазах искать.
Но я давно готов к их хладному отказу,
Надежды луч пускай они отнимут сразу.
Чтоб смерть желанная за мной пришла сюда,
Пусть снова повторят, что говорят всегда!
Уж целый год я полн одной заботой страстной.
Смотрите ж, госпожа, у вас в руках — несчастный,
Чью жизнь мог дикий скиф отнять уже не раз,
Когда б жестокостью он походил на вас.

•

Г е р м и о н а

Нет, не такую речь, Орест, вести вам надо!
 Вам боле важный долг доверила Эллада.
 Достойно ли твердить лишь о любви своей
 Тому, кто облечен доверием царей?
 Порыв влюбленного их месть лишь опорочит!
 Орестову ли кровь пролить Эллада хочет?
 Так исполняйте ж долг, возложенный на вас...

О р е с т

Его я выполнил — и получил отказ.
 Пирр отослал меня; и, видно, есть причина,
 Что защищать решил он Гекторова сына.

Г е р м и о н а

Неверный!

О р е с т

Прочь спеша от этих берегов,
 Свой приговор от вас я выслушать готов.
 Но слышу ваш ответ заране, и не скрою,
 Жду, что подсказан он давнишнейу враждою.

Г е р м и о н а

Ах, ваша речь всегда пристрастна и мрачна,
 Всегда упреки я выслушивать должна!
 Откуда ненависть моя вам так знакома?
 В Эпир я послана из отческого дома:
 Так повелел отец; но, может быть, с тех пор
 Не раз был тягостен мне этот приговор?
 Ужели вы один влачили дни в печали?
 Ужели мои глаза здесь слез не проливали?
 И кто вам говорит, что, долгу вопреки,
 Не простирала к вам я дрогнувшей руки?

О р е с т

Что слышу я? Ко мне, о дивное создание,
Ко мне ль обращено подобное признание?
Откройте же глаза — вам внемлет, опьянев,
Орест, что с давних пор внушал вам только гнев!

Г е р м и о н а

Да, вижу, это тот, кто силой первой страсти
Открыл моим глазам могущество их власти,
Тот, чьи достоинства смогла я оценить,
Кого мне жаль, кого хотела б я любить.

О р е с т

Все ясно! Худшие свершились ожидания!
Все чувства — Пирру, мне ж — одни лишь пожеланья.

Г е р м и о н а

Ах! чем удел его вам кажется хорош?
Вас ненавидела б...

О р е с т

Но и любили б все ж...
О, на меня тогда глядели б вы иначе!
Я вас влеку к себе? — не чувствую удачи!
Тогда ж, наоборот, вы, полная огня,
Желая презирать, любили бы меня!
О, сколько доброты, и нежности усталой,
И уважения, — увы, то слишком мало!
Дань отдали сейчас вы Пирру одному,
Наперекор себе и вопреки ему.
Он ненавидит вас, давно влюблен в другую,
Он...

Г е р м и о н а

Кто уверил вас, что я его ревную?
 Иль речь его была презрением полна?
 Иль, думаете вы, я лишь на то годна?
 Иль постоянных чувств я более не стою?
 Но видит кое-кто меня еще иною!

О р е с т

Что ж! Оскорбление я заслужил как раз!
 Жестокая! Итак, я презираю вас?
 И вы не знаете всю прочность этой страсти?
 И я не отдался навеки вашей власти?
 Нет, рады были б вы, прекрасная моя,
 Чтобы соперник мой вас презирал, как я!

Г е р м и о н а

Ни нежности его, ни злобы мне не надо!
 Пусть против дерзкого восстанет вся Эллада,
 За непокорность ей — пускай ответит он.
 И пусть падет Эпир, как новый Илион.
 Что ж, будете ль твердить, что в Пирра влюблена я?

О р е с т

Смелей же, госпожа, — вас ждет страна родная!
 Чем оставаться здесь залогом до конца,
 Пусть ваши очи там воспламят сердца.
 Мы будем общию враждой вооруженны.

Г е р м и о н а

А если изберет он Андромаху в жены?

О р е с т

Но, госпожа...

Г е р м и о н а

Какой неслыханный позор,
Коль на фригиянке он остановит взор!

О р е с т

И это — ненависть? Признайтесь лучше смело,
Что страсть утаивать — немыслимое дело!
Все выдает вас: взгляд, молчание и стон.
Чем хуже скрыт огонь, тем ярче вспыхнет он.

Г е р м и о н а

Я вижу явственно, что ваша страсть готова
Отравой напитать мое любое слово,
И доводы мои насмешливо презрев,
Уловкою любви считает правый гнев.
Но дайте мне сказать, а действовать — вам вольно:
В Эпир я прибыла отнюдь не добровольно,
Долг держит здесь меня, и я останусь тут,
Пока отец иль Пирр меня не отзовут.
Иль Пирру не ясна вот эта мысль простая:
Не может греков враг быть зятем Менелая.
Троянец или я, — пусть выбирает он!
Один из нас двоих быть должен устранин, —
Пусть отошлет меня или того, другого!
Прощайте ж! Коль решит — уехать я готова.

Явление третье

О р е с т (один)

Да, вы уедете, сомненья в этом нет!
Могу вам предсказать, какой он даст ответ.
Я знаю, Пирр ее удерживать не станет:
Троянка милая его влечет и манит.

Иным стра́стям он чужд и будет только рад
 Предлогу отослать немилую назад.
 Здесь дело лишь за мной! Я Зевса возвеличу
 За посланную мне чудесную добычу!
 Спасать тень Гектора теперь тебя зову,
 И воинов его, и сына, и вдову.
 Эпир! Достаточно, что Гермiona ныне
 Забудет о твоём великом господине.
 Но вот и он, — сюда он послан мне судьбой!
 Амур, для чар её глаза ему закрой!

Явление четвертое

П и р р, О р е с т, Ф е н и к с

П и р р

Я вас искал, и вам все объясню я прямо.
 На ваши доводы я возражал упрямо,
 Но, все обдумав, я сказать вам долгом чту,
 Что понял силу их и вашу правоту.
 Перед моим отцом, перед моей державой,
 Перед самим собой я поступал неправо.
 Спасая Илион, я навсегда губил
 Все то, что сделал сам и чем был горд Ахилл.
 Я понял, что ваш гнев законен, и для плахи
 Сегодня выдам вам я сына Андромахи.

О р е с т

Так, государь, — то путь надежный и простой,
 Хоть мир вы купите кровавою ценой.

П и р р

Я укреплю его, чтоб избежать измены.
 В залог его была дана мне дочь Елены,

И я на ней женюсь. Мне мнится, этот час
Ждал, государь, сюда в свидетели лишь вас.
В лице Ореста здесь — вся Греция родная,
Сын Агамемнона заменит Менелая.
Итак, ступайте ж к ней. Скажите ей, мой друг,
Что завтра я приму ее из ваших рук.

О р е с т *(в сторону)*

О боги!..

Явление пятое

П и р р, Ф е н и к с

П и р р

Что ж, любовь еще владеет мною?
Доволен ты теперь решимостью такую?

Ф е н и к с

Я узнаю вас. Гнев — хваление судьбе! —
Вернул вас Греции и самому себе:
То не дитя страстей в томлении унылом,
А Пирр, что мог один соперничать с Ахиллом!
Вас слава не отдаст из-под своих знамен,
И был вторично взят сегодня Илион!

П и р р

Верней скажи, что я сегодня лишь по праву
Впервые получил заслуженную славу,
Затем, что гордое, без вздохов и без слов,
Смирило сердце страсть, как тысячу врагов.
Ах, Феникс, избежал ужасной я напасти.
Какие бедствия идут по следу страсти!
Друзьями, долгом, — всем я рад был пренебречь
За взгляд ее один, за ласковую речь.

Не смог бы совладать я с целою Элладой,
Но погубить себя казалось мне отрадой.

Ф е н и к с

Счастливою для вас жестокостью полна,
Могла ли?..

П и р р

Видел ты, какой была она!
Я ждал, что, истомясь в мучительной тревоге,
Придя от мальчика, она падет мне в ноги.
Я их свидание хотел увидеть сам,
Но встретил бешенство и слезы гнева там.
В ожесточении она была сурова,
Лишь имя Гектора все повторяла снова,
Она не слушала нимало речь мою,
Над мальчиком твердя: «Его я узнаю!
Его глаза, и рот, и смелость молодую...
Да! Это он! Тебя, супруг мой, я целую!»
Что думает она? Ужели может ждать,
Что сына ей верну, чтоб страсть ее питать?

Ф е н и к с

Похожа на нее подобная награда.
Довольно слов о ней...

П и р р

Я знаю, что ей надо.
Она сильна красой и ждет, что как в бреду,
Забыв свой гнев, я вновь к ногам ее паду.
Она ж, у ног моих, меня бы не смутила:
Супруга Гектора — она, я — сын Ахилла,
И океан вражды нас разделяет двух.

Ф е н и к с

О ней рассказами свой не терзайте слух.
Вас Гермiona ждет, и вы прекрасны оба.
Вблизи нее как дым растает ваша злоба.
Но сами вы должны склонить ее на брак, —
Я бы сопернику не доверялся так.
Ведь он в нее влюблен...

П и р р

Но взяв ее в супруги,
Увижу ль пленницу в ревнивом я испуге?

Ф е н и к с

Опять! Она одна вам всё идет на ум!
Какое дело вам до слез ее и дум?
Какое волшебство вас к ней влечет невольно?

П и р р

Я ей не всё открыл, я не сказал довольно,
Не обнажил пред ней я злобы донага,
Она еще во мне не поняла врага.
Вернемся к ней, и ей я все тогда открою,
И хлынет ненависть широкою рекою,
Ты униженною ее увидишь сам.
Идем!

Ф е н и к с

Идите пасть опять к ее ногам,
Идите клясться ей и в страсти, и в надежде,
Чтоб презирать могла она вас, как и прежде!

П и р р

Ты думаешь, что я простить ее могу?
Что я ее ищу? Что я за ней бегу?

Ф е н и к с

Вы любите ее!

П и р р

Люблю! Какое слово!

Ей льстит моя любовь, и все ж она сурова.
 Ни братьев, ни друзей, одна поддержка — я!
 Астианакса жизнь зависит от меня.
 Чужая... Нет, не то — рабыня здесь в Эпире.
 Я сына ей дарю, свою любовь, всё в мире, —
 Но что ни делаю, в награду мне дано
 Ее гонителя лишь звание одно.
 Нет, нет, я клятву дал, — своей я мести верен,
 И ненависть ее я оправдать намерен!
 Я бросил мальчика... О горьких слез река!
 Как назовет меня теперь ее тоска!
 Какое зрелище я перед ней открою!
 Она умрет, мой друг, и я тому виною!
 Ведь это все равно, что нож вонзить ей в грудь!

Ф е н и к с

Но разве может вас принудить кто-нибудь?
 Что вашей слабости мешает вам предаться?

П и р р

Прости! Мне с нежностью так трудно расставаться!
 Но отлетит она, мой гнев не победив!
 Слабеющей любви прости последний взрыв!
 Дай, Феникс, мне совет, — я подчинюсь без стога:
 Что сделать с мальчиком? Что хочет Гермiona?

Ф е н и к с

Вам надо, господин, назвать ее женой,
 И с ней...

П и р р

Исполним все обещанное мной!



ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Орест, Пилад

П и л а д

Нельзя же, господин, неистовствовать доле.
Я вас не узнаю, вы не Орест уж боле.
Послушайте...

О р е с т

О, нет, совет твой опоздал!
Пилад, я разуму давно внимать устал.
Такую жизнь влачить отныне не хочу я:
Я похищу ее, иль встречу смерть, ликуя!
Решенье принято; его осуществлю, —
Я так хочу.

П и л а д

Ну, что ж — охотно пособлю.
Согласен. Но сперва подумайте немного,
Какая вслед за тем подымется тревога,
Старайтесь скрыть в себе волнение души
И свой секрет таить и соблюдать в тиши.
Здесь стража вся, весь двор, сам воздух — с ними вместе.
Все Пирру предано, верней — его невесте.
От глаз ее свой гнев старайтесь скрыть верней.
О боги! И таким явились вы пред ней?

О р е с т

Не знаю! Я в тот миг уж не владел собою.
 Предавшись ярости, я им грозил борьбою —
 Ее любовнику и ей самой назло.

П и л а д

К чему вас бешенство такое привело?

О р е с т

Ах, чья душа, скажи, крыла б не опустила,
 Когда бы вдруг ее такая весть сразила?
 Назначил брачный пир на завтра сам жених,
 Он хочет получить жену из рук моих.
 Уж лучше бы в крови омыл я эти руки!..

П и л а д

Его вините вы в ужасной вашей муке.
 Но разве менее жесток его удел?
 Ах, как и вас, его в душе я пожалел!

О р е с т

Нет, нет, его влекло — клянусь! — мое мученье!
 Он без моей любви дарил ей лишь презренье,
 В нем прелести ее не возбуждали страсть,
 Она ему нужна, чтоб у меня украсть!
 О боги! Ведь она была почти согласна
 Покинуть все, что здесь влекло ее так властно;
 Меж страстью и тоской колеблясь в тишине,
 Ей нужен лишь отказ, чтобы предаться мне.
 С Орестом говорить она была готова,
 Жалела, слушала... еще одно лишь слово...

П и л а д

Вы думаете?

О р е с т

Пирр ей стал невыносим,

Она...

П и л а д

Ах, никогда он не был так любим!
Пусть даже вам ее уступит он, — о боги! —
Чтоб задержаться здесь, она найдет предлоги.
Поверите ль вы мне? Хочу совет вам дать:
Не похищать ее вам надо, а бежать!
Иль с фурией себя вы свяжете беспечно,
Что ненавидит вас, что будет помнить вечно
Другой, желанный брак, и, злобу затая,
Начнет...

О р е с т

Затем-то вот ее похищу я!
Как! Ей жить в счастье, а мне избрать уделом
Терзанье бешенством слепым, остервенелым?
И от нее вдали всё думать об одном.
Нет, если мучиться, то вместе с ней, вдвоем!
Казнить одному? О, я страдал довольно!
Бесчеловечной, ей пусть будет так же больно,
И пусть ее глаза, познавши горечь слез,
Вернут мне имена, что я им преподнес!

П и л а д

Вы поручение исполните отлично,
Став похитителем...

О р е с т

Пусть так, — мне безразлично!
Когда исполню то, что мне велит страна,

Ведь нежностью меня не усладит она?
 И чем поможет мне все восхищенье мира,
 Коль скоро сделаюсь я притчею Эпира?
 Что ждешь ты от меня? О, если хочешь знать,
 От добродетели я начал уставать!
 С тех пор, как мир стоит, всё то же нахожу я:
 Рок поощряет зло, невинность наказуя.
 Куда ни кину взгляд, лишь горести видны,
 И небом мы всегда страдать обречены!
 Пусть боги нас разят, падем под их гоненьем!
 Но казнь должна идти лишь вслед за преступленьем.
 А ты зачем всегда, Ореста возлюбя,
 Ему грозящий гнев приемлешь на себя?
 Ты слишком предан мне, несчастного жалея, —
 Покинь его скорей, спасайся от злодея!
 Со мной напрасно ты так связан, мой Пилад,
 Я повстречать один опасность буду рад.
 Ты ж сына Гектора, как требует Эллада,
 Доставь туда.

П и л а д

Увезть нам Гермionу надо!
 Великая душа в опасности видна,
 А дружба честная на подвиги годна.
 Так! Ваши эллины усердны и исправны,
 В порядке корабли, и дует ветер славный.
 Здесь, во дворце, знаком мне каждый поворот,
 Здесь море близкое в кругую стену бьет,
 И ночью без труда, дорогой мне известной,
 Придем мы на корабль с добычею прелестной.

О р е с т

О добрый друг, прости, не нахожу я слов;
 На свете ты один жалеть меня готов.
 Прости несчастного, который с горем дружен,

Кто ненавистен всем и сам себе не нужен!
Настанет ли тот день, когда я оплачу...

П и л а д

Блюдайте тайну: вот — все то, чего хочу!
Намеренье свое не выдайте до срока,
Прикиньтесь, будто вам нет дела до жестокой,
Что пыл угас... Но, чу! Она идет сюда.

О р е с т

Коль сдержишь слово ты, — сдержу и я тогда!

Явление второе

Гермиона, Орест, Клеона

О р е с т

Итак, победы я добился с полуслова:
Я с Пирром виделся, и к браку все готово.

Г е р м и о н а

Так люди говорят, — и, как могу судить,
Явились вы сюда меня предупредить.

О р е с т

И разум ваш молчит и спорить не намерен?

Г е р м и о н а

Могла ли думать я, что Пирр мне всё же верен?
Что чувства прежние воскреснут в нем опять?
Что он придет ко мне, когда решусь бежать?
Конечно, знаю я, — его страшит Эллада,

И видеть не любовь, а лишь расчет здесь надо,
И вам мои глаза дороже во сто раз...

О р е с т

О, нет сомнения, он очень любит вас!
Власть ваших дивных глаз сильна на самом деле.
Но ведь и вы ему понравиться хотели?

Г е р м и о н а

Ах, без меня в те дни решались все дела:
Могу ль отнять я то, что даже не дала?
Нам вечно говорят, что страсть — не наша доля,
Нас к послушанию от юных дней неволя.
Я ж вздумала бежать. Свидетель — вы, что раз
Готова я была свой долг забыть для вас.

О р е с т

Увы! Жестокая, вы знали... Впрочем, что же?
То ваше право брать того, кто вам дороже.
Вы выбрали! Судьбу приемлю не кляня,
Хоть отнял выбор ваш так много у меня!
К чему роптать? На все есть повеленья рока,
Вас жалобой терзать напрасно и жестоко.
Вы долг исполнили, а я свой приговор!
Давайте ж прекратим напрасный разговор.

Явление третье

Г е р м и о н а, К л е о н а

Г е р м и о н а

Как речь его была спокойна и бесстрашна:

К л е о н а

Ах, молчаливая печаль всегда опасна:
Ореста жалко мне, тем более, что он
Сам вызвал тот удар, которым был сражен.
Считите, сколько лет ваш брак не мог свершиться,—
Орест пришел, — и Пирр готов на брак решиться.

Г е р м и о н а

Кого боится Пирр? Пред кем держать ответ?
Пред теми ль, кто дрожал под Троей столько лет?
Кого в отсутствии Ахилла страх без меры
Кидал на пламенем объятые галеры?
Кому, — когда б не сын великого отца, —
Елену выручать пришлось бы без конца?
Нет, Пирр не враг себе. Напрасен страх Клеоны!
Любима Пирром я, коль избрана им в жены!
Пускай Орест теперь винит меня во всем.
Но не довольно ль говорить о нем?
Пирр снова наш! И вот, ты видишь, дорогая,
Здесь Гермiona ждет, от счастья замирая.
Ты знаешь ли, кто Пирр? Ты знаешь, сколько есть
Им совершенных дел... Но кто их может счесть?
Он смел, с победою он дружен, как с сестрою,
Он постоянен, добр, как свойственно герою.
Подумай...

К л е о н а

Тсс! Сюда соперница в слезах
Спешит, чтоб вам излить свою тоску и страх.

Г е р м и о н а

Вы радости моей, о боги, не хотите!
Что ей могу сказать? Уйдем...

•

Явление четвертое

А н д р о м а х а, Г е р м и о н а, К л е о н а, С е ф и з а

А н д р о м а х а

Куда спешите?

Вид горя моего вас радовать бы мог:
 Ведь Гектора вдова с мольбой у ваших ног.
 Но здесь я не затем, чтобы с ревнивым жаром
 О сердце говорить, покорном вашим чарам.
 Ах! Пронзено рукой жестокою в борьбе
 То сердце, что одно влекло меня к себе.
 С одним лишь Гектором я знала страсти силу,
 И вместе с ним та страсть опущена в могилу.
 Но у меня есть сын. Поверьте, будет час,
 И вы узнаете, что значит сын для нас.
 Но я желаю вам, чтоб вы не испытали
 Из-за его судьбы мучительной печали,
 Когда из всех даров, что жизнь нам может дать,
 Остался он, и вот его хотят отнять.
 Когда в отчаяньи, боям не зная смены,
 Троянцы ворвались в ваш дом, в покой Елены,
 На помощь Гектора я позвала — и вот
 Вы были спасены, и ныне Пирр вас ждет.
 Скажите, что страшит их в мальчике невинном?
 О, дайте скрыть его на острове пустынном,
 Я там его одна воспитывать хочу
 И лишь рыданиям его там научу...

Г е р м и о н а

Я вам сочувствую. Но власть отца сурова:
 Мне долг велит молчать, и я молчать готова:
 От Пирра требует Эллада той главы,
 А Пирра упросить кто может, как не вы?

Не ваши ли глаза над ним царили властно?
Пускай прикажет он, а я на все согласна.

Явление пятое

А н д р о м а х а, С е ф ф и з а

А н д р о м а х а

Каким презрением дышал ее отказ!

С е ф ф и з а

Ах, Пирра разыскать вам надобно тотчас:
Чтоб вам торжествовать, довольно будет взгляда.
Но сам он ищет вас...

Явление шестое

П и р р, А н д р о м а х а, Ф е н и к е, С е ф ф и з а

П и р р

Мне Гермionу надо
Увидеть... Ты ж сказал, что Гермiona тут...

Ф е н и к е

Да, да...

А н д р о м а х а

Мои глаза его уж не влекут.

П и р р

Что говорит она?

А н д р о м а х а
К моим он хладен бедам.

Ф е н и к с
Спешите, государь, за Гермиейой следом!

С е ф ф и з а
Теряем время мы! Напрасно мы молчим!

А н д р о м а х а
Он сына хочет взять...

С е ф ф и з а
Еще не взят он им.

А н д р о м а х а
Сын смерти обречен, — всё, всё теперь бесплодно!

П и р р
Смотри, — на нас взглянуть ей даже не угодно!
О, как горда!

А н д р о м а х а
Уйдем! Нет силы спорить с ним.

П и р р
Мы тотчас мальчика Оресту отдадим.

А н д р о м а х а (*бросаясь к ногам Пирра*)
О, страшные слова на приговор похожи!
Коль будет отдан сын, отдайте мать им тоже!
Давно ли ласкою дышала ваша речь?

Смогу ли жалости хоть искру я зажечь?
Иль я слезам навек обречена сурово?

П и р р

Вам Феникс подтвердит, — я эллинам дал слово!

А н д р о м а х а

И это Пирр, что был из-за меня так смел?

П и р р

Я был слепым тогда, но я теперь прозрел.
Его помиловать для вас я был бы в силе,
Но вы меня о том ни разу не просили.
Теперь же поздно...

А н д р о м а х а

О! Вы слышали не раз
Невыразимый вздох, подавленный точас.
Простите же судьбе, когда-то столь огромной,
Гордыню, что всегда боится быть нескромной.
Вы знаете, меня ни горести, ни плен
Заставить не могли обнять ничьих колен.

П и р р

Нет, я противен вам! Вам кажется опасным
Ответить чем-нибудь моим желаньям страстным.
И даже милый сын, когда б его я спас,
Столь обожаемым уж не был бы для вас.
Не видите во мне вы ни стыда, ни чести,
Ваш гнев сильнее, чем гнев всех греков, ввятых вместе.
Что ж, оставляю вас столь милой вам судьбе...
Прощайте!

А н д р о м а х а

Мой супруг, иду, иду к тебе!

С е ф и з а

О госпожа...

А н д р о м а х а

Теперь ничто уж не поможет!
Винovníк мук моих, он их не знать не может.

(Пирру)

О государь, за что жестоки вы ко мне?
При мне убит отец, и город пал в огне,
При мне погибло все семейство Андромахи,
И Гектора влекли кровавый труп во прахе,
И сын его цепям был обречен судьбой.
Для сына я дышу, осталась жить рабой...
Нет, более того: я тешилась сознанием,
Что счастливо сюда мы брошены изгнанием,
Что отрок царственный самой судьбой храним,
Попавши к вам во власть, а не во власть к другим,
Что может этот плен нам стать приютом милым.
Поверженный Приам обласкан был Ахиллом, —
От Пирра я ждала такой же доброты.
Мою доверчивость, супруг, простишь ли ты?
Казалось мне, твой враг лишь совести послушен,
Что он, смилив себя, всегда великодушен.
Напрасно я ждала, что буду отдана
Гробнице Гектора, что мной возведена,
Что, положив конец часам и дням унылым,
Соединюсь опять с моим супругом милым...

П и р р

Оставь нас, Феникс, здесь...

Явление седьмое

Пирр, Андромаха, Сефиза

П и р р

Постойте, госпожа!

Вам рано мальчика оплакивать, дрожа.
Мне жаль, что я вам дал рыдать в жестокой муке,
Я этим лишь вложил оружие вам в руки.
Я думал, что во мне лишь ненависти яд...
Но подымите же хоть на мгновенье взгляд!
Похож я ль на судью, пытающего строго?
На злобного врага похож ли хоть немного?
Вы гоните меня, и этим вы горды?
Во имя мальчика не хватит ли вражды?
Чтобы спасти его, я к вам взываю ныне:
Как нужно вас еще молить о вашем сыне?
Иль должен за него я вам лобзать ступни?
Обоих вас спасти — способны вы одни.
Я знаю, чем грозит презрение обета,
Какую ненависть я претерплю за это,
На Гермонино чело мне суждено
Не царский класть венец, а вечное пятно.
Ждут в храме свадебном не вас, а Гермionу,
А я... я возложу на вас ее корону!
Не время, госпожа, отказами играть,
Пора меж гибелью и царством выбирать.
Неблагодарностью измучен я безмерно,
Я звать свою судьбу теперь хочу наверно.
Я долго угрожал, надеялся, молил...
Нет силы вас терять, но ждать нет также сил.
Решайте ж! Я вернусь и в храм отправлюсь с вами,
Младенца вашего мы тоже встретим в храме.
Там вы познаете иль мрак, иль торжество:
Там я венчаю вас, иль погублю его.

Явление восьмое

А н д р о м а х а, С е ф и з а

С е ф и з а

Старанья Греции, как видите, напрасны, —
Лишь вы своей судьбой распоряжаться властны.

А н д р о м а х а

Вот привели к чему твои слова,—прости!
Я сыну приговор должна произнести.

С е ф и з а

Чрезмерно вы верны супругу, нет сомненья,
И верность доведет вас лишь до преступления.
Сам Гектор был бы рад, чтоб обрели вы мир.

А н д р о м а х а

Ужели Гектору преемник будет Пирр?

С е ф и з а

Что ж? В этом выборе лишь греки виноваты.
Но за него краснеть не стали бы пенаты,
И Гектор презирать, конечно, бы не мог
Того, кто всем для вас на свете пренебрег,
Чья гордость ради вас себя вражде открыла,
Кто перестал считать своим отцом Ахилла,
Его дела забыл, к вам страстию горя.

А н д р о м а х а

Пусть их не помнит он, — могу ль забыть их я?
Забыть, как вокруг стены влекли окровавленный
Труп мужа моего, всех почестей лишенный?
Забыть, как был убит Приам, великий царь,
И кровью старческой был обагрён алтарь?

О, вспомни, вспомни ночь, что длилась бесконечно,
Став для моей страны последней ночью, вечной!
Забыла ль ты, как Пирр, сверкающ и суров,
Вошел в сиянии пылающих дворцов,
Сквозь груды мертвецов, шагая всех спокойней,
До самых пят в крови, и призывая к бойне?
Крик победителей и побежденных крик!
Кто гибнет в пламени, кто под мечом поник,
Вокруг меня лишь смерть да зовы боевые, —
Таким передо мной явился Пирр впервые.
Вот подвигом каким он увенчал себя!
Его ль в супруги мне ты избрала, любя?
Нет, соучастницей не буду преступлений,
Пусть жертвами его уйдем мы в царство теней,
Пусть будет виноват во всем лишь он один.

С е ф и з а

Пойдем тогда смотреть, как встретит смерть ваш сын.
Там ждут ведь только вас... Но вы идти не в сила!

А н д р о м а х а

Воспоминания мне душу уязвили!
О, раны старые, Сефиза, не тревожь!
Ужель умрет мой сын, что с Гектором так схож?
В залог своей любви его мне дал любимый.
В тот день, когда своим бесстрашием томимый,
Ахилла он искал и смерть нашел в борьбе,
Он сына принести велел тогда к себе.
«Супруга, — молвил он, мне слезы утирая, —
Что б ни сулил мне рок, судьбой моей играя,
Останется мой сын, любви моей залог.
Хочу, чтобы в тебе меня найти он мог,
И если дорого тебе всё то, что было,
Покажешь сыну ты, как ты отца любила!»
Ужели Пирр ту кровь бесценную прольет
И прекратит навеки такой достойный род?

Скажи, жестокий царь, в чем виноваты дети?
 Ты ненавистен мне, — за что ж мой сын в ответе?
 Иль он корил тебя за гибель всей семьи?
 Иль упрекал тебя за горести свои?
 Но ты умрешь, мой сын, когда я не сумею
 Меч грозный удержать над головой твоею.
 Могу тебя спасти, и все же не спасу...
 Как? Он умрет, а я ту смерть перенесу?
 Но где же Пирр? Ах, нет, Сефиза дорогая;
 Ступай, найди его...

С е ф и з а

Что передать должна я?

А н д р о м а х а

Пойди, скажи ему, что сын мне слишком мил...
 Обетом Пирр ту смерть еще ведь не скрепил?
 Не может быть любовь жестокой так напрасно!

С е ф и з а

Ах, возвратится к нам он в ярости ужасной.

А н д р о м а х а

Так обещай ему...

С е ф и з а

Что обещать? Любовь?

А н д р о м а х а

Увы! Того, что нет, как обещаю вновь?
 Супруг мой! мой отец! наказана я строго!
 О сын мой, жизнь твоя мне стоит слишком много!
 Идем...

С е ф и з а

Куда? Зачем? Что вы решили вдруг?

А н д р о м а х а

Пусть за меня решит мой дорогой супруг!



ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

А н д р о м а х а, С е ф и з а

С е ф и з а

Так хочет ваш супруг и утверждать я буду,
Что это Гектор сам помог свершиться чуду,
Он ждет, чтоб Троя вновь прекрасно расцвела
И сын его свершил великие дела.
Пирр обещал. И вот вы молвили лишь слово —
И сын ваш, госпожа, принадлежит вам снова.
Вы видите: отца, союзников и трон
Сложил у ваших ног без размышленья он.
Он делает из вас владычицу Эпира:
За это ли должны вы ненавидеть Пирра?
Уж против эллинов направив гневный пыл,
Он сына вашего заботой окружил,
Их гнев предчувствуя, он делится с ним стражей,
Чтоб охранить его, рискует жизнью даже.
Но в храме всё вас ждет, — ведь вы сказали: «да»!

А н д р о м а х а

Мы сына навестим, потом пойдем туда.

С е ф и з а

Куда спешите вы? Довольно, что отныне
Запрета нет для вас заботиться о сыне,

И будет ласкою он вашей окружен,
 И каждый поцелуй не будет вам зачтен.
 Вы будете растить его в любви и холе,
 Не как раба, всю жизнь живущего в неволе,
 Но так, чтоб царский род с ним вместе не угас.

А н д р о м а х а

Я на него взгляну сейчас в последний раз.

С е ф и з а

Что говорите вы?

А н д р о м а х а

Сефиза, дорогая!

Я говорю с тобой, всю душу открывая
 И веру в преданность твою всегда храня.
 Ужели до сих пор не знаешь ты меня?
 Как! Ты поверила, что я предать готова
 Того, кто так желал во мне воскреснуть снова?
 Что, мертвых разбудив с их горестной тоской,
 Я, чтоб помочь себе, нарушу их покой?
 Нет! Клятва мной дана была совсем иная!
 Но если сын в беде, его спасти должна я.
 Пирр защитит его, коль женится на мне.
 Достаточно: ему доверюсь я вполне.
 Горяч, но искренен, — таким его узнала, —
 Он больше сделает, чем посулит сначала.
 А гнев, что потрясет всех эллинов сердца,
 Даст сыну Гектора прекрасного отца.
 Итак, раз жертвою помочь нельзя иному,
 Согласна нынче стать я Пирровой женою.
 Обетами, что я сегодня получу,
 Я с сыном Гектора его связать хочу,
 И вслед затем рукой, что лишь ко мне жестока,
 Жизнь изменившую я пресеку до срока.

Я честь свою спасу и должное воздам
Себе, и Гектору, и Пирру, и богам.
Вот нежности моей простое измышление,
Вот как исполню я мне данное веленье!
Я чашу горькую хочу испить одна.
Сефиза, ты закрыть мои глаза должна.

С е ф и з а

Одна унылую влачить не стану долю...

А н д р о м а х а

Нет! нет! Идти за мной тебе я не позволю.
Мое сокровище тебе оставлю я!
Ему принадлежит отныне жизнь твоя.
Надежду всей страны приняв на попечение,
Ты множества царей заслужишь уважение.
За Пирром наблюдать ты будешь в тишине.
Понадобится, — с ним беседуй обо мне,
Пусть ценит наш союз, доверием согретый,
Скажи ему, что я дала ему обеты,
Что чувства гневные должны уйти во тьму,
Что даже сына я доверила ему.
А сына познакомь с героями родными, —
Пусть подражает им и пусть гордится ими,
Пусть знает, чем навек славны их имена,
Что сделали они, в чем доблесть их видна.
О подвигах отца тверди ему все снова,
Порой о матери скажи ему два слова.
Однако мстить за нас пусть не мечтает он:
Тот, кто его растит, быть должен пощажен!
Пусть сын наш предков чтит и в счастье и в невзгоде.
Он отпрыск Гектора, но он — последний в роде,
И для последнего я ныне отдаю
И ненависть, и страсть, и даже жизнь мою.

С е ф и з а

Увы!

А н д р о м а х а

Останься здесь, когда своих страданий
 Не сможешь утаить и удержать рыданий.
 Сюда идут. Не плачь! Я говорю тебе,
 Что ты одна должна помочь моей судьбе.
 Ах, Гермiona... С ней я встречи не желаю.

Явление второе

Гермиона, Клеона

К л е о н а

Я в изумлении и вас не понимаю.
 Молчите вы? И тем, что вас обидел он,
 Ваш благородный дух нимало не смущен?
 Вы переносите обиду без печали, —
 Вы, что при имени коварной трепетали,
 Вы, для кого всегда был самый горький яд,
 Когда дарил ей Пирр хотя б единый взгляд?
 Он женится на ней, он ей отдаст с короной
 Все, что заслужено одною Гермियोной...
 Нет! Эти немотой объятые уста
 Не жалуются мне на Пирра неспроста.
 Оцепенение опасностью чревато...
 Уж лучше б много раз...

Гермиона

Ореста позвала ты?

К л е о н а

Он здесь, он здесь, и вы увидите без слов,
 Что он попрежнему на все для вас готов;

Все так же рвенья полн, не требуя награды,
Глядеть на вас — иной не знает он отрады,
Но вот он...

Явление третье

Орест, Гермiona, Клеона

Орест

Госпожа, ужель на этот раз
Здесь появившись, я исполнил ваш приказ?
Иль я от радости опять вернусь к печали?
Иль вправду вы меня сюда зачем-то звали?
И этот светлый взор, досады не тая,
Хотел...

Гермiona

Я знать хочу, любима ль вами я?

Орест

Любимы ли вы мной? Ах! Клятвопреступленья,
И бегство, и возврат, и нежность, и мученья,
Моя печаль, мой взор, всегда тоской томим...—
Чему же доверять, когда не верить им?

Гермiona

Отмстите, и тогда поверю!

Орест

Если надо,
Пусть ярким факелом пылает вся Эллада!
Прославим ваш и мой неукротимый нрав,
Я — Агамемноном, а вы Еленой став.
В Эпире воскресим все муки старой Трои, —
Воспеты будем мы, как прежние герои!
Идемте, я готов...

Г е р м и о н а

Идти? Зачем? Куда?

Так долго мести ждать не стану никогда.
 Как! Не воздав врагу за наглость преступления,
 Ждать где-то вдалеке неверного отмщенья
 И разрешать затем свою судьбу войной,
 В которой может месть остаться не за мной!
 Нет! Пусть Эпир мне вслед рыдает сокрушенный,
 Но нынче же, сейчас должна я быть отмщенной.
 Задержка каждая мой нарушает мир.
 Ступайте в храм скорей. И должен пасть...

О р е с т

Кто?

Г е р м и о н а

Пирр!

О р е с т

Пирр?

Г е р м и о н а

Что? Колеблетесь? Иль это непонятно?
 Бегите ж от меня, чтоб вас не звать обратно!
 О прежнем не хочу я помнить ничего.
 Не вам передо мной оправдывать его!

О р е с т

Мне! Мне оправдывать! Не вы ли, в самом деле,
 Его злодеяния все во мне запечатлели?
 Я отомщу ему, но отомщу не так, —
 Не как убийца, нет, но как заклятый враг.
 В бою погибнет он, а не убитый сзади.
 Могу ль я голову его привезть Элладе?
 Мне поручение моей страной дано,
 А я — я совершу убийство здесь одно?

Во имя всех богов! Пусть выскажутся греки,
Пусть заклеят его всеобщий гнев навеки.
Подумайте, он — царь, короной венчан он...

Г е р м и о н а

Так мало вам, что мной он на смерть обречен?
Там мало вам того, что честь моя задета?
Что жертвы требую себе одной за это?
Что я себя за казнь назначила ценой?
Что враг он наконец, что был любим он мной?
Да, он мне дорог был, я не таюсь нимало!
Так приказал отец иль страсть мне приказала, —
Не все ль равно? Но вам совет хороший дан.
Решайте ж! Несмотря на злой его обман
И несмотря на все постыдные события,
Пока он жив, его всегда смогу простить я,
И ненависть моя рассеется как дым.
Иль он умрет сейчас, иль будет мной любим!

О р е с т

Так пусть погибнет он!.. Нет для него пощады!
Пусть!.. Но скажите мне, что совершить мне надо?
И как могу тогда я утолить ваш пыл?
И где хотите вы, чтоб я его убил?
В Эпир приехал я совсем еще недавно.
Вам нужно, чтобы я низвергнул трон, столь славный,
Вам нужно, чтоб погиб столь гордый властелин,
И вы даете день, нет — час, нет — миг один!..
Не всенародно ли свершу я наказание?
Ну что ж, готов вести я жертву на закланье!
Не стану спорить я... Пока же посмотрю
На храм, где меч вонзить я должен в грудь царю.
Сегодня в ночь алтарь ему послужит плахой.

•

Г е р м и о н а

Но он венчается до ночи с Андромахой!
 И в храме для нее уже воздвигнут трои:
 Стыд завершился мой, позор мой подтвержден.
 Что ждать? Он головы своей не ценит даже,
 На праздник он пойдет без воинов, без стражи,
 Им сына Гектора он охранять велел:
 Мстить за меня легко тому, кто будет смел.
 Ужель хотите вы его сберечь от мести?
 Вооружите всех, кто прибыл с вами вместе,
 Сзовите всех друзей, мои придут тотчас!
 Он лжец, изменник он, он презирает нас!
 Уж гневной яростью к нему пылают греки
 За то, что связан он с троянкою навеки.
 Нет! Моему врагу себя не уберечь! —
 Вы только дайте им из ножен вырвать меч!
 Пусть увлечет с собой и вас их гнев открытый.
 Коль кровью дерзкого вернетесь вы покрытый, —
 То в сердце у меня вы полный властелин.

О р е с т

Но все ж, подумайте...

Г е р м и о н а

Довольно, господин!
 Все рассужденья здесь не к чести и не к месту!
 Как заслужить любовь, — сказала я Оресту!
 Но только жалобы я слышу от него,
 Он, видно, от меня не хочет ничего...
 Ступайте ж, верностью своей хвалясь повсюду,
 А я останусь здесь и мстить одна я буду.
 Я жалкой слабости своей стыжусь сейчас.
 Не много ль? — В тот же день еще один отказ!
 Одна пойду я в храм, где близок брак счастливый
 И где меня себе завоевать могли вы.

К врагу сумею я приблизить верный меч,
И сердце поражу, что не смогла привлечь,
А после на себя направлю те же руки,
И больше нам не знать уж никогда разлуки,
И будет слаще мне, порвавши жизни нить,
С ним вместе умереть, чем вместе с вами жить.

О р е с т

Нет, радости такой вкусить вам не позволю, —
От этой вот руки свою он примет долю!
Вам в жертву принесу всех ваших я врагов,
А ваших милостей — покорно ждать готов.

Г е р м и о н а

Тогда спешите! В вас не обману я веры.
Пусть наготове ждут для бегства нас галеры!

Явление четвертое

Г е р м и о н а, К л е о н а

К л е о н а

Вы губите себя и даже, может быть...

Г е р м и о н а

Гублю себя иль нет, но жажду отомстить!
Достоин ли Орест подобного доверья?
Иль Пирра наказать должна сама теперь я?
Его измена лишь в моих глазах тяжка,
И я сразила бы его наверняка.
За оскорбленье мстить, — что сладостней на свете?
В крови неверного увидеть руки эти
И, мучая его, пока он не угас,

Скрывать соперницу от потускневших глаз!
 Ах, если бы Орест, свое свершая дело,
 Успел ему сказать, что я того хотела!
 Пусть молвит Пирру он, поднявши меч над ним,
 Что не своей страной, а мною он казним!
 Беги, беги скорей, — мне месть моя постыла,
 Коль он не будет знать, что я его убила!

К л е о н а

Не бойтесь, догоню его я без труда.
 О боги! Госпожа! Сам царь идет сюда:

Г е р м и о н а

Оресту скажешь ты, что я сочла за благо,
 Чтоб, не спросив меня, не делал он ни шага.

Явление пятое

П и р р, Г е р м и о н а, Ф е н и к с

П и р р

Я здесь нежданный гость, о госпожа, и вот
 Я вижу, что прервал беседу мой приход.
 Я не затем пришел, чтоб хитростью напрасной
 Стараться оправдать поступок мой пристрастный.
 Довольно, что себя я тайно осудил,
 А ложь поддерживать — в душе нехватит сил.
 Избрал троянку я. Но, госпожа, я знаю,
 Что данный вам обет я этим нарушаю.
 Другой сказал бы вам, что там, в чужой стране,
 Решение двух отцов вас отдавало мне,
 Что, не спросив из нас ни одного об этом,
 Без страсти, без любви связали нас обетом.

Достаточно, что я к союзу был готов,
Что сердце отдал вам через моих послов.
Не отзывая их, не взяв назад согласия,
Спокойно увидал сюда прибывшей вас я.
Хотя и покорен огнем других очей,
Уже неуязвим для красоты ничьей,
Не отдавался я влечениям безмерным,
Я вам попрежнему хотел остаться верным,
И как царицу вас я встретил, и всё вновь
Пытался заменить обетами любовь.
Но страсть сильнее меня, и Андромаха разом
Украла у меня влечение и разум.
Мы к алтарю спешить теперь обречены,
И в вечной страсти дать обеты мы должны.
Возмездья ждет от вас моя измена злая, —
Я совершил ее, казнясь, но и желая.
Пусть буйствует ваш гнев, виновного казня, —
Еще сильнее, чем вас, он облегчит меня.
Пускай клеймят меня позорные названья:
Проклятий не страшусь, но я страшусь молчанья,
И сердце, вспомнив все бывшее в тишине,
О нерассказанном повторит мне вдвойне.

Г е р м и о н а

Я рада, что во всем признаться мне смогли вы,
Что, государь, к себе вы стали справедливы
И знаете, что, рвя с невестою своею,
Вы совершаете злодейство, как злодей,
Но победителю не надо унижаться, —
Обетов, данных им, к чему ему держаться?..
Но нет! Вы увлеклись коварною игрой,
Вам только хочется хвалиться предо мной!
Долг забывая свой и клятв не признавая,
Жених троянки вы!.. Зачем же вам нужна я?
Отвергнуть, вновь признать и вновь отбросить прочь

Елены царственной и Менелая дочь?
Корону отдавать царевне — и рабыне?
Взяв Илион, пещись о Гекторовом сыне?
Так поступает тот, кто властвует собой, —
Своей неверностью играющий герой.
Чтобы понравиться супруге вашей, видно,
Должна я вас корить жестоко и обидно.
Вам хочется взирать на горькое чело,
Чтоб с нею надо мной потом смеяться зло.
Вам хочется, чтоб я за ней в слезах бежала...
Но нынче радостей вас ждет и так не мало!
К чему вам имена, что вам еще новы,
И не довольно ль тех, что носите уж вы?
На вашей совести Приам, лишенный чести,
И вся его семья, погибшая с ним вместе;
Не вами ль пролита, как алое вино,
Кровь, что от старости остыла уж давно?
Вы Троию предали во власть мечу и тлену,
Вы этою рукой убили Поликсену,
Элладе взбешенной неслыханно грозя.
Великодушной быть, мне кажется, нельзя.

П и р

Я знаю, что мой гнев и впрямь был бесконечен,
Что за Елену мстя, я был бесчеловечен.
Я сам оплакал кровь, что пролил я тогда.
Но прошлое забыть хочу я навсегда.
Благодарю богов, что равнодушие ваше
Страсть делает мою невиннее и краше.
Но сердце Пиррово, терзаясь и любя,
Не изучивши вас, не знало и себя.
Мое признание вам было нестерпимым:
Чтоб быть изменником, ведь надо быть любимым!
Но не держали вы меня у ваших ног.
Я мучусь, а меж тем, быть может, вам помог?

И нашим двум сердцам судьба дана иная:
Я исполнял свой долг, вы — волю Менелая.
Не заставляло вас ничто меня любить.

Гермиона

Ты не был мной любим? Могло ли это быть?
Исканья всех других отвергла я жестоко,
Сама пришла к тебе, к твоей стране далекой,
Я здесь еще, хоть ты мне горько изменил,
Хоть эллинам давно уж мой позор не мил.
Но им скрывать его велела я сурово.
Я все еще ждала, что ты вернешься снова.
Я думала, что долг в тебе заговорит,
И сердце мне отдашь, что мне принадлежит.
Неверный мил! Чего ж был верный бы достоин?
Ведь даже в этот миг, когда ты так спокоен,
Меня известием мучительным губя,
Я не уверена, что не люблю тебя!
Но если мой удел — жестокие удары,
И вас влекут другой пленительные чары,
Вступайте в брак; а я прошу лишь об одном —
Не понуждать меня присутствовать при нем!
Сейчас в последний раз меня вы повстречали...
На завтра этот брак переложить нельзя ли?
Молчишь!.. Коварный, ты сейчас мне явен весь!
Потерян каждый миг, что ты потратил здесь.
Троянку увидеть пылая нетерпеньем,
Со мною речь ведешь ты только с сожаленьем.
С ней сердцем говоришь и пламенем очей.
Тебя я не держу! Беги скорее к ней!
Клянись ей в верности, что мне принадлежала,
И оскверняй богов священные начала!
Но боги мудрые спокойны и чисты, —
Им не забыть, что мне дал эти клятвы ты.
Беги же к алтарю с душою оскверненной,
Но бойся встретиться там снова с Гермионой!

Явление шестое

П и р р, Ф е н и к с

Ф е н и к с

Вы слышали ее. Вы знаете: страшна
Любовь, что жаждой мстить и яростью полна.
Откуда помощь ждать, ей хорошо известно,
И распря эллинов связалась с нею тесно.
Орест влюблен в нее. Быть может, в их судьбе...

П и р р

Нас ждут. Астианакс поручен мной тебе.



ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Гермиона

Ах, что со мной? Куда стремлюсь неудержимо?
Чем я взволнована? Чем больно так томима?
Ах, над собою здесь я потеряла власть!
Что: ненависть во мне бушует или страсть?
Его глаза меня спокойно провожали,
Без сожаления, без видимой печали.
И разве жалостью ко мне он был смущен?
И разве он издал хотя б единый стон?
К моей тоске он нем, к страданью — без участия:
Ему ль рыдать со мной, когда он полон счастья?
А я о нем скорблю! Не в том ли казнь моя,
Что сердцем защищать его готова я?
Не мне ли смерть его страшней и горше яда?
Не я ль, готова мечь, его простить была бы рада?
Нет! Праведен мой гнев, виновного казня:
Пусть гибнет он, когда живет не для меня!
Изменник! В торжестве он надо мной смеется,
Он мнит — моя гроза в одних слезах прольется,
И, беспокойная, не стойкая душой,
Удар одной руки я отклоню другой.
Он думает, я та, какую встарь бывала.
Вернее — до меня ему заботы мало,

И счастья его не может отпугнуть;
 Что гибели его желает кто-нибудь.
 Он предоставил мне об этом попеченье.
 Так что ж! Пусть нож Орест заносит без смущенья.
 Пирр должен умереть, раз с ней вошел он в храм,
 Он этого желать меня заставил сам.
 Желать? Ужели я убийство предписала?
 И Гермियोны страсть могилой Пирру стала?
 Герой, о подвигах которого не раз
 Любила слушать я волнующий рассказ,
 Которому себя я тайно посвящала,
 Когда еще наш брак ничто не предвещало...
 Я столько стран, морей на то ль пересекла,
 Чтоб стать виновницей гибели и зла?
 Его убить? Казнить?.. Нет!.. Не услышу стопа!..

Явление второе

Гермиона, Клеона

Гермиона

О, что я сделала? Что скажешь мне, Клеона?
 Что с Пирром?

Клеона

В этот миг в чаду блаженства он.
 Он горд всех более и боле всех влюблен.
 Я видела, как в храм — поверить захотите ль? —
 Победу новую он ввел, как победитель,
 И взора, где блистал его влюбленный пыл,
 От пленницы своей на миг не отводил.
 Шла Андромаха с ним под радостные кличи,
 Троянкой, в трауре исчезнувших величий,
 Не ведая любви, безлична ко всему,
 Без слез, без радости послушная ему.

Г е р м и о н а

Неблагодарный! Так со мной он сводит счеты?
Скажи, в его-лицо вгляделась хорошо ты?
Вкушал ли радость он возвышенных сердец?
Не обращал ли взор с тревогой на дворец?
Была ль ты на виду, чтоб он тебя заметил?
Не покраснел ли он, когда твой взгляд он встретил?
Не страх ли выдала игра его лица?
Ужель надменным он остался до конца?

К л е о н а

Увы! Он слеп. Мечты о подвигах, о чести
Сегодня, госпожа, забыты с вами вместе.
Не думая о том, кто друг ему, кто враг,
Он просит у судьбы одних любовных благ.
Всю стражу уступил он Гекторову сыну,
Как будто не страшась себе удара в спину.
Он Фениксу велел, чтоб мальчика увез
Подальше от беды и всяческих угроз.
К другим заботам Пирр сегодня равнодушен.

Г е р м и о н а

Коварный! Он умрет! Ведь мне Орест послушен?

К л е о н а

Орест явился в храм и эллины вослед.

Г е р м и о н а

Ну, что ж, готов он мстить, скажи мне, или нет?

К л е о н а

Не знаю...

Г е р м и о н а

Как? И ты! И сам Орест не знает?
Так предал он меня?

К л е о н а

Орест вас обожает.

Но он сомненьями терзается все вновь,
То совесть слушая, то слушая любовь.
Корона Пиррова ему почет внушила.
Он уважает в ней и Пирра и Ахилла.
Враждою эллинов, их гневом он смущен,
Но более всего себя боится он.
Сразить врага в бою готов он для любимой,
Но стать убийцею ему невыносимо.
И он вошел туда, еще не зная сам,
Злодеем или нет покинет этот храм.

Г е р м и о н а

Нет! Счастье вкусят спокойно эти двое.
Не станет нарушать он торжество такое.
Причина дум его понятна и ясна:
Боится смерти трус, она ему страшна.
Елена, мать моя, не посулив награды,
На помощь привлекла героев всей Эллады,
И видела она за десять лет боев
Погибель трех царей, и каждый был ей нов.
А я — я отомстить хочу за оскорбленье,
Влюбленному в меня я поручаю мщенье,
Чтоб он завоевал меня такой ценой, —
А он боится мстить, пренебрегает мной!
Что ж! Выполню сама всю меру наказаний.
Пусть содрогнется храм от воплей и рыданий.
Священнодействие быть прерванным должно,
Чтоб длился их союз мгновение одно.
Не стану выбирать в кровавой суматохе,
Равны Орестовы и Пирровы мне вздохи.
Умру, но будет смерть моя отомщена,
И кое-кто еще умрет, не я одна.

Явление третье

Орест, Гермiona, Клеона

Орест

Свершилось, госпожа, приказанное вами:
Свой нечестивый дух Пирр испускает в храме.

Гермiona

Он умер!

Орест

Нет еще, но греки, разъярясь,
Втоптали в кровь и прах его предательств грязь:
Так обещал я вам; для мужества и чести
Казался заговор жесток и мерзок вместе,
Но я явился в храм; волнением горя,
Пробрались эллины за мной до алтаря.
Пирр увидал меня, но дерзок и упорен
Моим присутствием он был лишь раззадорен.
И тем, что в храме был сам эллинский посол,
Брак лишь в величии и блеске приобрел.
С себя корону сняв торжественно и немо,
И Андромахи лоб венчая диадемой:
«Я вам, — воскликнул он, — даю венец царей,
Царицей стали вы Эпира и моей.
Я сыну вашему отцом отныне буду,
Я клятву в том даю, и клятвы не забуду,
Его враги — мои от нынешних времен,
И признается мной царем троянским он.
Но грянули в ответ не радостные крики,
А наших эллинов вопль яростный и дикий,
И окруженным вдруг себя он увидал.
Я места не нашел, чтобы вонзить кинжал, —
Хотелось каждому сразить его ударом.
Я видел, как сперва он отбивался с жаром,
Как бросился бежать от них окровавлен

И как близ алтаря упал на плиты он.
 Пробравшись сквозь толпу, мятущуюся в храме,
 Я кинулся тотчас сюда, к дворцу, за вами,
 Чтоб в гавань поспешить, куда придут друзья,
 В крови, которую пролить был должен я.

Г е р м и о н а

Что сделали они!

О р е с т

Простите нетерпению!

Вам кажется, оно пошло во вред отмщенью:
 Разить был должен я, чтобы злодей угас,
 Узнав, что смерть его постигла из-за вас.
 Но греков я увлек, сам увлекаем вами.
 Ведь лишь во имя вас мы появились в храме,
 Вы, госпожа, зажгли нам сердце и умы,
 Ведь вам орудием служить хотели мы,
 Вы нанесли удар...

Г е р м и о н а

Ах! Замолчи, несчастный!

И не вменяй другим поступок свой ужасный!
 От греков жди похвал чудовищной вине,—
 Тебя не признаю, и ты противен мне!
 Что, варвар, сделал ты? Твое ожесточенье
 Пресекло дней его прекрасное течение.
 Жестокие, его убили вы сейчас.
 Ужели же вся кровь не взбунтовалась в вас?
 Но говори: как смел решать судьбу его ты?
 Что сделал он? За что? Какие свел ты счеги?
 Кто мог велеть тебе?

О р е с т

Как! Разве не от вас

И не из ваших уст я получил приказ?

Гермиона

И ты поверить мог влюбленной безрассудно?
Ужель в моей душе прочесть то было трудно?
Иль не заметил ты, что гнев меня влечет
И дух не признает того, что просит рот?
Велела я, но ты, ты мог не дать согласия!
Могла просить, молить и требовать сто раз я, —
Ты ж должен был о том меня спросить опять,
И вновь ко мне придти, верней — меня бежать!
Зачем ты мне самой не предоставил мести?
Зачем ты здесь? Ведь я забыла об Оресте!
Так вот твоей любви кровотокащий плод!
Ты горе мне привез — оно с тобой идет!
Тем, что с посольством ты сюда явился ныне,
Ты сам его толкнул в объятия рабыни.
Не будь тебя, вся страсть досталась мне б самой,
И был бы он моим иль делал вид, что мой!
Спешите же на корабль! Я остаюсь в Эпире!
На что мне Греция и Спарта? В целом мире
Мне нет семьи, она чужда моей судьбе, —
В нем есть чудовища подобные тебе.

Явление четвертое

Орест

То Гермиона ли? Она ль то говорила?
Чего же ради кровь мне руки обагрила?
Итак, предатель я, жестокосердый зверь!
Но кто же мной убит? И кто я сам теперь?
Как! Разум погасив, скорбя о страшной доле,
Великого царя убил я против воли,
Я преступил закон царей, закон послов,
И человеческий закон, без дальних слов,

И право алтаря, что все мы чтим и знаем,
 Я святотатцем стал, убийцей, негодяем, —
 И для кого? Для той, кому служить был рад,
 Для той, что на меня не подымает взгляд,
 Которая теперь, когда всё безвозвратно,
 В безумьи требует кровь мертвого обратно.
 Орест — чудовище! Пирр — ненаглядный друг!
 Нет, никогда она мне не протянет рук!
 Одни проклятия — ее награда злая,
 И я их заслужил, ей угодить желая.

Явление пятое

Орест, Пилад

Пилад

Иль надо нам бежать, иль уж решим тогда,
 Что суждено нам здесь остаться навсегда.
 Покуда эллины еще стоят у входа, —
 Но нелегко уйти от ярости народа.
 Все Андромахе здесь теперь подчинено.
 Она царица их, они с ней заодно.
 И та, что спорила с царем всегда так смело,
 Теперь вдовой его оплакивает тело.
 Она захочет мстить, и можно предсказать,
 Что нам за Гектора придется отвечать.
 Когда нас окружают, то будет все напрасно.
 Идемте ж к кораблям! Пока, волнуясь страстно,
 Вкруг Гермियोны там столпился весь народ,
 Спокойно мы уйдем: для нас открыт проход.

Орест

Нет, Гермione вслед идти, друзья, мне надо!
 Мне приговор ее — смертельная награда.
 Я виноват, вину я должен искупить!

П и л а д

Но Гермionу вы должны теперь забыть!
 Вы ненавистны ей при жизни и, поверьте,
 Обиды новые вас встретят после смерти.
 Она мертва, зачем спешить вам ей вослед?

О р е с т

Что слышу я? Мертва?

П и л а д

Да! В этом тайны нет!
 Царевну видели мы к храму по дороге,
 Спешащую туда в неистовой тревоге.
 Навстречу воины, желаньем мстить горя,
 Несли торжественно кровавый труп царя.
 При этом зрелище в ней вспыхнул гнев жестоко.
 Я видел, как она, подняв клинок высоко
 И к Пирру наклонясь, что перед ней лежал,
 Себе вонзила в грудь сверкающий кинжал.

О р е с т

О боги! Превзошла беда все ожидания!
 Хвала вам, небеса, за вечные страдания!
 Наказывать меня вы рады каждый миг!
 Предела горестей сегодня я достиг!
 Я вашей злобою давно гоним сурово,
 Я родился, чтоб мной ваш гнев играл все снова,
 Чтоб жизнь моя была ужасна и страшна.
 Спокойно я умру, — свершилось все сполна!
 Но где ж влюбленные? Нужна и мне награда.
 Их кровью и моею мне захлебнуться надо
 И в лица им глядеть до самого конца.
 Непримиримые соединим сердца!
 Но мрак вокруг меня невыносим и мрачен!
 Где выход мне найти? Я трепетом охвачен.

•

Мне ужас грудь теснит! И небеса кляня...
О боги! Кровь течет ручьями вокруг меня.

П и л а д

Мой господин!

О р е с т

Как! Пирр, тебя опять я вижу!
Тебя, которого смертельно ненавижу!
Так много раз пронзен, как уцелеть ты смог?
Вот, — получай удар, что я тебе сберег!
Но Гермиона здесь! Пылая страстным жаром,
Мне не дает она сразить его ударом!
О боги, что за взгляд бросает мне она,
Толпою демонов и змей окружена?
Исчадя ада! Вам моих терзаний мало?
К кому венцы из змей протягивают жала,
С шипеньем яростным вивсь вокруг ваших плеч?
В тьму вечную меня хотите вы увлечь?
Но что отрадно вам в моем предсмертном стоне?
Нет! Прочь! Я предаюсь одной лишь Гермионе,
Неблагодарная терзать меня должна, —
Пусть сердце теплое мое пожрет она!

П и л а д

Он чувств лишается. Друзья, скорей за дело!
Нам легче вынести бесчувственное тело.
Спасем его скорей! Все будет ни к чему,
Когда с сознанием вернется гнев к нему.

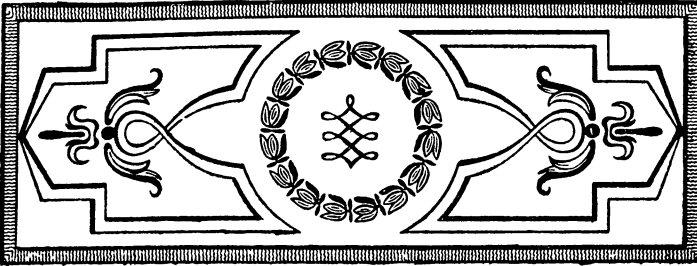






СУТЯГИ

LES PLAIDEURS
(1668)



ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я читал «Осы» Аристофана, я отнюдь не предполагал, что должен буду сделать из этого «Сутяг». Сознаю, что они весьма развлекли меня и что я нашел в них множество шуток, которые мне захотелось сообщить публике; но я собирался вложить их в уста итальянской труппы, для которой их предназначал как нечто, по праву ей принадлежащее. Судья, прыгающий из окон, преступная собака, рыдания ее семьи казались мне происшествиями, достойными важности Скарамуша. Отъезд этого актера оборвал мой план и вызвал желание у кое-кого из моих друзей увидеть в нашем театре образчик Аристофана. Я не отозвался на первое предложение, сделанное ими: я сказал им, что, несмотря на кое-какое остроумие, которое я находил в этом авторе, я не желал бы взять его образцом, если бы писал комедию, и что я предпочитаю подражать умеренности Менандра и Теренция, чем вольности Плавта и Аристофана. Мне ответили, что от меня не ждут комедии, а хотят лишь видеть, сохранят ли остроты Аристофана хоть некоторую прелесть в нашем языке. Таким образом, отчасти поощряя меня, отчасти принимая лично участие в работе, мои друзья заставили меня начать пьесу, которая и не замедлила быть оконченной,

Однако большинство не интересуется ни намерениями, ни стараниями авторов. Сначала мою шутку рассматривали, как рассматривают трагедию. Даже те, кто больше всех веселились ею, боялись, что смеются не по правилам, и осуждали меня за то, что я развлекал их без достаточной серьезности. Иные вообразили, что благопристойность требует, чтобы они скучали в данном случае, и что судебные дела не могут быть предметом развлечения для придворных. Вскоре пьеса была поставлена в Версале. Никто не стеснялся веселиться, и те, кто думал обесчестить себя, смеясь в Париже, были, видимо, вынуждены смеяться в Версале, чтобы остаться на высоте положения.

Они были бы поистине неправы, если бы упрекнули меня в том, что я утомил их слух чрезмерным крючкотворством. Этот язык чужд мне более, чем кому-либо, и я употребил лишь несколько слов судейского жаргона, которые мог узнать во время одного процесса, которого ни мои судьи, ни я никогда как следует не понимали.

Если я чего и опасюсь, то лишь того, что сколько-нибудь серьезные люди сочтут процесс с собакой и сумасбродства судьи пустословием. Но в конце концов я переводил Аристофана, и следует вспомнить, что он имел дело с достаточно разборчивыми зрителями. Афиняне, надо думать, знали, что такое аттическая соль, и если они чему-нибудь смеялись, то были уверены, что смеются не глупости.

Что касается меня, то я считаю, что Аристофан был прав, уводя все вещи за пределы правдоподобия. Судьи ареопага, возможно, не сочли бы благом, ежели бы он изобразил в натуральном виде их стяжательство, проделки их секретарей, хвастовство их адвокатов. Уместно было слегка преувеличить черты действующих лиц, дабы помешать им узнать себя. Публика не переставала различать правду сквозь чудачества, и я держусь того мнения, что лучше занять наглое красноречие двух

ораторов обвиняемой собакой, нежели поместить на скамью подсудимых действительного преступника и развлекать зрителей судьбою человека.

Как бы то ни было, я могу сказать, что наш век оказался не более хмурым, чем век Аристофана, и что будь целью моей комедии заставить смеяться, никогда комедия лучше не достигала цели. Это не значит, что я ожидаю большой чести от того, что сумел достаточно долго забавлять людей. Но я отдаю себе должное в том, что это не стоило мне ни одной из тех грязных двусмысленностей и непристойных шуток, которые так мало останавливают теперь большинство наших писателей и заставляют театр вновь падать в ту грязь, из которой некоторые более скромные авторы вытащили его.



Действующие лица

Д а н д е н, судья.

Л е а н д р, сын Дандена.

Ш и к а н о, буржуа.

И з а б е л л а, дочь Шикано.

Г р а ф и н я.

Ж а н М а л ы ш, привратник.

И н т и м е, секретарь.

С у ф л е р.

*Действие происходит в одном из городов
Нижней Нормандии.*



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Ж а н М а л ы ш (*тащит за собой
большой мешок с бумагами*)

Безумен, кто судьбе доверится вперед:
Кто хохотал в четверг,—в субботу слезы льет.
Я прошлый год был взят привратником заочно,
И из Амьена в дом к судье приехал срочно.
Нормандцы мнили нас вокруг пальца окрутить.
Ну, что ж: с волками жить, — так и по-волчьи выть!
Хоть пикардиец я, а ловко наострился.
Бичом не хуже их я щелкать научился,
И вот все господа — без шапок предо мной,
А господин Малыш — лишь с палец толщиной!
Но почести без средств — болезнь, в том нету спору.
Такой привратник я, что хоть театру впору:
Как в дверь мне ни стучи, как мне ни бей челом,
А если молотка не смазал, — заперт дом!
Нет денег, — дверь на ключ; меня ж как не бывало!
Ну, и хозяину кой-что перепало:
Велся тут общий счет... Препоручили дом
Свечами мне снабжать, а также и сенцом.
В убытке не был я! Я, на потребу дому,
С базара что ни день притаскивал солому.
Жаль, что судья в делах погрязнул с головой!
Он раньше всех в суде, всех позже он — домой.
Не будь меня, ей-ей, готов я поручиться,

Он стал бы без питья и пищи спать ложиться.
«Ах, господин Данден, — иной скажу я раз, —
Встаете по утрам вы в слишком ранний час.
Кто хочет странствовать, коня загнать страшится.
Вам нужно есть и спать, — тогда огонь продлится».
Меня не слушал он. И вот в конце концов
В нем помутился ум от бдений и трудов.
Пересудить нас всех — ведь вот чего он хочет!
Всегда какие-то молитвы он бормочет,
Какие — не понять. И как ты ни перечь,
В постелю норовит в судейской тоге лечь.
Раз пел петух не в срок. Проспавши заседание,
Он птицу головы лишает в наказанье:
Беднягу-петуха подмазал-де истец,
Чье дело было дрянь, чтоб тяжбе дать конец.
Со времени сего блестящего решения
Он больше не судья: напрасны ухищренья!
Сынок его отвел от всяких тяжб и дел
И сторожить его и день и ночь велел.
Хлопот с ним полон рот. Нет сил, как он проворен.
Чуть что, уж он в суде. О, как же я заморен!
Не смеь уснуть! Ложусь, а толку — лишь зевок.
Но нынче я всхрапну; подушкой мне мешок;
А бодрствуют пусть те, кому не надоело.
Я сплю на улице, — кому какое дело?
Всхрапнем же...

Явление второе

И н т и м е, Ж а н М а л ы ш

И н т и м е

Ж а н М а л ы ш! Ж а н!

Ж а н М а л ы ш

Секретарь зовет,

Дрожит, что на меня простуда нападет.

И н т и м е

Кой чорт такую рань ты вылез за ворота?

Ж а н М а л ы ш

Да я без задних ног! Одна мне, что ль, забота—
Хозяина стеречь да слушать этот вой?
И глотка ж! Он — колдун, ручаюсь головой.

И н т и м е

Так!

Ж а н М а л ы ш

Темя почесав, сказал я, что изрядно
Хотел бы я поспать. «Ты хочешь спать? Что ж, ладно, —
Прошенье мне подай», промолвил важно он.
Я это говорю тебе уже сквозь сон.
Спокойной ночи!

И н т и м е

Что? Ну нет, клянусь чертями,
Не выйдет... Что за шум я слышу за дверями?

Явление третье

Д а н д е н, И н т и м е, Ж а н М а л ы ш

Д а н д е н (*у окна*)

Эй! Интиме! Малыш!

И н т и м е (*Жану Малышу*)

Молчи!

Д а н д е н

Ну, бог помог!
Тюремщики ушли! Кратчайшей из дорог —
Чтоб не было меня в помине к их приходу,
Через окно прыгнув, я вырвусь на свободу —
И бегом!

И н т и м е

Ну, прыжок!

Ж а н М а л ы ш

Вам не сбежать: я тут.

Д а н д е н

На помощь! Караул!

И н т и м е

Кричать — напрасный труд.

Ж а н М а л ы ш

Мы держим крепко вас!

Д а н д е н

Хотят убить! Спасите!..

Явление четвертое

Леандр, Данден, Интимае, Жан Малыш

Леандр

То мой отец кричит... Эй, факел принесите!
Отец, в столь ранний час зачем бродить вам тут?
Ведь ночь! Куда же вы?

Данден

Хочу чинить я суд.

Леандр

Над кем же суд? Все спят.

Жан Малыш

Ну, не сомкнуть мне глазу...

Леандр

Наволокли мешков! Куда вам столько сразу?

Данден

Три целых месяца я не вернусь домой!
Запас мешков и дел хочу я взять с собой.

Леандр

Кто ж будет вас кормить?

Д а н д е н

Буфетчик есть же в здании.

Л е а н д р

Где будете вы спать, отец?

Д а н д е н

На заседаньи.

Л е а н д р

Нет, лучше бы, отец, не покидать вам дом.
Спать нужно у себя, есть — за своим столом.
Так разум говорит... Ужель вам непонятно,
Что для здоровья вам...

Д а н д е н

Мне быть больным приятно!

Л е а н д р

Вы чересчур больны. Ведь отдыха вам нет!
Одной лишь кожей обтянут ваш скелет.

Д а н д е н

Нет отдыха... А что ж? Мне жить, как ты? Не просто ль?
Иль у судьи печаль, чтоб лакомиться вдосталь,
Ночь шляться по балам, со свитой светских львов,
И из игорных днем не выходить домов?
Ты думаешь, доход легко получен мною?
Любой из лент твоих — мой приговор ценою.
Отца стыдишься ты! Подумать — вздор какой!
Дворянство вам подай! Данден, мой дорогой,

Зайди в мой гардероб и в спальню, — там портреты
 Семьи Данден. Взгляни: все в мантию одеты.
 Оно и хорошо! Сравни-ка ты доход
 Маркиза и судьи. Вот подожди, чтоб год
 К исходу подошел. Где дворянин? Похоже,
 Что превратился он в подпорку для прихожей.
 Да мало ль видел ты знатнейших из дворян,
 Что, нос укрыв плащом, зарыв кулак в карман,
 Тут на дворе толклись, себе в ладонь дышали
 И, чтоб согреться, в дверь ко мне, дрожа, стучали?
 Вот им какая честь! Таков ли тот урок,
 Что мать-покойница тебе дала, сынок?
 Ах, Бабонеточка!.. В суде, ручаюсь смело,
 Ни разу без нее не протекало дело,
 Ни разу от меня она не отошла
 И из суда бог весть чего ни нанесла!
 В буфете бы скорей салфеткой поживилась,
 Чем без поживы в дом хоть раз бы возвратилась.
 Вот так-то строится большой, солидный дом!
 А ты... Ты весь свой век останешься глупцом!

Л е а н д р

Изводитесь вы зря! Эй, кто тут есть? Ведите
 Хозяина в постель! Окно и дверь закройте!
 Законопатьте все, чтоб было там теплей.

Ж а н М а л ы ш

От буйных бы больных к нему взять сторожей.

Д а н д е н

Что? Спать меня вести? А как же оформленье?
 Коль нужно, я усну. Но где постановленье?

Л е а н д р

Пока придет указ — прилягте, мой отец!

Д а н д е н

Иду; но знайте же — я вас взбешу вконец:
Не стану спать!

Л е а н д р

Ну, что ж! Придумано отменно!
Останься, Интиме! А ты будь там бессменно!

Явление пятое

Л е а н д р, И н т и м е

Л е а н д р

Два слова я тебе скажу наедине.

И н т и м е

Ужель и вас стеречь?

Л е а н д р

Полезно б то и мне.
Мой мозг не здоровей — в ином лишь направленьи...

И н т и м е

Вам хочется судить?

Л е а н д р *(указывая на дом, где живет Изабелла)*

Вот тайны разрешенье!

Ты знаешь этот дом?

И н т и м е

Теперь я понял вас.

Фу, пропасть! Вас любовь подняла в ранний час...
 Мне и без ваших слов все в Изабелле ясно:
 Нет слов, она добра, она умна, прекрасна,
 Зато приданое папашей Шикано
 Уже под тяжбы все почти поглощено.
 С кем он не судится? Всю Францию, поверьте,
 Он соберет в суде, коль не случится смерти!
 Недаром близ судьи устроился он жить:
 Горазд тягаться он, судья ж горазд судить.
 Вам будет нелегко наладить свадьбу эту:
 Поп, зять, нотариус, — всех будет звать к ответу!

Л е а н д р

Все это знаю я; но с Изабеллой брак
 Милее жизни мне.

И н т и м е

Женитесь, если так!

Все будет слажено, — сказать вам стоит слово!

Л е а н д р

Лишь в голове твоей так быстро все готово.
 С любимой мне нельзя встречаться в сих стенах.
 Ее отец — дикарь; я в нем рождаю страх.

Он запирает дочь; она лишь прокурору
Да клерку видима. Обречена затвору,
Она следит, как план мой рушится, года
Уходят в прошлое, а деньги — в пасть суда.
Бедняжку разорит вконец он, несомненно.
Клерк изворотливый, судейский плут отменный,
Готовый услужить за мзду, нам нужен тут.
Сыщи такого, друг!

И н т и м е

Сыскать — не легкий труд!

Л е а н д р

Но все ж?

И н т и м е

Еще пожить бы моему папаше!
К блестящему концу пришло бы дело ваше.
Что в полгода другой, — собирал он в день один.
Победы на челе цвели грядой морщин.
Он мог бы задержать карету принца крови
И взять ее себе. И, если б бич воловий
Распределял у нас ударов двадцать в год,
То девятнадцать бы шли на отцовский счет.
А впрочем, кровь во мне — отцовская... В чем дело?
Я сам вам услужу.

Л е а н д р

Ты?

И н т и м е

Более умело,

Чем клерк.

Л е а н д р

Поддельный акт снесешь отцу?

И н т и м е

Ну да!..

Л е а н д р

И дочке письмецо вручишь ты?

И н т и м е

Без труда!

То и другое я вам справлю.

Л е а н д р

Как нарочно

Опять кричит! Уйдем.

Явление шестое

Ш и к а н о, Ж а н М а л ы ш

Ш и к а н о (*идет, потом возвращается*)

Уйти мне нужно срочно,
Я скоро возвращусь, Ла-Бри, а до тех пор
Ты лестницу наверх возьми-ка на запор.
Письмо ты почтой в Мен вели тотчас отправить.
Трех кроликов от нас распорядись доставить
Сегодня поутру ты прокурору в дом.
Коль клерк его придет, — так угости вином.
Мешок, что на окне, ты снимешь тут же с петель
И дашь ему. Придет, быть может, мой свидетель,
Тот тощий человек, что за меня в суде
Присягу принимать подряжен при нужде, —

Пусть подождет меня! Четвертый час; возможно,
Что наш судья уйдет. Ну, стукнем осторожно.

Ж а н М а л ы ш *(приотворяя дверь)*

Кто там?

Ш и к а н о

Хозяина увидеть можно?

Ж а н М а л ы ш *(закрывает дверь)*

Нет!

Ш и к а н о *(стуча в дверь)*

Тогда секретаря?

Ж а н М а л ы ш *(закрывает дверь)*

Нельзя.

Ш и к а н о

Один ответ!

(Стуча в дверь)

Привратника?

Ж а н М а л ы ш

То я!

Ш и к а н о

Прошу: не откажите

Вы выпить за меня.

Ж а н М а л ы ш *(беря от него деньги)*

Признательность примите!

(Закрывает дверь)

Придите завтра.

Ш и к а н о

Э! так деньги хоть верни!
 Народ пошел презлой, скажу вам, в наши дни.
 Процессы прежние труда давали мало,
 Шесть дел выигрывал за шесть экую, бывало.
 Теперь же всей казны мне может нехватить,
 Чтобы привратника простого подкупить.
 Но, вижу я, еще к нам гостья подоспела —
 Графиня де-Пембеш; уж верно не без дела!

Явление седьмое

Г р а ф и н я, Ш и к а н о

Ш и к а н о

К нему пройти нельзя.

Г р а ф и н я

Ну, ясно! Так и есть!
 И слуги же! С ума меня готовы свести.
 Как их я не браню, мне не добиться проку,
 Пока сама их всех не разбужу я к сроку.

Ш и к а н о

Он прячется от нас, то ясно для меня.

Г р а ф и н я

Я не могу попасть к нему два целых дня.

Ш и к а н о

Противники сильны, мне есть чего бояться!

Г р а ф и н я

За зло плачу я злом, — прошу не обижаться.

Ш и к а н о

Раз в праве я своем...

Г р а ф и н я

Нет, — что за приговор?

Ш и к а н о

Прослушайте меня: ведь то решение вздор!

Г р а ф и н я

Поймите же всю глубину предательства...

Ш и к а н о

Ведь дело

Все дутое!

Г р а ф и н я

Могу сказать вам это смело...

Ш и к а н о

Вот дело в чем: тому двадцатый год пошел,
По лугу моему прошелся раз осел,
Потраву мне чиня. О нарушеньи правил
Я к сельскому судье немедля иск направил.
Осла ж велел схватить. Был эксперт приглашен.
В две вязки сена был убыток оценен.
Проходит ровно год, и от суда решение:
Дальнейшее пресечь тотчас же рассмотренье.
Я апеллирую. Пока разбор идет,
Наш добрый Дролишон за мой наличный счет
Улещивает их (он был всегда пройдоха), —
И иск мой выигран. Как будто бы не плохо?
Так вот, сударыня, сей злостный крючоктвор
Решает отклонить судебный приговор.

А дальше что? Пока над тяжбой я страдаю,
 Противник мне на луг пускает птичью стаю.
 Понятно, мною в суд тотчас сообщено,
 Насколько курами зерна истреблено.
 Опять вам матерьял к ведущемуся спору!..
 И вот в конце концов назначен иск к разбору
 На мая пятое, год пятьдесят шестой.
 Я вновь пишу, тружусь, ущерб им числю свой,
 Шлю жалобы я им, протесты, отношенья,
 Расчет моих потерь, экспертов заключенья,
 Приказы короля им достаю, запрет
 Суда, семь описей и двадцать пять анкет,
 Три протокола, шесть сличенных документов,
 Счета и тридцать семь судебных прецедентов.
 Все ж иск проигран мной... Издержки мне ж нести!
 Их будет тысяч пять, а то и до шести.
 Где ж правосудье, где? И то судом зовется?
 Лет двадцать я сужусь, — мне путь лишь остается
 Гражданской жалобы. Меня не побороть!
 Вы тоже судитесь?

Г р а ф и н я

Уж как велит господь!

Ш и к а н о

Все книги счетные сожгу я непременно.

Г р а ф и н я

Я...

Ш и к а н о

Ливров тысяч пять иль шесть отдать за сено!
 Две вязки!

Г р а ф и н я

Тяжбы все мои уж шли к концу,
 Остались пустяки, мой сударь; иск к отцу,

Да к мужу, да процесс с детьми. Всего-то штуки
Четыре, много — пять. И вдруг... О, что за муки!
Не знаю я, к чему они прибегли тут,
На что они пошли... Но подвергает суд,
В угоду им, меня, и сыну и одету,
Судиться навсегда строжайшему запрету.

Ш и к а н о

Запрет судиться?

Г р а ф и н я

Да!

Ш и к а н о

Интрига столь черна,

Что я... я изумлен...

Г р а ф и н я

Я на смерть сражена!

Ш и к а н о

Чтоб руки так связать особе благородной!..
А вашей пенсии вам хватит?

Г р а ф и н я

Превосходно

Я ею проживу, на всё должно хватить.
Но, сударь, жить без тяжб — да разве это жить?

Ш и к а н о

Сутяги душу нам и ту всю съесть готовы.
Мы — звука не издай. Сударыня, давно вы
Ведете тяжбы?

Г р а ф и н я

Ах, припомнить мудрено!

Лет этак тридцать...

Ш и к а н о

Что ж, совсем не так давно.

Г р а ф и н я

Увы!

Ш и к а н о

Вам сколько лет? Ведь вид у вас отличный...

Г р а ф и н я

Мне? Лет под шестьдесят...

Ш и к а н о

Года как раз приличны,
Чтоб тяжбы вести.

Г р а ф и н я

И я сорву им торжество,
Сорочку заложу: иль всё, иль ничего!

Ш и к а н о

Вам вот как действовать: послушайте два слова!

Г р а ф и н я

Ах, сударь, как отца, я слушать вас готова.

Ш и к а н о

К судье бы я пошел.

Г р а ф и н я

О сударь, я пойду!

Ш и к а н о

К его ногам бы пал.

Г р а ф и н я

Да, сударь, я паду;

Я так решила...

Ш и к а н о

Вы сказать мне не дадут:

Г р а ф и н я

Я вижу — вещи вы по существу берете.

Ш и к а н о

Вы досказали?

Г р а ф и н я

Да.

Ш и к а н о

Пошел бы без затей

К судье:

Г р а ф и н я

О, вы добры! Возможно ль быть добрей?

Ш и к а н о

Коль говорите вы, то мне молчать пристало.

Г р а ф и н я

Ах, мне не по себе... Любезны вы немало!

Ш и к а н о

Пошел бы я к судье, сказал бы...

Г р а ф и н я

Да.

Ш и к а н о

«Увы»,

Сказал бы: «Сударь...»

Г р а ф и н я

Да.

Ш и к а н о

«Меня свяжите вы...»

Г р а ф и н я

Я, сударь, не хочу быть связанной!

Ш и к а н о

К примеру

Ведь это!

Г р а ф и н я

Ни за что!

Ш и к а н о

Вы вспыльчивы не в меру!

Г р а ф и н я

Нет! Нет!

Ш и к а н о

Дослушайте, куда веду я речь:

Г р а ф и н я

Смогу судиться ль я, придется ль все пресечь...

Но...
Ш и к а н о
Г р а ф и н я
Но меня вязать никто пусть не посмеет!

Ш и к а н о
Уж если женщина с ума сходить затеет...

Г р а ф и н я
Вы сумасшедший, вы...

Ш и к а н о
Что?..

Г р а ф и н я
Как! Меня вязать?

Ш и к а н о
Сударыня...

Г р а ф и н я
Пора свое вам место знать!

Но...
Ш и к а н о
Г р а ф и н я
Скряга, ябедник!.. Ему ль меня уместно
Учить?

Ш и к а н о
Сударыня!

Г р а ф и н я
С его ослом совместно!

Терпеть нет сил!
 Ш и к а н о
 Г р а ф и н я
 Сенцо ступайте сторожить!
 Ш и к а н о
 Припомню вам!..
 Г р а ф и н я
 Дурак!
 Ш и к а н о
 Свидетеля б добыть!

Явление восьмое

Ж а н М а л ы ш, Г р а ф и н я, Ш и к а н о
 Ж а н М а л ы ш
 Иного места нет для вашего содома?
 Ступайте-ка вопить вы у другого дома!
 Ш и к а н о
 Вы мне свидетелем...
 Г р а ф и н я
 Что некто — дуралей!
 Ш и к а н о (*Жану Малышу*)
 Прошу вас слово то запомнить поточней.
 Ж а н М а л ы ш (*Графине*)
 О, выразились вы весьма неосторожно!

Г р а ф и н я

А сумасшедшей звать меня, должно быть, можно?

Ж а н М а л ы ш (*Шикано*)

Как, — сумасшедшей? О! К чему же оскорблять?

Ш и к а н о

Я лишь совет ей дал.

Ж а н М а л ы ш

О!

Г р а ф и н я

Дать себя связать:

Ж а н М а л ы ш

О сударь!

Ш и к а н о

Для чего ж она меня прервала?

Ж а н М а л ы ш

Сударыня!

Г р а ф и н я

Чтоб я на брань его смолчала?

Ш и к а н о

Крикунья.

Ж а н М а л ы ш

Тише! Мир!

Г р а ф и н я

У, ябедник!

Ж а н М а л ы ш

О-о!

Ш и к а н о

Не смеет тяжб вести!

Г р а ф и н я

Тебе-то что с того?

Ты что ко мне пристал, противный забияка,
Мошенник, вор!

Ш и к а н о

Пошла, пошла, готова драка!

Сюда, полиция!

Г р а ф и н я

Где пристава мне взять?

Ж а н М а л ы ш

Судью и стороны, — их нужно всех связать!



ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Леандр, Интиме

Интиме

Я не могу всего достигь одним ударом;
Судебный пристав я; вы ж будьте комиссаром.
За мной вы в мантии проникните туда,
И вам поговорить удастся без труда.
Парик вы смените и явитесь брюнетом.
Вы для сутяг — никто. Когда они с рассветом
Спешат с ласкательствами к вашему отцу,
Вам даже невдомек, что ночь пришла к концу.
А что касается до той графини славной,
Ее нам шлет судьба, — то совершенно явно.
Чуть увидав меня, в ошибку введена,
Иск к Шикано снести велела мне она.
Ославить будто б он хотел ее безумной,
Просил ее связать, набрасывался с шумной
И грубой бранью (вот чем поживится суд!),
За то-де пусть его к ответу призовут.
Ну-с, как судейским сим довольны вы нарядом?
Похож на пристава осанкой я и взглядом?

Леандр

О, да!

•

И н т и м е

Вот видите, недаром мнится мне,
 Что крепость возросла и в сердце и в спине.
 Вот он, судебный акт; письмо же Изабелла
 До строчки все прочтет, — за то ручаюсь смело.
 А чтоб контракт сей дать на подпись вы смогли,
 Потребно, чтоб туда вы вслед за мной прошли.
 О деле справитесь и тут же, при папаше,
 Вести вы сможете ухаживанье ваше.

Л е а н д р

Не спутай только акт с моим письмом.

И н т и м е

О, нет!

Папаше — акт, а ей — любовный ваш привет.
 Ступайте!

(Стучит в Изабелле в дверь.)

Явление второе

И з а б е л л а, И н т и м е

И з а б е л л а

Кто стучит?

И н т и м е

Свой...

(Про себя)

Слышу Изабеллу.

И з а б е л л а

Что нужно, сударь, вам?

И н т и м е

Я, барышня, по делу:
Не согласитесь ли вы оказать мне честь
Судебный этот акт дозволить вам прочесть?

И з а б е л л а

Мне, сударь, в этом всем никак не разобратся.
Вам моего отца разумнее дождаться.

И н т и м е

Так дома нет его?

И з а б е л л а

Да, он ушел как раз:

И н т и м е

Но сей судебный акт в виду имеет вас.

И з а б е л л а

О! С кем-то спутали меня вы без сомненья.
Мне тяжбы весть? От них я жду лишь разоренья,
И, право, если б все, как я, любили их,
Занятий вам бы всем пришлось искать других.
Прощайте!

И н т и м е

Все ж прошу...

И з а б е л л а

Напрасные старанья!

И н т и м е

То не судебный акт.

И з а б е л л а

Э! Сказки!

И н т и м е

К вам посланье.

И з а б е л л а

Тем боле не хочу.

И н т и м е

Прочтите ж!

И з а б е л л а

Ухожу.

И н т и м е

То господин...

И з а б е л л а

Всех благ!

И н т и м е

Леандр...

И з а б е л л а

Я вас прошу —

Потише! От него?

И н т и м е

Фу, чорт! Пока добьешься,

Чтоб выслушали вы, до пота изведешься!

И з а б е л л а

Ах, Интима, прости, так сердце смущено...

Дай!

И н т и м е

Предо мной вам дверь замкнуть бы заодно!

И з а б е л л а

Да кто б тебя узнал в наряде непривычном?
Ну, дай!

И н т и м е

Так к вам пройти нельзя гостям приличным?

И з а б е л л а

Да дай же!

И н т и м е

Чорт возьми!

И з а б е л л а

Ступайте же домой,
И можете письмо обратно взять с собой.

И н т и м е

Возьмите! Наперед — поменьше нетерпенья.

Явление третье

Ш и к а н о, И з а б е л л а, И н т и м е

Ш и к а н о

Итак, я вор, дурак, — она такого мнения!
Что ж, пристав передаст спасибо ей мое.
Я блюдо вкусное состряпал для нее.

Мне, право, было б жаль менять тут все сначала,
Иль если б в чем меня она здесь перегнала.
Ого! Там с кем-то дочь беседует вдвоем!
У ней в руке письмо! Забавно. Подойдем
Поближе.

И з а б е л л а

Так его правдивы уверенья?

И н т и м е

Он стал, как ваш отец: не спит! Сплошные бденья!

(Замечает Шикано)

Он мучится; и вас заставит он понять,
Как с ним невыгодно процессы затевать!

И з а б е л л а *(замечает Шикано)*

Ах, мой отец!

(Интиме)

Ну, что ж, он сможет убедиться;
Что если жмут на нас, мы в силах защититься.

(Разрывает письмо)

Вот ваш судебный акт — таков ему почет!

Ш и к а н о

Кто б думал, что она судебный акт прочтет!
Ты будешь для семьи оплот и утешенье,—
О дочь, о кровь моя! Ты защитишь владенье!
«Судебник Франции» тебе я должен дать.
Но, чорт! Судебный акт нельзя так разрывать!

И з а б е л л а *(Интиме)*

Скажите, что меня они не запугают:
Повеселюсь я всласть; они меня узнают!

Ш и к а н о

Э, только не сердись!

И з а б е л л а (*Интиме*)

Прощайте.

Явление четвертое

Ш и к а н о, И н т и м е

И н т и м е (*принимаясь писать*)

Я вношу

Все это в протокол.

Ш и к а н о

Простить ее прошу!

Она неопытна; и ведь всегда же можно,
Ключочки подобрав, их склеить осторожно.

И н т и м е

Нет!

Ш и к а н о

Всё легко прочесть!

И н т и м е

Пусть так, — беды тут нет:

Со мной есть копия.

Ш и к а н о

Вот по сердцу ответ!

Но чем я пристальней ваш облик созерцаю,
Тем, сударь, менее я вас припоминаю.
Мне много приставов известно,

И н т и м е

Обо мне

Вы справьтесь. При делах на месте я вполне.

Ш и к а н о

Пусть так. Вы от кого?

И н т и м е

Я дамой пожилою

К вам прислан, что вас чтит и жаждет всей душой,

Чтобы по вызову вы моему пришли

И чтоб обиду смыть возможность вы нашли.

Ш и к а н о

Не помню, чтобы я кому нанес обиду...

И н т и м е

Я верю: вы добры, — о том сужу по виду.

Ш и к а н о

Что ж нужно ей?

И н т и м е

Признать просила бы она

Вас при свидетелях, что мысль ее ясна

И не подвержена психическим недугам.

Ш и к а н о

Графиня это!

И н т и м е

Да, — готовая к услугам...

Ш и к а н о

К ее услугам я!

И н т и м е

Любезность ваша честь

Вам делает!

Ш и к а н о

Вы ей скажите, что принесть
Ей пристав должен все, чего она желает.
Побитым штраф платить никто не назначает.
Ну что там? «Января, двадцатого числа,
За то, что заявил облыжно и со зла,
Что надобно связать (слова сего мужлана)
Особу самого блистательного сана,
Йоланту де-Кюдан, графиню де-Пембеш,
Орбеш и прочее, — пусть, к ней придя, допреж
Всех разговоров с ней, заявит вслух и внятно,
В присутствии пяти свидетелей (понятно —
При них нотариус), что мыслит он вполне
Ее в своем уме и с саном наравне.
Ле-Бон». Не ваша ль честь сим именем зовется?

И н т и м е

К услугам вашим.

(В сторону)

Братъ нахальством остается.

Ш и к а н о

Ле-Бон! Да кто же акт подпишет так? Обман!
Да-с, господин Ле-Бон...

И н т и м е

Ах так!

Ш и к а н о

Вы — шарлатан!

И н т и м е

Я — честный человек!

Ш и к а н о

От Рима и до Кана
Не видано еще наглее шарлатана!

И н т и м е

Ах, сударь, с вами в спор вступать я не хочу:
Я за обиду с вас деньгами получу.

Ш и к а н о

Да? Оплеухами.

И н т и м е

Щедры вы без сомненья:
Заплатите вы мне изрядно.

Ш и к а н о

Нет терпенья!
Вот заработок твой!

И н т и м е

Пощечина! Внесем
Ее мы в протокол: «Ударил кулаком
Меня, судебный чин, в лицо; в минуту ту же
Мне шляпу с головы он сшиб ударом в лужу».

Ш и к а н о *(пиная его ногой)*

Прибавь и это.

И н т и м е

Так. О, мне расчет прямой!
Мне в том была нужда. «Вдобавок и ногой
Меня он тут же пнул». Пошли мне бог отвагу!

«И, сверх всего, озлясь, хотел еще бумагу
 Означенный мужлан на клочья изорвать».
 Ах, сударь дорогой, попробуйте опять!
 Дела, как на заказ!

Ш и к а н о
 Мерзавец!

И н т и м е
 Иль вам жалко?
 Чтоб на ноги мне стать — два-три удара палкой!

Ш и к а н о (*подняв палку*)
 Он пристав или нет? Посмотрим...

И н т и м е (*держа перо наготове*)
 Ну, живей!
 Ударьте! У меня на шее пять детей.

Ш и к а н о
 Простите! Приставом вы мне не показались.
 Иные, опытней, а также ошибались!
 Обиду искупить дозволейте, сударь, мне:
 Да, вижу, пристав вы бесспорно и вполне.
 Вот вам рука: к суду исполнен я почтенья.
 Отдом-покойником от самого рожденья
 Я в страхе к господу возвращен и к приставам.

И н т и м е
 Нет, так задешево себя я бить не дам.

Ш и к а н о
 Не нужно, сударь, тяжб!

И н т и м е

О, приговор тут ясен:
Над ухом трость, пинок, пощечина.

Ш и к а н о

Согласен

Я получить их сам!

И н т и м е

Стерпеть — лиха беда!
Но чтоб еще я сам стал драться. Никогда!

Явление пятое

Л е а н д р, в костюме судебного комиссара, Ш и к а н о,
И н т и м е

И н т и м е

Вот кстати! Все мы тут обсудим с комиссаром.
О сударь, к нам сюда явились вы не даром.
Я от сего лица — таков, каков я есть, —
Приял пощечины сомнительную честь.

Л е а н д р

Возможно ль, сударь? Вы?..

И н т и м е

Я; факт из очевидных!
Item: пинок ногой и много слов обидных.

Л е а н д р

Свидетель есть?

И н т и м е

Да вам лишь приложить ладонь:
Пощечина горит на коже, как огонь.

Л е а н д р

С поличным пойманы, — прямое преступленья!

Ш и к а н о

Тьфу, провалиться мне!

И н т и м е

А дочка в раздраженье
Бумагу порвала, сказав, что веселит
Ее затея вся, и предовольный вид
Хранила, нам грозя.

Л е а н д р (*Интиме*)

Привесть в порядке скором!
Вся их семья к суду относится с задором.

Ш и к а н о (*в сторону*)

Ну, прямо точно кто меня околдовал!
Повесят пусть меня, коль я их где видал.

Л е а н д р

Как! Пристава побить! Но вот и бунтовщица.

Явление шестое

Л е а н д р, И з а б е л л а, Ш и к а н о, И н т и м е

И н т и м е (*Изабелле*)

Его узнали вы?

Л е а н д р

Почтенная девица,
Не вы ли приставу сейчас дерзили тут,
Грозя надменно нам? Итак, вас как зовут?

И з а б е л л а

Как? Изабеллой!

Л е а н д р

Так! Пишите! Год рожденья?

И з а б е л л а

Мне восемнадцать лет.

Ш и к а н о

Чуть старше! Но значенья
Большого в этом нет.

Л е а н д р

А есть у вас супруг?

И з а б е л л а

Супруг? Ха-ха!

Л е а н д р

Вписать, что рассмеялась вдруг!

Ш и к а н о

Не нужно говорить девицам про супруга;
То тайны, видите ль, семейственного круга.

Л е а н д р

Перебивает он, — впишите!

Ш и к а н о

В мыслях нет!
Ну, дочка, каждый свой обдумывай ответ.

Л е а н д р

Смушаться не к чему! Держитесь без стеснения!
Никто не хочет тут чинить вам огорченья.
Намедни пристав сей вручил бумагу вам?
Ведь так?

И з а б е л л а

Да, сударь!

Ш и к а н о

Так, так, дочка!

Л е а н д р

По клочкам
Бумагу эту вы, не прочитав, порвали?

И з а б е л л а

Нет, сударь, я прочла!

Ш и к а н о

Так!

Л е а н д р (*Интиме*)

Все ль вы записали?

(*Изабелле*)

Зачем бумагу вы порвали?

И з а б е л л а

Что скрывать?

Я делом тем отца боялась взволновать, —
Чтоб кровь чрезмерно в нем не разожглась при чтеньи.

Ш и к а н о

Что? Ты бежишь от тяжб? Да это преступление!

Л е а н д р

Так не с досады вы порвали сей листок,
Не из презренья к тем, кто написать вам смог?

И з а б е л л а

К ним, сударь, нет во мне ни гнева, ни презренья.

Л е а н д р (*Интиме*)

Пишите!

Ш и к а н о

Вся в отца, — примите уверенья!
Ответы — хоть куда!

Л е а н д р

Однако ж и на-глаз

К чинам судейским мы презренье видим в вас.

И з а б е л л а

Мне мантия всегда внушала отвращенье,
Но все ж оно сейчас идет на уменьшенье.

Ш и к а н о

О бедное дитя! Коль можно без затрат,
Тебя от всей души я замуж выдать рад!

Л е а н д р

Итак, готовы ль вы суду повиноваться?

И з а б е л л а

Мой долг — по мере сил вам угодить стараться:

И н т и м е

На подпись дайте им.

Л е а н д р

Коль будет в том нужда,
Вы подтвердите все?

И з а б е л л а

Уверьтесь, что тверда
И постоянна я и в мысли и в решеньи.

Л е а н д р

Поставьте подпись. Так! Примите одобренье
Судебной власти. Вам подписывать!

Ш и к а н о

Сполна

Все подпишу, что вам сказала здесь она.

Л е а н д р (*тихо Изабелле*)

Все ладится у нас. Успех нам обеспечен.
Контракт, что дан ему, по форме безупречен.
Он подписью своей уже приговорен.

Ш и к а н о (*в сторону*)

Что он ей шепчет? Он ее умом пленен.

Л е а н д р

Желаю вам всегда быть умной и красивой!
Приказ вам, пристав: чтоб ее домой вели вы!
Вы ж, сударь, следуйте...

Ш и к а н о

Куда?

*

Л е а н д р

Пока за мной.

Ш и к а н о

Куда же?

Л е а н д р

Именем монарха, сударь мой...

Идем.

Ш и к а н о

Как!

Явление седьмое

Л е а н д р, Ш и к а н о, Ж а н М а л ы ш

Ж а н М а л ы ш

Кто видал, где мой хозяин скрылся?
То ль через дверь пролез? То ль чрез окно спустился?

Л е а н д р

Оставьте нас!

Ж а н М а л ы ш

Где сын, понять бы я хотел!
Что до отца, сам чорт его куда-то дел.
Всё приставал: дай то, дай это подношение.
То сбегать мне в буфет давал он порученье
За перчницей. Ну, а сам он между тем
Исчез.

Явление восьмое

Д а н д е н появляется у слухового окна на крыше, Л е а н д р,
Ш и к а н о, И н т и м е, Ж а н М а л ы ш

Д а н д е н

Молчите все! Умолкните совсем!

Л е а н д р

О боже!

Ж а н М а л ы ш

Вот он там, под кровлею, смотрите!

Д а н д е н

Кто вы такие? Все мне нужды изложите.
Кто эти в мантиях? Не адвокаты ль к нам
Явились?

Ж а н М а л ы ш

Он сейчас устроит суд котам.

Д а н д е н

К секретарю прошли ль вы прежде за советом?
Он скажет, знаю ль я уже о деле этом.

Л е а н д р

Пойду оттуда прочь его увести тотчас.
От арестанта ж вы не отводите глаз.

Ж а н М а л ы ш

О сударь!

Л е а н д р

Замолчи, коль жизнь не надоела!
Ступай за мной.

Явление девятое

Графиня, Данден, Шикано, Интиме

Данден

Скорей, где изложение дела?

Шикано

Без вашей подписи я схвачен. Где приказ?

Графиня

Судья на чердаке! Господь, помилуй нас!
Да чем он занят там?

Интиме

Присутствие открыто, —

Используйте.

Шикано

Я к вам явился за защитой!
Я с жалобой спешил к вам, господин судья,
И вдруг — насилие...

Графиня

К вам с жалобой и я.

Шикано и Графиня

Оборотите взор ко стороне враждебной.

Интиме

В игру, как вижу я, войти и мне потребно.

Графиня, Шикано, Интиме

Я прихожу сюда бумагу вам вручить.

Ш и к а н о

Свои права в черед нам лучше б изложить:

Г р а ф и н я

Его права? Он лжет, клеветет он бесчестно!

Д а н д е н

Что вам учинено?

Ш и к а н о, И н т и м е

Я оскорблен словесно.

Г р а ф и н я

Оскорблена словесно.

И н т и м е *(продолжая)*

Еще пощечиной я сверх того богат.

Ш и к а н о

Меньшой племянник ваш — двоюродный мой брат!

Г р а ф и н я

Аптекарь ваш отцом мне, сударь!

Д а н д е н

Ваши званья?

Г р а ф и н я

Графиня!

И н т и м е

Пристав я!

Ш и к а н о
Я — буржуа! Сейчас

Я...

Д а н д е н (*исчезая за чердачным окошком*)
Продолжайте речь: всех трех я слышу вас:

Ш и к а н о
Ах, сударь...

И н т и м е
Бросил нас. Его уж нет в помине.

Г р а ф ф и н я
Увы!

Ш и к а н о
Присутствие сорвал на середине...
Ему двух слов сказать я не успел. Беда!

Явление десятое

Л е а н д р, уже без судейского платья, Ш и к а н о, Г р а ф ф и н я,
И н т и м е

Л е а н д р
Прошу оставить нас в покое, господа!

Ш и к а н о
Войти мне можно?

Л е а н д р
Нет; иль — в час моей кончины.

Ш и к а н о

Зачем же? Разговор совсем не будет длинный.
Час, много если — два.

Л е а н д р

К нам, сударь, входа нет.

Г р а ф и н я

Конечно, крикунов таких пускать не след.
Вот я...

Л е а н д р

Сударыня, уйдите, заклинаю!

Г р а ф и н я

О сударь, я войду!

Л е а н д р

Ужель?

Г р а ф и н я

Я твердо знаю!

Л е а н д р

Через окно?

Г р а ф и н я

Нет, в дверь!

Л е а н д р

Ну, то посмотрим мы!

Ш и к а н о

Хотя б пришлось прождать мне до вечерней тьмы...

Явление одиннадцатое

Леандр, Шикано, Графиня, Интиме, Жан
Малыш

Жан Малыш (*Леандру*)

Как там он ни шуми, а будет все впустую!
Засунул я его в ту комнату глухую,
Что возле погреба.

Леандр

Сказал раз навсегда:

К отцу пройти нельзя.

Шикано

Но если мне нужна
По делу своему сказать ему два слова?

Данден появляется в отдушине.

Возможно ль? Небо нам его вернуло снова!

Леандр

Как? Сквозь отдушину?

Жан Малыш

Сам чорт вместился в нем!

Шикано

Я вам...

Данден

Наглец! Без вас я б не был под ключом.

Шикано

Ах, сударь...

Д а н д е н

С глаз долой! Вы глупы безнадежно!..

Ш и к а н о

Угодно ль будет вам...

Д а н д е н

Да с вами спятить можно!

Ш и к а н о

Я, сударь, приказал...

Д а н д е н

Молчать прошу я вас!

Ш и к а н о

Чтоб вам досгавили...

Д а н д е н

В тюрьму! Скорей! Сейчас!

Ш и к а н о

Вина так с четверть.

Д а н д е н

Э! Вино мне надоело!

Ш и к а н о

Прекраснейший мускат!

Д а н д е н

Напомните мне дело!

Л е а н д р (*Интиме*)

Нам нужно окружить их тут со всех сторон.

Г р а ф и н я

Ах, сударь, ворох лжи наговорит вам он!

Ш и к а н о

Я, сударь, вам не лгу.

Д а н д е н

Мой бог! Не прерывайте!

Г р а ф и н я

Послушайте меня!

Д а н д е н

Да хоть вздохнуть мне дайте!

Ш и к а н о

Я...

Д а н д е н

Душат!

Г р а ф и н я

На меня хотя б ваш взгляд упал!

Д а н д е н

Ай! Задушили! Ай!

Ш и к а н о

Вы тащите в подвал

Меня! Я падаю!

Ж а н М а л ы ш

Клянусь вам, оба дружно
Свалились в погреб.

Л е а н д р

Вмиг туда летите. Нужно
Им помощь оказать. Ты, Интима, смотри,
Чтоб друг наш Шикано, уж раз он там внутри,
Не выходил весь день оттуда.

И н т и м е

Последите

Вы за отдушиной!

Л е а н д р

Я послежу. Спешите!

Явление двенадцатое

Г р а ф и н я, Л е а н д р

Г р а ф и н я

У, дрянь! Ему мозги он затемнит вконец.

(Через отдушину)

Не верьте, сударь, вы его словам: он — лжец!
Свидетелей ведь нет.

Л е а н д р

Кричите вы без цели:
Они, быть может, дух уж испустить успели.

Г р а ф и н я

Дозвольте мне войти.

Л е а н д р

Для всех закрыта дверь.

Г р а ф и н я

Что сына, что отца, я вижу, пар муската
Пьянит уж издали приятством аромата.
Ну, подождите лишь, я право отстою:
На четверть я протест подам и на судьбу.

Л е а н д р

Ступайте! Полно нам испытывать терпенье!
Безумных не видал я в жизнь в таком скопленье.

Явление тринадцатое

Д а н д е н, Л е а н д р, И н т и м е

И н т и м е

Куда бежите вы? Устройте беду.
Ведь вы хромаете!

Д а н д е н

Да я судить иду!

Л е а н д р

Как это? Ногу вам перевязать нужно:
Хирурга!

Д а н д е н

В зале он меня найдет судебном:

Л е а н д р

Постойте, батюшка...

Д а н д е н

Я вижу все, как есть, —
Игрушкой ты своей меня дерзнул почесть;
Ни ласки нет в тебе ко мне, ни уваженья;
Ни одного провесть не дашь постановленья:
Что ж, доканай меня, возьми мешок...

Л е а н д р

Отец,
Покойней! Ведь исход нам нужен, наконец!
Коль жить вам без суда мучительно и трудно,
Коль так потребно долг вершить вам правосудный,
Свой дом для этого не нужно оставлять.
Вы можете на нас талант свой упражнять.

Д а н д е н

Мне власть судебная дана не на потеху,
И не желаю быть судьей я лишь для смеху.

Л е а н д р

Не будет никаких инстанций выше вас.
Для уголовных дел с гражданскими зараз
Вы учредите суд: в день — по два заседания!
Все будет тут у вас предлогом для дознанья.
Слуга забыл стакан как нужно протереть?
Он к штрафу присужден. Разбил? Готова плеть:

Д а н д е н

Что ж, это кое-что... Ты сносно рассуждаешь!
А кто занятя мне оплатит? Ты не знаешь?

Л е а н д р

Их жалованье пусть вам служит как заклад.

Д а н д е н

Пожалуй, что в речах его есть смысл и склад.

Л е а н д р

За счет соседей, что...

Явление четырнадцатое

Д а н д е н, Л е а н д р, И н т и м е, Ж а н М а л ы ш

Ж а н М а л ы ш

Эй! Стой! Хватай злодея!

Л е а н д р (*Интиме*)

То узник мой удрал! Пропала вся затея.

И н т и м е

Не бойтесь ничего...

Ж а н М а л ы ш

Все кончено... Она...

Собака... Только что сожрала каплуна.

Лимон... — с ним сладу нет! Хватает, что попало...

Л е а н д р

Вот дело для отца. Во что бы то ни стало
Поймать! Бегите все!

Д а н д е н

Весь этот шум и гам

Не к месту. Лишь привод тут интересен нам.

Л е а н д р

Отец мой, приговор тут нужен образцовый.
Да будет осужден сурово вор домовый!

Д а н д е н

Хочу я, чтобы суд был с блеском проведен,
И адвокаты нам нужны от двух сторон.
А нет ни одного!

Л е а н д р

Ну, горе не большое!
Привратник, секретарь — вот вам уж целых двое
Быть адвокатами по силам им вполне:
Невежды круглые.

И н т и м е

Прошу поверить мне:
Я усплю судью, как адвокат отменный.

Ж а н М а л ы ш

А я вам ни к чему: несведущ совершенно!

Л е а н д р

Ну, речь и за тебя возможно сочинить.

Ж а н М а л ы ш

Да я неграмотен!

Л е а н д р

Подскажут, — что тужить!

Д а н д е н

Пойдем готовиться. И — прочь хитросплетенья!
Чужда будь слуху лесть, а взору — подношенья!
Мэтр Жан Малыш, вот вам задание — обвинять!
Мэтр Интиме, а вам — кридется защищать!



ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Леандр, Шикано, Суфлер

Шикано

Так дело повела со мною эта пара!
Я пристава не знал, не знал и комиссара.
Ей-богу, я не лгу!

Леандр

Я убежден вполне.
Но дело бросить вам все ж лучше, — верьте мне!
Напрасно проучить обоих вы стремитесь:
Скорее, чем они, покоя вы лишитесь.
Вы на три четверти уже разорены;
Лишь исками мешки у вас нагружены.
Чтоб не подвести себя без пользы в деле этом...

Шикано

Меня спасительным вы дарите советом.
Хоть скромн он, ему я следовать готов;
Все ж за меня прошу замолвить пару слов.
Здесь господин Данден устроит заседанье?
К вам дочку привести имею я желанье.
Устройте ей допрос — она душой честна,
И лучше моего ответы даст она.

Л е а н д р

Ступайте. В праве ждать вы верного решения.

С у ф л е р

Нет, что за человек!

Явление второе

Л е а н д р, С у ф л е р

Л е а н д р

В какие ухищренья
Пускаться должен я! С отцом не сладить мне.
Придется выдумкой его прижать к стене.
Свой план есть у меня; безумца-крючкотвора
Пуускай накажет он всей силой приговора.
Но вижу, — все сюда к нам направляют шаг.

Явление третье

Д а н д е н, Л е а н д р, И н т и м е, Ж а н М а л ы ш — в су-
дебных мантиях, С у ф л е р

Д а н д е н

Кто это?

Л е а н д р

Это — адвокаты.

Д а н д е н

Так!..

(Суфлеру)

А вы?

•

Суфлер

Их памяти помочь — мое задание.

Данден

Я понимаю вас. А вы?

Леандр

Кто я? — Собрание.

Данден

Начните ж:

Суфлер

Господа...

Жан Малыш

Так громко? Для чего?

За вашим голосом не слышно моего.

Так... Господа...

Данден

На вас нет шляпы?

Жан Малыш

Что-с?

Данден

Невместно

Вам быть без шляпы здесь!

Жан Малыш

Ах, сударь, мне известно,

Что честь велит...

Данден

Так будь без шляпы!

Ж а н М а л ы ш *(надевая шляпу)*

Господа!

(Суфлеру)

Потише. Помню я, как мне начать. Когда
Я вижу, господа, и наблюдаю точно
Превратности судеб и мира путь порочный,
Коль скоро меж стольких людей не различил
Я звезд устойчивых и зрю лишь бег светил,
Коль скоро цезарей судьбу я наблюдаю,
Когда я солнце зрю и луны созерцаю,
Когда я зрю в ярме серпидском Бабион,¹
Что накедонским² был затем мечом сражен;
И вижу мирлян³ я с их властью депотичной,⁴
От демокритских⁵ форм пришедших к монархичной,
Когда японцев зрю...

И н т и м е

Он кончит созерцать?

Ж а н М а л ы ш

А этот для чего посмел мне речь прервать?
Не стану я кончать.

Д а н д е н

Что ж, адвокат сварливый,
Среди периода коллегу отвлекли вы?
Кровавый пот меня прошиб, что он ко дну
Пойдет, плывя от стран японских — к каплуну;
И вы так ветренно его прервать дерзнули!
Кончайте, адвокат.

¹ персидском Вавилон

² македонским

³ римлян

⁴ деспотической

⁵ демократических

Ж а н М а л ы ш
Слова все ускользнули.

Л е а н д р
Ну, Жан Малыш, кончай. Ты славно начал речь
А руки-то плетью висят от самых плеч!
Стоишь во весь свой рост и прям, как изваянье.
Свободнее! Смелей! Ну, приложи старанье!

Ж а н М а л ы ш *(производя движения руками)*
Когда я зрю... я зрю...

Л е а н д р
Скажи-ка, что ты зришь.

Ж а н М а л ы ш
О! Чорт! За зайцами двумя не побежишь.

С у ф л е р
Кто не...

Ж а н М а л ы ш
Кто не...

С у ф л е р
Читал...

Ж а н М а л ы ш
Читал...

С у ф л е р
В «Метаморфозе...»

Ж а н М а л ы ш
Как? Что?

Суфлер

Что при метем...

Жан Малыш

Что при метем...

Суфлер

Психозе...

Жан Малыш

Психозе...

Суфлер

Пес...

Жан Малыш

Ну, пес...

Суфлер

А также, я прочел...

Жан Малыш

Прочел...

Суфлер

И конь!..

Жан Малыш

И конь...

Суфлер

Ну и осел!

Жан Малыш

Осел...

Суфлер

К чертям вас, адвокат!

Жан Малыш

К чертям и отправляйся!

У, рожа постная, гляди да удивляйся!
Да провались совсем!

Данден

А вам пора сказать

О деле.

Жан Малыш

Долго ль мне на месте танцовать?
А то саженных слов наворотили сразу
Таких, что путь мости отсюда к Понтуазу!
И это все затем, чтоб объяснить, что пес
Сегодня каплуна отборного унес
(Каплун из Мена был, откормлен превосходно!),
И далее, что пес хватает что угодно;
И что когда теперь мне встретится наглец,
Его прикончу я, — и тяжбе всей конец!

Леандр

Конец блистательный, и стоит он вступленья!

Жан Малыш

Он ясен, и к нему не нужны разъяснения!

Данден

Позвать свидетелей.

Леандр

Найти их — сложный труд.
Им плату подавай, а даром не пойдут!

Ж а н М а л ы ш

Но есть они у нас; их ясны показания.

Д а н д е н

Да где ж они?

Ж а н М а л ы ш

Да здесь, в кармане, — миг вниманья:
Вот ноги каплуна, вот голова его.
Взгляните, вам судить...

И н т и м е

Отвод им!

Д а н д е н

Отчего

Отводите вы их?

И н т и м е

Они из Мена.

Д а н д е н

Верно;

Из Мена ввоз их к нам возрос неимоверно...

И н т и м е

Все...

Д а н д е н

Будет ваша речь не чересчур длинна?

И н т и м е

Я вам не поручусь.

Д а н д е н

В нем искренность видна!

И н т и м е

Все то, что в жизни сей грозит душе преступной,
 Все ужасы, что зреть для смертного доступно,
 Здесь случай против нас скопляет, господа,
 Интригу сочетав с искусством речи. Да,
 Покойный столь был чтим, что нас берет смущенье...
 К тому же породил такое потрясенье
 В нас мэтра Малыша красноречивый дар...

Д а н д е н

Вы тона своего умерили бы жар.

И н т и м е *(обыкновенным тоном)*

Мне все тона годны.

(Высокопарно)

Но хоть опасно крайне
 То красноречье нам и тот почет, — но втайне
 Мы в вашей кротости свой якорь, господа,
 С надеждой зрим. Своим присутствием всегда
 Данден великий наш к тому же вдохновляет
 Невинность. Сам Катон в его лице являет
 Себя Нормандии. При нем завеса туч
 Не затемнит вовек нам правосудья луч.
 Victrix causa diis placuit, sed victa Catoni. ¹

Д а н д е н

Он складно строит речь!

И н т и м е

Без страха, без погони
 За блеском речь течет там, где царит закон.
 Аристотель, primo regi Politicon ²
 Прекрасно говорит, что...

¹ Кто победил, был богам по душе, побежденный — Катону
 (Лукан, Фарсалии, I, 128).

² В первой [книге] о политике.

Д а н д е н
В каплуне тут дело,
Не в Аристотеле.

И н т и м е
Но докажу я смело,
Перипатетика приняв авторитет...

Д а н д е н
Авторитета в нем для нас теперь уж нет.
В чем суть?

И н т и м е
Павзаний нам в конце Коринфиаков...

Д а н д е н
Но дело где?

И н т и м е
Отверг...

Д а н д е н
Да к делу ж!

И н т и м е
Сам Иаков
Великий...

Д а н д е н
К делу! О!

И н т и м е
Гарменопул к томам
«Промп»...

Д а н д е н

Я тебя суду... суду тебя предам!

И н т и м е

О! Скоры ж вы решать! Вот суть:

(скороговоркой)

Собака мирно
Идет на кухню. Там — каплун, по виду жирный;
Мой подзащитный был как раз голодноват;
А наш антагонист был *autem*¹ пернат;
И подзащитный мой, подкравшись, сгреб на месте
Антагониста. Шум. Решенье об аресте.
Хватают. С двух сторон по адвокату. Зал
Судебный. Речь за мной, — и вот я речь сказал.

Д а н д е н

Та-та-та-та! Всё так, лишь дела нам не видно;
О том, что ни к чему, он говорит солидно,
Но сразу мчится вскачь, чуть к факту подойдет.

И н т и м е

Ах, красота — допреж всего!

Д а н д е н

Нет, зло вперед!
Не слыхано в суде, чтоб был прием сей годен!
Как мнит присутствие?

Л е а н д р

Прием сей ныне моден.

¹ притом

И н т и м е (пылко)

Что дальше, господа? Пришли. Но как? Врасплох...
 И травят. Мой клиент бежит. Переполох
 В дому. Но в чем? Судьей он нашим обитаем!
 Крушит подвал, где мы приют свой обретаем!
 Влекут к гонителям, и мэтру Малышу
 Нас предают во власть. Разбою, грабежу
 Причастны будто мы! Я вас спрошу по чести:
 Иль в «Si quis canis»¹ вам, в закон, что дан в Дигесте,
 В paragrapho de Vi saropibus,² — ужель
 Вам заглянуть еще не довелось досель?
 Он запретил бы вам так обойтись с Лимоном!
 Пусть мой клиент и впрямь виновен в деле оном
 И каплуна загрыз, — припомнить вам не грех
 Все, что он до сих пор вершил для нас, для всех!
 Да заслужил ли брань когда мой доверитель?
 Иль дому вашему плохой он был хранитель?
 Иль был когда-либо им не облаен вор?
 Тому свидетелем уж третий прокурор,
 Чье платье он порвал... В клочки! Взглянуть угодно?
 Иль подвиг должен он свершить еще подобный?

Ж а н М а л ы ш

Ах! Интиме...

И н т и м е

Прочь, прочь...

Ж а н М а л ы ш

Э! Господин Адам...

И н т и м е

Оставьте!

Ж а н М а л ы ш

Он охрип.

¹ Если какая собака² в статье о насилии над каплунами

И н т и м е
Кх!

Д а н д е н
Хватит! Надо вам

Уже кончать!

И н т и м е *(веско)*

Раз мог я перевести дыханье,
Хоть ограничить речь мне и дано задание,
Все ж обстоятельно, хоть и блюдя запрет,
Хочу пред вами вскрыть, развить, явить на свет
Идею общую, что скрыта в этом деле,
И факты те, что мы подметить в ней успели.

Д а н д е н

Им лучше будет мысль сто раз повторена,
Чем скощена хоть часть. Но будь ты сатана
Иль человек, — кончай! Иль пусть войдет смятенье
В твой разум!

И н т и м е
Кончу вмиг!

Д а н д е н
А!

И н т и м е

Вплоть до дня творенья...

Д а н д е н *(звезя)*

К потоку адвокат, поближе бы...

И н т и м е

Итак,

Со дня творения был погружен во мрак
Весь мир; и наша вся природа, вся вселенна

На дне материи лежала погребенна.
 Стихии — воздух, огонь, твердь, зыбь — во тьме глухой
 Взметались, громоздясь и сгрудясь меж собой,
 В огромном хаосе, в бесформенном скопленьи
 Напором диких сил творя нагроможденье.
 Unus erat toto naturae vultus in orbe,
 Quem graeci dixerere chaos, rudis indigestaque moles.¹

Д а н д е н, заснув, сваливается с кресла.

Л е а н д р

Так грохнуться... Отец!

Ж а н М а л ы ш

Ах, сударь! Что за сон!

Л е а н д р

Отец, проснитесь.

Ж а н М а л ы ш

Ах, неужто умер он?

Л е а н д р

Отец!

Д а н д е н

Что? Как? Ну, впрямь — язык у человека!
 Я сном еще таким не засыпал от века.

Л е а н д р

Отец, пора судить!

Д а н д е н

Что? На галеры!

¹ Из «Метаморфоз» *Овидия* (I, ст. 6—7): «У природы во всей вселенной был один облик, который греки именовали хаосом, — грубая и нерасчлененная масса».

Л е а н д р

Как?

Пса на галеры!

Д а н д е н

О! В мозгах сугубый мрак.
Мир, хаос, — ничего не понимаю боле.
Кончайте.

И н т и м е *(показывая ему щенков)*

Все сюда! О вашей горькой доле
Вы им поведайте, — сиротство вам грозит,
Пускай ваш детский ум смелей заговорит:
Мы тут, но нашу боль понять вы захотите ль?
Мы сироты — увы! О, где же наш родитель?
Верните нам его, — жизнь подарил нам он, —
Верните нам отца...

Д а н д е н

Вон их отсюда, вон!

И н т и м е

Отца, который нас...

Д а н д е н

Вон! Хватит суматохи!

От них кругом мокро.

И н т и м е

Услышьте наши вздохи!

Д а н д е н

Уф! Состраданье мне переполняет грудь.
Что значит к жалости нам чувство повернуть!
Смущен я. Пред судом я истиной обязан;

Преступный явен акт; он признан и доказан.
 Но осуждение тут меня смутит вдвойне:
 Ребяток ждет сума... Нет, нет, не время мне,
 К нам доступ никому сегодня не дается.

Явление четвертое

Д а н д е н, Л е а н д р, Ш и к а н о, И з а б е л л а, Ж а н
 М а л ы ш, И н т и м е

Ш и к а н о

Ах, сударь...

Д а н д е н (*Жану Малышу и Интиме*)

Лишь для вас присутствие ведется.

(*К Шикано*)

Прощайте. Впрочем, что за крошка возле вас?

Ш и к а н о

То дочь моя.

Д а н д е н

Прошу ее вернуть тотчас.

И з а б е л л а

Но вы же заняты?

Д а н д е н

Уже свободен снова.

Что ж не сказали мне о дочке вы ни слова?

Ш и к а н о

Ах, сударь...

И з а б е л л а

Право же, вы чересчур добры.

Д а н д е н

Допрос случалось вам видать до сей поры?

И з а б е л л а

Нет. И надеюсь я, что не увижу вечно.

Д а н д е н

Приблизьтесь. Эта мысль у вас пройдет, конечно.

И з а б е л л а

Чужих страданий вид кто в силах перенести?

Д а н д е н

Все ж можно в том часок с приятностью провести.

Ш и к а н о

Пришел я вам сказать...

Л е а н д р

Отец, судите сами:

Все дело в двух словах представлю я пред вами.
О браке речь идет. Вам нужно знать одно,
Что дело только в вас, — уж все сговорено.
На брак согласна дочь; жених о нем мечтает;
На что готова дочь, отец того желает.
Вам дело рассудить.

Д а н д е н

Женить без дальних фраз!

Хотят, так завтра же! А нужно — так сейчас!

Л е а н д р (*Изабелле*)

Приблизьтесь, вот ваш свекр. Он ждет от вас привета!

Ш и к а н о
Как?
Д а н д е н
Непонятна мне, признаться, тайна эта!
Л е а н д р
Мы выполняем все, что вы решили тут.
Д а н д е н
Перерешать нельзя. Сам произвел я суд.
Ш и к а н о
Возможно ль не спросить невесту в этом деле?
Л е а н д р
Так! Дóлжно все решить прелестной Изабелле.
Ш и к а н о
Не онемела ль ты? Скажи им, наконец!
И з а б е л л а
Я суд обжаловать не смею, мой отец.
Ш и к а н о
Я, я обжалую!
Л е а н д р (*показывая ему бумагу*)
Контракт подписан вами.
Обжалуете ль то, в чем расписались сами?
Ш и к а н о
Что говорите вы?
Д а н д е н
Формальнейший контракт!

Ш и к а н о

Я вами обойден... Отлично! Этот факт
 Процессам двадцати и свыше даст начало.
 У вас права на дочь; на мой кошель — нимало!

Л е а н д р

Кто, сударь, о деньгах заводит с вами речь?
 Нам дайте дочь. Кошель прошу себе сберечь.

Ш и к а н о

А!

Л е а н д р

Как присутствие? Довольны ль вы?

Д а н д е н

Отменно.

Пускай бы лишь дела текли к нам неизменно,
 И до кончины я остаться с вами рад.
 Но краток будет пусть отныне адвокат.
 Что узник наш?

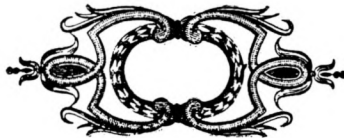
Л е а н д р

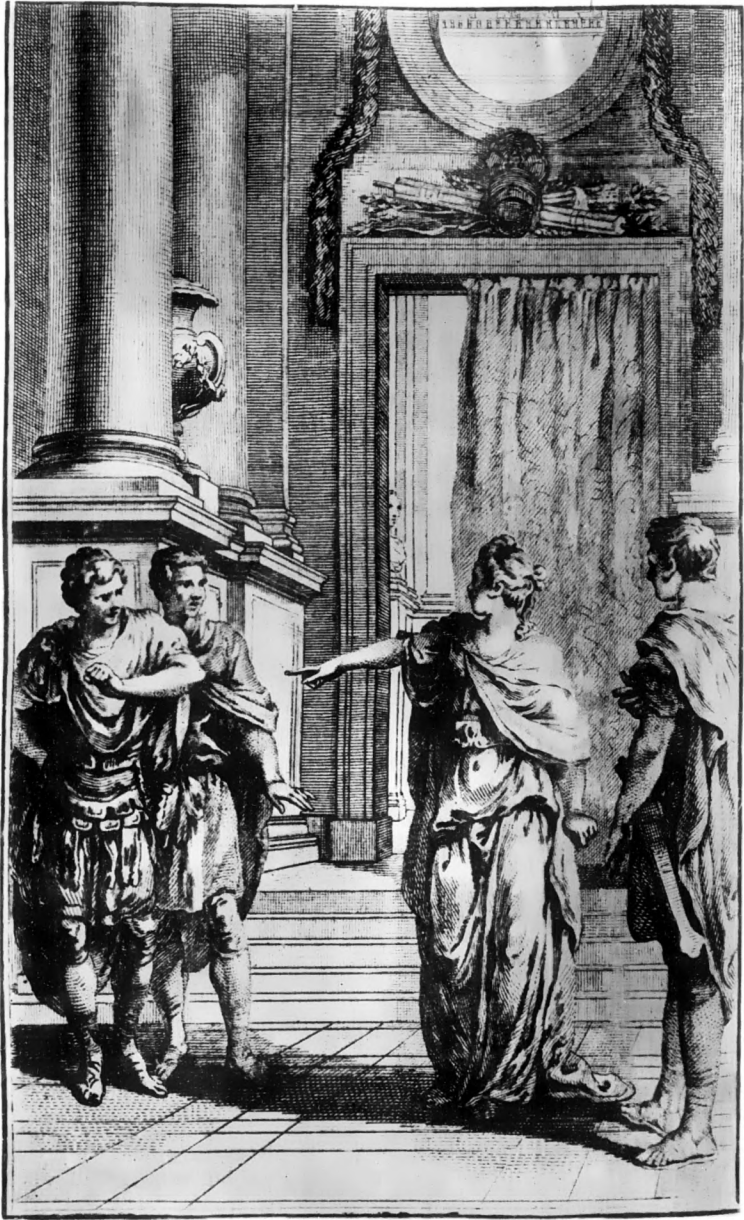
В сей день пусть будет всем отрадно!
 Прощенья, мой отец!

Д а н д е н

Домой его! Уж ладно...

Моя невестка, мной прощен он лишь для вас.
 Но тяжбы новые пусть нас займут сейчас.

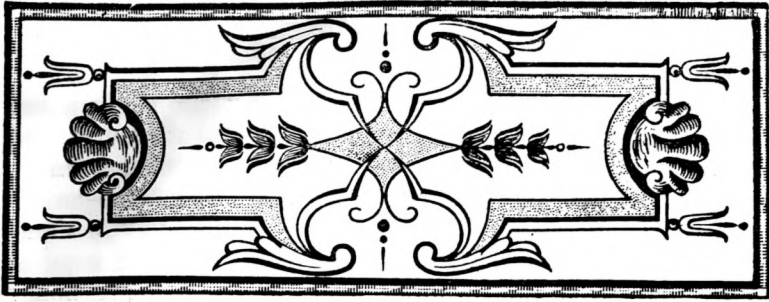






БРИТАНИК

BRITANNICUS
(1669)



ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех произведений, предложенных мною вниманию публики, нет ни одного, которое снискало бы мне больше похвал и порицаний, чем это. Как ни много труда приложил я для создания этой трагедии, — все же оказалось, что чем больше я старался улучшить ее, тем сильнее пытались некие лица ее опорочить: нет таких козней, к которым бы они не прибегли, нет хулы, на которую бы они не решились. Нашлись такие, которые даже стали на сторону Нерона против меня: они говорили, что я сделал его слишком жестоким. Что касается меня, то я полагал, что самое имя Нерона говорит о чем-то более чем жестоком. Но, быть может, они вдаются в тонкости истории и хотят сказать, что в первые годы своего правления он был добропорядочным человеком: однако стоит только прочесть Тацита, чтоб узнать, что если он и был некоторое время хорошим императором, он все же был всегда чрезвычайно злым человеком. В моей трагедии речь идет не о делах политических: Нерон представлен здесь в частной жизни и в семейном кругу. И они избавят меня от необходимости приводить все те цитаты, которые легко доказали бы, что я ни в чем не погрешил перед ним.

Другие, напротив, говорили, что я сделал его слишком добрым. Признаюсь, что я не представлял себе доброго человека в облике Нерона: я всегда считал его чудовищем. Но здесь он — чудовище рождающееся. Он еще не поджег Рима, он еще не убил мать, жену, воспитателей; кроме того, мне кажется, что от него исходит достаточно жестокостей, чтоб воспрепятствовать кому-либо заблуждаться в нем.

Иные приняли участие в Нарциссе и сетовали на то, что я сделал его очень злым человеком и наперсником Нерона. Достаточно одного отрывка, чтоб им ответить: «Нерон, — говорит Тацит, — с ропотом воспринял смерть Нарцисса, ибо в этом вольноотпущеннике было поразительное соответствие с затаенными еще пороками императора: *Cujus abditis adhuc vitiis mire congruebat.* ¹

Некоторые оскорбились тем, что я избрал героем трагедии столь юного человека, как Британик. Я сообщил им в предисловии к «Андромахе» воззрения Аристотеля на героя трагедии, — что он не только не должен быть совершенным, но ему надлежит всегда обладать каким-нибудь несовершенством. Но я добавляю еще, что юный принц, семнадцати лет, с большим сердцем, большой любовью, большой искренностью и большим легковерием — качествами обычными у юноши — казался мне вполне способным возбудить сочувствие. Я не желал большего.

«Однако, — говорят они, — этот принц умер, едва достигнув пятнадцати лет. Его заставляют жить, его и Нарцисса, на два года дольше, чем они жили». Я не стал бы отвечать на это возражение, если б оно не было с жаром поддержано человеком, который позволил себе заставить одного императора, царствовавшего лишь восемь лет, царствовать двадцать, хотя это изменение

¹ Коего скрытым доколе порокам он изумительно соответствовал.

гораздо существеннее для хронологии, где время исчисляется годами царствований.

Юния так же не избегла критики: говорили, что старую кокетку Юнию Силану я обратил в целомудренную молодую девушку. Что бы они мне могли ответить, если б я им сказал, что эта Юния — вымышленное лицо, как Эмилия в «Цинне», как Сабина — в «Горации»? Но я-то могу сказать им, что если б они внимательно читали историю, они помнили бы некую Юнию Кальвину из рода Августа, сестру Силана, которому Клавдий обещал Октавию. Эта Юния была молода, красива и, как говорит Сенека, «festivissima omnium puellarum».¹ Она нежно любила своего брата; и их враги, говорит Тацит, обвинили обоих в кровосмесительстве, тогда как они были повинны лишь в некоторой нескромности. Пусть даже я изображаю ее более сдержанной, чем она была, — я не слышал о том, что нам воспрещено исправлять нравы действующего лица, тем более лица неизвестного.

Находят странным, что она появляется на сцене после смерти Британника. Разумеется, велика изысканность — не желать, чтоб она в четырех стихах, достаточно трогательных, говорила, что идет к Октавии. «Но, — утверждают они, — из-за этого не стоило заставлять ее возвращаться; кто-нибудь другой мог бы рассказать за нее». Они не знают, что один из законов театра, это — повествовать лишь о том, чего нельзя показать в действии, и что все древние часто заставляют появляться на сцене актеров, которым нечего сказать кроме того, что они пришли из одного места и что они направляются в другое.

«Всего этого не нужно, — говорят мои критики, — пьеса кончается рассказом о смерти Британника, и нет необходимости слушать остальное». Его слушают, однако,

¹ прелестнейшая из всех девушек.

и даже с таким вниманием, как никакой другой конеп трагедии. Что касается меня, я всегда полагал, что трагедия есть воспроизведение действия завершеного, где совместно действуют многие лица, и действие отнюдь не окончено, если неизвестно, в каком положении оно оставляет этих лиц. Так, Софокл пользуется этим почти всюду; так, в «Антигоне» он посвятил такое же число стихов изображению иступления Гемона и кары Креона после смерти царской дочери, какое употребил я для проклятий Агриппины, возвращения Юнии, наказания Нарцисса и отчаяния Нерона после смерти Британника.

Что же надлежало сделать, чтоб удовлетворить столь требовательных судей? Дело было бы легким, пожелай я лишь изменить здравому смыслу. Нужно было бы только отойти от естественного, чтобы броситься к необычайному. Вместо действия простого, не слишком обремененного материей, каким должно быть действие, происходящее в течение одного дня и постепенно подвигающееся к своему концу, поддерживаемое только интересами, чувствами и страстями действующих лиц, — надлежало бы наполнить самое действие множеством происшествий, которые не могли бы произойти меньше, чем в течение месяца, большим количеством театральной игры, тем более потрясающей, чем менее она правдоподобна, бесконечными декламациями, в которых актеры принуждены говорить как раз противоположное тому, что им надлежит говорить. Следовало бы, например, представить некоего героя пьяницей, желающим для забавы возбудить ненависть в своей возлюбленной, спартака — говоруном, завоевателя — исходящим лишь любовными сентенциями, женщину — поучающей победителя гордости. Вот что, без сомнения, вызвало бы восторженные клики этих господ. Но между тем, что сказало бы малое число разумных людей, коим я стараюсь понравиться? С каким лицом осмелился бы я предстать, так сказать, перед глазами тех великих

мужей древности, которых я избрал образцом? Ибо, говоря словами одного писателя древности, вот — истинные зрители, перед которыми нам подобает воображать себя; и мы должны постоянно спрашивать себя: что сказали бы Гомер и Вергилий, если бы они прочли эти стихи? Что сказал бы Софокл, если бы увидел представленной эту сцену? Как бы то ни было, я отнюдь не пытался воспрепятствовать критике моих произведений; мои попытки притязания были бы тщетны. *Quid de te alii loquantur, ipsi videant, — говорит Цицерон, — sed loquentur tamen.*¹

Я прошу лишь читателя простить мне это маленькое предисловие, сделанное, чтобы разъяснить основания моей трагедии. Ничего нет более естественного, как защищаться против нападок, почитаемых несправедливыми. Я вижу, что сам Теренций сочинял прологи, кажется, только для того, чтоб защитить себя от нападков некоего старого злонамеренного поэта (*malevoli veteris poetae*), приходившего возбуждать голоса против него до тех часов, когда начиналось представление его комедий.

*Oscepta est agi
Exclamat ...etc*²

Мне можно было бы сделать упрек, которого, однако, не сделали. Но то, что ускользнуло от зрителей, могут заметить читатели: а именно, что я заставил Юнию удалиться к весталкам, хотя они, согласно Авлу Геллию, не принимали никого до шести лет и старше десяти. Но народ принимает здесь Юнию под свое покровительство; и я считаю, что из уважения к ее происхождению, к ее добродетели и к ее несчастью можно было нарушить закон о возрасте, как нарушали его для

¹ Что говорят о тебе другие — их дело, но говорить они будут.

² Едва лишь начали, как он закричал... (*Теренций.*)

консульства столь многих великих мужей, заслуживших эту привилегию.

Наконец, мне можно сделать много других возражений, которыми мне оставалось бы лишь воспользоваться в будущем. Однако я весьма сочувствую несчастью человека, работающего для публики. Лучше всего видят наши ошибки те, кто наиболее охотно скрывают их. Они прощают нам места, возбудившие их неудовольствие, ради тех, которые доставили им радость. Напротив, нет никого несправедливее невежды: он всегда считает, что восхищение есть удел людей, ничего не понимающих; он осуждает всю пьесу за одну сцену, им не одобренную; он нападает даже на места самые блестящие, чтобы доказать, что он обладает остроумием; и за тот слабый отпор, который мы даем его мнениям, он считает нас самонадеянными, не желающими никому поверить, и не подозревает даже, что он часто извлекает больше тщеславия из весьма плохой критики, чем мы из достаточно хорошей театральной пьесы.

*Nomine imperito nunquam quidquam injustus.*¹

¹ Нет ничего несправедливее невежды. (*Теренций.*)



ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот та из моих трагедий, над которой, должен сказать, я больше всего трудился. Однако, признаюсь, успех вначале не оправдал моих ожиданий: едва появилась она на театре, как поднялось такое множество нападок, что, казалось, они должны были ее уничтожить. Я и сам полагал, что судьба ее будет менее счастливой, нежели судьба других моих трагедий. Но в конце концов с этой пьесой случилось то, что всегда случается с произведениями, обладающими некоторыми достоинствами: нападки исчезли, пьеса осталась. Теперь это — та из моих пьес, которую наиболее охотно вновь и вновь смотрят и двор, и публика. И если я создал что-нибудь значительное, заслуживающее некоторой похвалы, то большинство знатоков сходится на том, что это именно «Британик».

Действительно, я работал по образцам, которые подерживали меня в том изображении двора Агриппины и Нерона, которое я хотел дать. Я копировал своих героев у величайшего художника древности, — я говорю о Таците, — и я был так увлечен чтением этого превосходного историка, что в моей трагедии нет почти ни одной блестящей черты, идея которой не была бы дана им. Мне хотелось привести в этом сборнике наиболее прекрасные места, которым я стремился подражать; но я нашел, что это займет столько же места, сколько и сама трагедия. Таким образом, читатель одобрит, что я отсылаю его к этому автору, который доступен всем; и я удовольствуюсь приведением здесь нескольких отрывков, относящихся к каждому из лиц, выведенных мною.

Чтобы начать с Нерона, следует вспомнить, что он дан здесь в первые годы своего царствования, которые, как известно, были счастливыми. Поэтому мне не было дозволено изображать его столь жестоким, как он был впоследствии. Равным образом, я не изображаю его и человеком добродетельным, ибо таковым он никогда не был. Он еще не убил мать, жену, воспитателей; но в нем уже таятся зародыши всех его преступлений: он уже начинает стремиться сбросить гнет; под лживыми ласками он скрывает от них свою ненависть, *factus natura velare odium fallacibus blanditiis*.¹ Одним словом, здесь он чудовище нарождающееся, но не осмеливающееся еще проявиться и ищущее оправданий для своих злодеяний. *Hactenus Nero flagitiis et sceleribus velamenta quaesivit*.² Он не переносит Октавию, примерной доброты и непорочности, *fato quodam, an quia praevalent illicita: metuebaturque ne in stupra feminarum illustrium prorumperet*.³

Я даю ему в наперсники Нарцисса. В этом я следую Тациту, который говорит, что Нерон не мог покорно снести смерть Нарцисса, ибо в этом вольноотпущеннике было поразительное соответствие с затаенными еще пороками государя: *cujus abditis adhuc vitiis mire congruebat*. Этот отрывок свидетельствует о двух вещах: он доказывает и то, что Нерон уже был порочен, но скрывал свои пороки, и то, что Нарцисс поддерживал его в дурных наклонностях.

Я избрал Бурра, чтобы противопоставить честного человека этому зачумленному двору; я предпочел вы-

¹ умея от природы скрывать ненависть притворными ласками. (*Тацит*, *Анналы*, кн. XIV, гл. LVI.)

² До сих пор Нерон старался прикрывать свой разврат и злодейства. (Там же, кн. XIII, гл. XLVII.)

³ либо по какому-то року, либо из-за стремления к недозволенному. К тому же опасались, как бы он не бросился развращать знатных женщин. (Там же, кн. XIII, гл. XII.)

братъ его, а не Сенеку, и вот по какой причине: они оба были воспитателями молодого Нерона, один в военном деле, другой в науках; они были знамениты; Бурр — военным опытом и строгостью нравов, *militaribus curis et severitate morum*; Сенека — краспоречием и благородным складом ума, *Seneca, praesceptis eloquentiae et comitate honesta*.¹ Вследствие добродетельности Бурра о нем чрезвычайно скорбели после его смерти: *Civitati grande desiderium ejus mansit per memoriam virtutis*.²

Все их усилия были направлены к тому, чтобы противостоять надменности и свирепости Агриппины quae, *cunctis malae dominationis cupidinibus flagrans, habebat in partibus Pallantem*.³

Больше я ничего не говорю об Агриппине, ибо слишком многое было бы сказать о ней. Я старался изобразить именно ее особенно хорошо, и моя трагедия — не в меньшей степени трагедия опалы Агриппины, чем смерти Британника. Эта смерть была для нее ударом; и, казалось, говорит Тацит, по ее испугу и горестному изумлению, что она была столь же неповинна в этой смерти, как Октавия. Агриппина теряла с ним свою последнюю надежду, и это преступление заставило ее бояться другого, еще большего: *Sibi supremum auxilium ereptum, et parricidii exemplum intelligebat*.⁴

Возраст Британника был так хорошо известен, что мне не было дозволено представить его иначе, как молодым принцем, обладавшим большим сердцем, большой любовью, большой искренностью, — качествами обычными для юноши. Ему было шестнадцать лет, и, говорят,

¹ Тацит, *Анналы*, кн. XIII, гл. II.

² Граждане не переставали сожалеть о нем, помня о его доблести. (Там же, кн. XIV, гл. I.)

³ которая, разжигаемая необузданною страстью к пагубной власти, имела своим пособником Палланта. (Там же, кн. XIII, гл. II.)

⁴ Она поняла, что у нее отнята последняя опора и что подан пример убийства родственников.

он был очень умен; может быть так это и было, а может быть его несчастья заставили поверить тому, невзирая на то, что он не мог этого проявить: *Neque segnem ei fuisse indolem ferunt, sive verum, seu periculis commendatus, retinuit famam sine experimento.*¹

Не следует удивляться, что около него не было никого, кроме столь жестокого человека, как Нарцисс, потому что уже давно был дан приказ, чтобы около Британника были только люди без веры и чести: *Nam ut proximus quisque Britannico neque fas neque fidem pensi haberet olim provisum erat.*²

Мне остается сказать о Юнии. Не нужно смешивать ее со старой кокеткой, которую звали Юния Силана. Здесь другая Юния, которую Тацит называет Юнией Кальвиной, из рода Августа, сестра Силана, которому Клавдий обещал Октавию. Эта Юния была молода, красива и, как говорит Сенека, *festivissima omnium puellarum* (прелестнейшая из всех девушек). Ее брат и она нежно любили друг друга: и их враги, говорит Тацит, обвинили обоих в кровосмешении, тогда как они были виновны лишь в некоторой нескромности. Она дождала до царствования Веспасиана.

Я заставил ее удалиться к весталкам, хотя они, согласно Авлу Геллию, не принимали никого моложе шести лет и старше десяти. Но народ принимает здесь Юнию под свое покровительство; и я считаю, что из уважения к ее происхождению, к ее добродетели и к ее несчастью, ей могло быть дозволено нарушить закон о возрасте, как нарушали его для консульства столь многих великих мужей, заслуживших эту привилегию.

¹ В действительности ли он, как говорят, обладал не плохими природными дарованиями, или это мнение вызвано сочувствием к его опасному положению, — но такое мнение о нем удержалось без подтверждения фактами. (*Тацит*, *Анналы*, кн. XII, гл. XXVI.)

² Давно было предусмотрено, чтобы все приближенные к Британнику лица были людьми без чести и совести.



Действующие лица

Н е р о н, император, сын Агриппины.

Б р и т а н н и к, сын императора Клавдия и Мессалины.

А г р и п п и н а, вдова Домиция Энобарба, отца Нерона, и по второму браку — вдова императора Клавдия.

Ю н и я, возлюбленная Британника.

Б у р р, воспитатель Нерона.

Н а р ц и с с, воспитатель Британника.

А л ь б и н а, наперсница Агриппины.

С т р а ж а.

Действие происходит в Риме, в одной из палат дворца Нерона.



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Агриппина, Альбина

Альбина

Как! Вы, боясь спугнуть Нерона поздний сон,
Пришли здесь ожидать, пока проснется он?
Мать цезаря, одна, без стражников и свиты,
Блуждает близ дверей, что для нее закрыты?
Молю вас, госпожа, вернитесь в свой покой.

Агриппина

Альбина, каждый миг теперь грозит бедой.
Я здесь его дождусь: он столько мук мне стоит,
Что даже сон его меня не успокоит.
Увы, свершилось то, чего давно я жду:
С Британником Нерон вступает во вражду.
Он буйством одержим, пока еще таимым;
Он страшным стать готов, наскуча быть любимым.
Британник тяготит его; и потому
Сама я, что ни день, докучливей ему.

Альбина

Как! Вы, кому Нерон обязан возвышеньем,
Величьем царственным, самим своим рожденьем?

Кем так отважно был сын Клавдия смещен
И властью цезаря Домиций облечен?
Всей чести от него достойна Агриппина:
Долг сына — вас любить.

А г р и п п и н а

Да, это — долг, Альбина:
Коль благороден он, — гордиться должен мной,
Возненавидит мать, — коль низок он душой.

А л ь б и н а

Коль низок он душой? Ах, госпожа! не все ли
Нам знаменует в нем задатки доброй воли?
Три года правит он, народом свято чтим,
И доблестью своей он укрощает Рим.
Наш край, обласканный его рукой державной,
Правленья консулов припомнил опыт славный:
Народ в нем чтит отца. И юноша Нерон
Со старцем Августом почетом уравнен.

А г р и п п и н а

Мы можем блеском дел и торжеством закона
С закатом Августа сравнить рассвет Нерона;
Но не пришлось бы нам, восторги взяв назад,
С рассветом Августа сравнить его закат.
Напрасно скрытен он: его чело — уликой,
Что в нем Домициев дух сумрачный и дикий:
Гордыню злобную в крови их почерпав,
Он взял из чресл моих Неронов пылкий нрав.
Тиранов мы всегда вначале величаем:
Не мог когда-то Рим налюбоваться Гаем,
Но вскоре лживый блеск поблек во всех глазах,
И краткую любовь сменил упорный страх.
Не все ли мне равно, что, не рожден тираном,
Прославится Нерон усердьем непрестанным?

•

Зачем я в длань его вложила руль страны,
 Когда сенат и плебс его учить вольны?
 Пусть он для родины отцом примерным станет,
 Но пусть родную мать ценить не перестанет!
 А между тем, назвать нам прозвищем каким
 Бесчестье, в эту ночь затеянное им?
 Он знает (их любовь от взоров не таима),
 Как пылко Юния Британником любима:
 И добрый наш Нерон, вершитель славных дел,
 Похитить Юнию средь ночи повелел!
 Что затевает он? Им движет страсть иль злоба?
 Иль веселит его, что страждут эти оба?
 Иль их мученьями, коварство затая,
 Он мстит за помощь ту, что им сушила я?

А л ь б и н а

За помощь, госпожа?

А г р и п п и н а

Не возражай, Альбина!

Я, я их обрекла преследованьям сына;
 С вершины, что ему рождением дана,
 Когда-то свергла я Британника одна.
 Позднее, жениха Октавию лишая,
 На брата Юнии погибель навлекла я;
 Силен мной умерщвлен не по одной молве:
 Он мил был Клавдию, и с Августом — в родстве.
 И вот награда мне: сын веселится тронем,
 Я ж мир должна хранить меж ними и Нероном,
 Затем, что будет день, и тот же мир дурной
 Британник охранит меж цезарем и мной.

А л ь б и н а

Какие замыслы!

А г р и п п и н а

От бурь приют ищу я...

Ужасен станет сын, узды моей не чуя!

А л ь б и н а

Ужель на мать свою вдруг посягнет Нерон?

А г р и п п и н а

Иль я ему страшна,— или мне страшен он!

А л ь б и н а

Гнетет вас, может быть, пустое опасенье.
Но если б и росло в Нероне охлажденье,
Он перемены той не выдал никому,
Лишь вам одной она известна да ему.
Любой народный дар и каждый титул новый
Передаёт он вам, делиться всем готовый.
Щедр в дружбе, ничего он не зовет своим:
Не ниже цезаря чтит Агриппину Рим;
А скорбь Октавии затаена неслышно.
Сам Август Ливию не величал так пышно:
Вам свиту ликторов дал цезарев устав,
Лавровой зеленью их связки увенчав.
Какого, госпожа, ещё желать признанья?

А г р и п п и н а

Поменьше почестей, побольше почитанья!
От этих милостей растёт моя напасть:
Все выше мой почет — и все ничтожней власть.
Увы! Прошли те дни, как юношей Нероном
Мне был доверен двор, плененный новым троном;
Когда державу мне он уступить был рад,
Когда на мой призыв сбегался весь сенат,
И, спрятана от глаз, всеильна и незрима,
Я, я была душой в громадном теле Рима!

Тогда еще толпы не покорил Нерон
 И не был собственным величьем опьянен.
 Как живо помню я мгновенья роковые,
 Нерону мощь его раскрывшие впервые,
 В тот день, когда послов прислали короли,
 Чтоб увенчать его признаньем всей земли.
 К престолу своему воссесть с ним рядом шла я.
 Кем рождена была в Нероне ревность злая? —
 Не знаю! Только он, свой взор с моим скрестив,
 На миг разоблачил враждебный свой порыв.
 Мне душу сжало вдруг дурное предвещанье.
 Наружной льстивостью прикрасив поруганье,
 Обманщик с ласками встал на моем пути
 И не позволил мне к престолу подойти.
 Так прогремел удар, сразивший Агриппину.
 С той встречи, что ни день, я ненавистней сыну.
 Бывалой мощи нет. Один лишь Бурр им чтим,
 Да имя Сенеки имеет власть над ним.

А л ь б и н а

Коль вы предварены тревогой не напрасной,—
 Зачем в своей груди растите яд опасный?
 Откройте цезарю, чем дух ваш возмущен.

А г р и п п и н а

Наедине со мной не остается он.
 На людях, в должный час, мне жалуют свиданье.
 Его ответ внушен, как и его молчанье.
 Два вечных аргуса, что правят им и мной,
 Посменно стерегут наш разговор любой.
 Но, как он ни бежит, я все ж настигну сына:
 Бесчинства цезаря на пользу мне, Альбина!
 Чу! Открывают дверь! Внезапно мы войдем,
 Отчета требуя в неистовстве ночном:
 Возьмем его врасплох неожиданным появленьем...
 Как! Бурр был у него!

Явление второе

А г р и п п и н а, Б у р р, А л ь б и н а

Б у р р

Я цезаря веленьем
Направлен, госпожа, приказ вам разъяснить;
Который ваш покой нарушил, может быть,
Но есть лишь зрелый плод заботы неслучайной,
Чего мой государь не хочет делать тайной.

А г р и п п и н а

Что ж, если так, войдем, пусть разъяснит все сам.

Б у р р

Он предан в этот час секретнейшим делам.
Чрез боковой проход, что недоступен взглядам,
Уже два консула прошли к нему с докладом.
Быть может, убедить я б цезаря сумел...

А г р и п п и н а

Нет, не нарушу я таких высоких дел!
Но не могли бы вы, отбросив слог придворный,
Хоть раз ответить мне без лживости позорной?

Б у р р

Доныне Бурру ложь была страшней огня!

А г р и п п и н а

Хотите цезаря вы прятать от меня?
Чтоб с ним увидеться, докучной стать должна я?
Иль, до таких высот успех ваш возвышая,

Я стену возвела меж сыном и собой?
 Вам надо каждый миг владеть его судьбой?
 Быть может, с Сенекой вы спорите о чести
 Нас с сыном разобщить преградой лжи и лести?
 На то ль он был вам дан, чтоб стал он развращен,
 Чтоб именем его вы захватили трон?
 Всем заправляет Бурр; а я — на роли жалкой,
 Клиенткой при дворе, почти что приживалкой!
 Так рассуждает Бурр, чью гордость надо б мне
 Оставить стариться безвестно на войне.
 Заносчиво считать средь низших или равных
 Супругу, дочь, сестру и мать владык державных, —
 Да как же смели вы? Иль голосом своим
 Я нарекла царя, чтоб дань платить троим?
 Нерон уж не дитя. Когда ж начнет он править?
 Не трусом ли его хотите вы ославить?
 Иль без заемных глаз не обойтись ему?
 Иль предки научить не могут ничему?
 Тиберий, Август ли — любой пример достоин;
 И ближе — мой отец, Германик, смелый воин!
 Себя не назову среди таких имен;
 Но всё ж и у меня мог поучиться он
 Не раскрывать врагам желаний потаенных
 И гордо отстранять лукавых подчиненных.

Б у р р

Я к вам от цезаря направлен был послом,
 Чтоб оправдать его пред вами лишь в одном;
 Но если, не спеша услышать повесть эту,
 Меня за столько зол призвали вы к ответу,
 Отвечу, госпожа, свободно, как солдат,
 Который без румян представить правду рад.
 Вы юность цезаря мне верили когда-то;
 Я это сознаю, я это помню свято!
 Но разве клялся я предательство свершить, —
 Одной покорности владыку научить?

Нет, материнских прав окончен срок мгновенный;
Он больше вам не сын, он — властелин вселенной!
Мне поручил весь Рим хранить его от бед,
И Риму одному я должен дать ответ.
Когда б его растить невеждой вы желали,
Меня и Сенеку вернули б вы едва ли.
Иль в Риме не нашлось достаточно льстецов,
Что за опальными пришлось вам слать гонцов?
Двор Клавдия, — увы! рабами плодovitый, —
Мог юношу ссудить низкопоклонной свитой.
Готовно высмеян, охотно развращен,
В ребячестве своем состарился бы он.
Чем недовольны вы, царица? Вы — в почете!
Вы рядом с цезарем во всех сердцах живете!
Он, правда, перестал вам лобызать порог,
И скипетр, что ни день, слагать у ваших ног.
Но разве он не прав? Чтоб выразить почтенье,
Пристало ль цезарю терпеть уничиженье?
Иль предпочли бы вы, чтоб, робостью согбен,
Взял только прозвище от Цезаря Нерон?
Но мало этого: он признан целым Римом!
Рим, долго пригнетен правленьем нелюбимым,
Стряхнув с усталых плеч весь гнет пережитой,
С Нероном вновь обрел свободу и покой.
Что говорю? Кругом блеск нового почина.
Власть перестала быть одеждой властелина.
На поле Марсовом рождаются чины:
Солдаты избирать вождей своих вольны,
Трапею чтит сенат, войска чтут Корбулона,
Они вершат закон, не преступив закона.
Пустынные края изгнанников былых
Теперь заселены предателями их.
И диво ли, что нам воспитанник наш предан,
Коль славный путь ему был нами заповедан,
Коль празднует земля расцвет благих времен,
Коль цезарь всемогущ и Рим освобожден?

Но правит, госпожа, он волею своею.
 Лишь повинуюсь я, но наставлять не смею!
 Бесспорно, с предков он берет пример благой. —
 Но будет равен им, лишь став самим собой.
 О, только б в будущем, свой опыт умножая,
 Он помнил, как ярка его звезда былая!

А г р и п п и н а

Итак, хотите вы, пред будущим дрожа,
 Нерона, как раба, стеречь от мятежа?
 Но вы, что длинный гимн заносчиво поете
 Величью цезаря и собственной заботе, —
 Ответьте нам, какой заботой побужден,
 Силанову сестру похитил ваш Нерон?
 Быть может, этот гнев — лишь злобная опала
 На кровь моих отцов, что в Юнии сверкала?
 За что ее казнят? и в чем ее вина?
 Как стала за ночь вдруг преступницей она? —
 Она, кто с юности живя вдали от трона,
 Не будь похищена, не знала б ввек Нерона,
 И знаки милости умела видеть в том,
 Что так разобщена с постылым ей двором?

Б у р р

Я знаю, что она чиста от подозренья.
 Но ведь и цезарь ей не вынес осужденья,
 Ее не оскорбил предложенный ей кров:
 Она поселена в дому своих отцов.
 Меж тем ее супруг, правам ее причастный,
 Поднять бы мог мятеж, империи опасный,
 К тому ж кровь цезарей в союзах не вольна, —
 Заботам царственным подчинена она!
 И явно вам самой, что цезарь пещься в праве
 В лице племянницы об Августовой славе.

А г р и п п и н а

Все ясно: известить спешит меня Нерон,
Что был напрасно мной Британник ободрен,
Что всеу, от беды несчастного спасая,
Ему на этот брак надежду подала я:
К позору моему, Нерон разоблачил,
Что смела обещать я свыше слабых сил!
Рим слишком высоко ценил мое значенье;
Он высмеять решил пустое заблужденье,
Чтоб знала вся страна, на страх свой и беду,
Что цезарь с матерью вступает во вражду.
Что ж, пусть попробует! Но, начиная ссору,
Пусть сам себе найдет надежную опору;
Моя ничтожна власть; но, коль увидит Рим,
Что спорю за нее я с цезарем самим,
Все может стать иным, и на весах влияний
Окажется мой сан сильнее иных стараний.

Б у р р

Как! Государыня, — винить его всегда?
Во всех его делах вам чудится вражда?
Иль знает государь, что с принцем заодно вы?
Что Юнии в любви поддержку дать готовы?
Как! Собственных врагов стремитесь вы спасти,
Чтоб получить предлог на цезаря роптать?
Ужель, уязвлены случайным наговором,
Могли бы целый Рим вы расколоть раздором?
Ужель вас все страшит? Для редких с сыном встреч
Ужель один лишь гнев стремитесь вы сберечь?
Откиньте прочь судьи печальное раченье, —
Явите матери нетрудное прощенье!
Не бойтесь тех обид, что не видны другим, —
И вас полюбит двор, и не покинет Рим.

А г р и п п и н а

Но кто бы стал хранить ко мне расположениеъ
 С тех пор, как сам Нерон изрек мое паденье?
 С тех пор, как от меня он спрятан, может быть?
 С тех пор, как смеет Бурр мне вход к нему закрыть?

Б у р р

Царица, вижу я, что мне умолкнуть надо,
 Что прямому мою дурная ждет награда.
 Несправедлива скорбь,— и шум чужих речей,
 Который ей не льстит, лишь досаждают ей!
 Британник к нам идет. Я уступлю дорогу.
 Вольны вы с ним делить напрасную тревогу,
 И вместе с юношей вольны роптать на тех,
 С чьим мнением государь считался меньше всех.

Явление третье

А г р и п п и н а, Б р и т а н н и к, Н а р ц и с с, А л ь б и н а

А г р и п п и н а

Куда бежите, принц? Ловя мечту какую,
 Один, среди врагов, стремитесь вы вслепую?
 Чего вы ищете?

Б р и т а н н и к

Ищу? О, горе мне!

Всё, всё, что я терял, потеряно вдвойне.
 Мне точно ведомо, что Юнию солдаты
 Позорно увлекли в Нероновы палаты.
 Увы! Я видел сам, какой безмерный страх
 Родила эта весть во всех простых сердцах.
 Ее похитили. Безжалостной рукою
 Разлучены сердца, сродненные тоскою!
 О, да, здесь не хотят, чтоб, горе с горем слив,
 Печальный наш союз хоть дружбой был счастлив.

А г р и п п и н а

Довольно! Как и вы, сама оскорблена я!
Я сетовала здесь, ваш ропот предваряя,
Но я не допущу, чтоб гневом тем пустым
Мы искупили то, о чем теперь скорбим.
Но я молчу... Когда ж вы всё узнать хотите,
Немедля, вслед за мной, к Палланту приходите.

Явление четвертое

Б р и т а н н и к, Н а р ц и с с

Б р и т а н н и к

Поверить ей, Нарцисс? Ужель самой судьбой
Поставлена она меж цезарем и мной?
Что скажешь? Иль она не та же Агриппина,
Кто пасынка могла низвергнуть ради сына,
И ускоряет бег последних дней своих,
Чтоб для ее затей не стал он слишком тих?

Н а р ц и с с

Пускай! Она, как вы, оскорблена Нероном;
Отдать вам Юнию она ручалась тронем:
Две цели сочетав, сдружите две беды.
Дворец наполнили вы стонами вражды.
Пока, топя в слезах свое недоуменье,
Вы будете растить здесь скорбь, не возмущенье,
Пока вы вместо слов не вверитесь делам, —
Сомненья нет, скорбеть придется вечно вам!

Б р и т а н н и к

Нарцисс! Ты знаешь сам: к неволе привыкая,
Сумел ли перед ней смириться навсегда я;

Ты знаешь, навсегда ль паденьем пригнетен,
 Я допустил врага на свой наследный трон.
 Но я еще один: друзьям отца немногим
 Кажусь я юношей, безвестным и убогим;
 И тот же возраст мой преграду ставит тем,
 Кто от меня еще отрекся не совсем.
 А сам я вот уж год, едва пред робким взором
 Предстал мой горький рок со всем его позором, —
 Что вижу я вокруг? — Подкупленных друзей,
 Следящих каждый шаг правдивости моей,
 Кто, с цезарем дружа и мне доверясь ложно,
 С ним о душе моей торгуются безбожно.
 Да, это так, Нарцисс, — ему предали нас!
 Все мысли, все слова он знает, что ни час,
 Не хуже, чем ты сам, в душе моей читая,
 Не правда ли, Нарцисс?

Н а р ц и с с

Низка душа людская...

Должны вы избегать придворных подкупных
 И не вверять им, принц, заветных дум своих.

Б р и т а н н и к

Ты прав, но век питать ко всем лишь подозренье
 Для тех, кто сердцем чист, — труднейшее уменье.
 Нас обмануть легко! Ты, знаю, верен мне,
 Я одному тебе доверился вполне.
 Меня родитель сам вручил твоей опеке.
 Один, средь бывших слуг, ты предан мне навеки;
 Всю жизнь меня ты вел, мой каждый шаг ты знал,
 Ты охранял меня от всех подводных скал.
 Пойди же, разузнай: шум этой бури новой
 Не придал ли друзьям готовности суровой?
 Их взоры разгадай, обдумай речи их;
 Найду ли я средь них помощников прямых?

Да и в самом дворце расследуй с прилежаньем,—
Принцессу стерегут с большим ли здесь стараньем?
Узнай, опасности избегла ли она,
И встреча навсегда ль для нас запрещена?
А я отправлюсь вслед за матерью Нерона
К Палланту, кто, как ты, был друг отцова трона;
Я разожгу ее, чтоб яростью своей
Мне больше помогла, чем бы хотелось ей.



ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Нерон, Бурр, Нарцисс, стража

Нерон

Прошу поверить, Бурр: хоть мне и брошен вызов,
Готов не видеть я царицыных капризов!
Но больше не хочу молчаньем потакать
Министру дерзкому, кто смеет их внушать.
Мать околдована Паллантом, мне враждебным,
К нему Британник льнет с доверием хвалебным,
Его лишь слушают: и, если подстеречь,
В Паллантовом дворце найдем приют их встреч.
Довольно! Огорчить пора их расставаньем;
Его в последний раз я милую изгнаньем.
Вот воля цезаря: пускай сегодня в ночь
Он покидает двор, из Рима едет прочь!
Исполни же приказ: да будет благо с нами!
За мной, Нарцисс!

(К страже)

А вы — оставайтесь за дверями!

Явление второе

Нерон, Нарцисс

Нарцисс

С захватом Юнии, благодаря богам,
Весь Рим, о государь, покорен нынче вам.

Враги, лишённые былых надежд на мщенье,
 К Палланту собрались — оплакать поражение.
 Но верить ли глазам: тревожны и бледны,
 Мрачней Британника, вы сами смущены?
 Что предвещают мне приметы злой печали?
 Где взгляды скорбные растерянно блуждали?
 Все угождает вам. Фортуна чтит ваш трон!

Н е р о н

Свершилось, о Нарцисс, — узнал любовь Нерон!

Н а р ц и с с

Вы?

Н е р о н

Сердце вмиг зажглось, огнём навек объято.
 Я Юнию люблю, — нет, обожаю свято!

Н а р ц и с с

Вы любите ее?

Н е р о н

Причудой лишь влеком,
 За нею в эту ночь я наблюдал тайком.
 Печально возводя свой взор, слезой омытый,
 Меж факельных огней и копьеносной свитой,
 Она мелькнула здесь, прекрасна и бледна,
 Как образ красоты, похищенной у сна.
 И что же? Было ль то итогом сочетанья
 Теней и факелов, смятенья и молчанья,
 Распушенных волос и стражников кругом,
 Но кротость нежных глаз казалась мне огнем.
 Что б это ни было, но образ был прекрасен!
 Хотел позвать ее, но сам стоял безгласен,
 Надолго потрясен безвестной мне тоской,
 Меж тем как пленницу вели в ее покой.

Я заперся в своем. И там, в уединеньи,
 Напрасно отгонял запретное виденье.
 Она была со мной, к ней обращал я речь,
 Я слезы целовал, что сам заставил течь.
 То умолял простить, — но горе! слишком поздно! —
 То робко вздыхал, то сетовал я грозно.
 Так, ею поглощен, томясь по ней одной,
 Мой воспаленный взор вперился в свет дневной.
 Но, может быть, с мечтой вседневность несогласна,
 И в жизни Юния совсем не так прекрасна.
 Что скажешь ты, Нарцисс?

Н а р ц и с с

Как, государь? Она
 От взоров цезаря была утаена?

Н е р о н

Ты знаешь сам, Нарцисс! Отчаяньем объята,
 Не только обвинив меня в убийстве брата,
 Не только оградив прекрасный свой расцвет
 Суровой гордостью уединенных лет, —
 Она, замкнута в тень, верна своей печали,
 Не хочет, чтоб ее царевной величали.
 И к этой чистоте, что так у нас редка,
 Влекут мою любовь досада и тоска.
 Подумай сам, Нарцисс! Красавицы нет в Риме,
 Что не гордилась бы признаньями моими,
 Не чаяла, едва глаза начнут блистать,
 Над сердцем цезаря их силу испытать.
 Одна лишь Юния, горда своим затвором,
 Все то, что льстит другим, готова звать позором!
 Она бежит — и знать не хочет, может быть,
 Что цезарь не злодей, что он готов любить.
 Скажи, влюблен в нее Британник?

Н а р ц и с с

Иль не знали

Вы, государь, того?..

Н е р о н

Он молод, и едва ли
Яд взора нежного уже грозит ему!

Н а р ц и с с

Любовь, мой государь, не спутница уму.
Поверьте, он влюблен! Вы оценили сами
Искусство этих глаз, играющих слезами.
Всем прихотям ее привык он угождать;
А, может быть, и сам умеет убеждать.

Н е р о н

Как? Значит, любит он совсем не так смиренно?

Н а р ц и с с

Не знаю, государь! Но вот что несомненно:
Из вашего дворца он убегал не раз,
Чтоб скрыть свой лютый гнев от цезаревых глаз,
Замученный двора холодным приговором,
Величьем ваших дел и собственным позором,
Лелея злость и страх, уничтожаясь в них,
Бежал он к Юнии — и возвращался тих.

Н е р о н

О, если он любим, — ему нет худшей казни!
Он будет милую молить о неприязни.
Кто ревностью своей дразнить Нерона б мог?

Н а р ц и с с

Но где же, государь, причина для тревог?
Он предан Юнии, она с ним делит горе,

Иных не видит слез, как у него во взоре.
 Но нынче, государь, когда, взглянув вокруг,
 Блеск славы царственной она узнает вдруг,
 Увидит королей, утративших корону,
 Заброшенных в толпу и приведенных к трону,
 Что ловят (в их числе и он, ее герой)
 Ваш мимолетный взгляд, им брошенный порой;
 Когда с вершины той вы к ней сойдете сами
 Молить ее любви смиренными словами,—
 Поверьте, государь, все сбудется тотчас:
 Прикажете любить — и вмиг полюбят вас!

Н е р о н

О, сколько горестей мне жребий мой готовит!
 Какие трудности!

Н а р ц и с с

Но кто ж вам прекословит,
 Мой государь?

Н е р о н

Кто? Все, кем я еще любим:
 Октавия и мать, Бурр, Сенека и Рим.
 Не думай, что душой расположен к жене я,
 Болея нежностью и юность в ней жалея,—
 От ласк ее устав, я отстранил их сам
 И редко снисхожу к пустым ее слезам.
 Я рад порвать бы связь со спутницей немилрой
 И сбросить с плеч ярмо, что мне надели силой!
 К тому ж не мной одним она осуждена:
 Не меньше и богам наскучила она.
 Мольба Октавии и небу негодна:
 Жена моя, Нарцисс, четвертый год бесплодна!
 Наследника — увы! — напрасно ждет престол...

Н а р ц и с с

Что ж медлить, государь? Сам жребий вас развел!
Престол и сердце — всё с Октавией в раздоре.
Так, встретив Ливию, ваш предок Август вскоре
Ей повелел развод, сам взял его, — и вот
Престолом стал для вас счастливый тот развод.
Пороча царский дом пред римским всем народом,
Тиберий оскорбил дочь Августа разводом.
И только вы один, себе наперекор,
Запрета с радостей не сняли до сих пор.

Н е р о н

Иль сам ты не дрожал пред гневной Агриппиной?
Я робость чувствую при мысли той единой,
Как с пламенем в очах предстанет мне она,
Ведя Октавию, вдвойне оскорблена,
И грозно развернет, — о худшая из пыток! —
Моих провинностей необозримый свиток...
Как выдержать, скажи, такой неравный бой?

Н а р ц и с с

Не вы ли — властелин над ней и над собой?
Не век же, государь, влачить ярмо опеки?
Иль править для нее вам суждено навеки?
Страх перед ней? О, нет, вас не смущает он!
Надменнейший Паллант от власти удален,
Паллант, чей дерзкий нрав так поощрялся ею...

Н е р о н

Когда ее здесь нет, я царствовать умею!
Я слушаюсь друзей, преследую врагов,
Я раздражен на мать — и спорить с ней готов.
Пусть пред тобой душа предстанет без покрова:
Едва, к своей беде, ее увижу снова, —
Не только чувствую, что не имею сил

Бежать от этих глаз, чью волю долго чтил;
 Не только восстает привязанность былая,
 Всё лучшее во мне ей тайно подчиняя;
 Но страх во мне растет к сопернице такой:
 Пред гением ее немеет гений мой.
 Вот почему, гоня от сердца власть чужую,
 Я матери бегу, я с матерью враждую,
 И недовольство в ней ревниво берегу,
 Чтоб негодным стать для той, кого бегу.
 Но торопись, Нарцисс, — ты пробыл здесь не мало, —
 Чтоб в грудь Британника сомненье не запало.

Н а р ц и с с

Нет, нет, с Британником сдружились мы вполне!
 Свиданье с цезарем он сам доверил мне.
 О ваших замыслах — немалая заслуга! —
 Затеял он узнать из уст надежных друга:
 К свиданью с пленницей стремясь всего сильней,
 Он будет, государь, ждать помощи моей.

Н е р о н

Согласен! Пусть придет — и, ад тому порука,
 Ее увидит он.

Н а р ц и с с

Верней была б разлука!

Н е р о н

Не возражай, Нарцисс, я все обдумал сам!
 Ему я встречу с ней недешево продам.
 А ты оповести, что твой маневр удачен,
 Что хитростью твоей Нерон врасплох захвачен,
 Что он согласен... Чу! Она! Оставь же нас.
 Спешу к Британнику и с ним вернись тотчас,

Явление третье

Н е р о н, Ю н и я

Н е р о н

Принцесса, вы бледны и рады мне едра ли...
Прочли в моих глазах вы знаменье печали?

Ю н и я

Искала, государь, я встречи здесь иной;
Я шла к Октавии, но цезарь предо мной.

Н е р о н

Тем больше огорчен тюремщик ваш ревнивый
Таким доверием к Октавии счастливой.

Ю н и я

Вы, государь?

Н е р о н

Ужель Октавия одна
Достойна вас ценить и видеть вас вольна?

Ю н и я

К кому же, государь, прибегну, умоляя?
Кто может мне раскрыть, за что осуждена я?
Вы, кто караете, проступок знать должны:
Молю вас, государь, назвать мои вины!

Н е р о н

Вины! Да разве вы уж тем не виноваты,
Что от меня, от всех, ушли в свои палаты?
Иль образ красоты, небесный дар харит,
Ниспослан вам затем, чтоб в землю был зарыт?
Ужели одному Британнику возможно

Свой пыл и ваш расцвет лелеять бестревожно?
 Зачем таких щедрот великих до сих пор
 Безжалостно — увы! — лишали вы мой двор?
 Но более того, — не чужа поруганья,
 Вы переносите болтливые признанья!
 Меж тем я ожидал, что в дни своих побед
 Захочет Юния услышать мой совет
 И не посмеет быть любимой и влюбленной,
 Пока не разрешит ей цезарь благосклонный.

Ю н и я

Не скрою, государь, к тоске моей порой
 Британник снисходил почтительной мольбой.
 Он глаз не отвратил от девушки печальной,
 Последней из семьи высокой и опальной:
 Быть может, не забыл он давних тех времен,
 Как был своим отцом в мужья мне наречен.
 Он полюбил меня, послушен отчей воле
 И вашей матери, и я б сказала боле:
 Вам, государь, — ведь вы согласны с ней во всем!

Н е р о н

Принцесса, каждый прав, идя своим путем.
 Забудем Клавдия, оставим Агриппину, —
 С неправдами отцов нельзя мириться сыну.
 За вас лишь я один ответственен богам,
 И сам я положил супруга выбрать вам.

Ю н и я

Увы, мой государь! Любая связь иная
 Унизит цезарей, их лоно оскорбляя.

Н е р о н

Нет, Юния! Супруг, вам присужденный мной,
 Достойн две семьи соединить в одной.
 Честь сватовства его признаете вы сами,

Ю н и я

Но кто ж он, государь?

Н е р о н

Принцесса, он пред вами!

Ю н и я

Вы?

Н е р о н

Я бы мог назвать немало вам имен,
Когда б не выше всех был именем Нерон!
Да, прежде чем изречь свой выбор громогласно,
Двор, Рим, империю я оглядел бесстрашно.
Чем больше я искал, сомненьями томим,
Кто б с честью мог владеть сокровищем таким,
Тем очевидней мне, что цезарь сам лишь в праве
Бесценный этот клад хранить к его же славе!
Я не могу его отдать руке иной,
Чем та, которой Рим дал власть над всей землей.
Но вдумайтесь и вы в свершенное когда-то:
Вас Клавдий полюбил и сыну вверил свято;
Но было это в дни, когда ребенок-сын
Готовился всю власть наследовать один.
Так боги изрекли. Их вышним произволом
Еще в младенчестве вы связаны с престолом.
И тщетно был бы мне небесный дар вручен,
Когда бы сердцем к вам я не был приобщен,
Когда б моих тревог вы лаской не смягчали,
Когда б среди бурных дней, завещанных печали,
Среди дней оплаканных, погибших, я не мог
Забиться иногда, вздохнув у ваших ног.
Пускай Октавия ваш взор не кроет тенью;
Весь Рим стоит за вас и предал осуждению
Мой ненавидный брак, который, может быть,
И небо ради вас все медлило скрепить.

Принцесса, вот завет: с неспешностью спокойной
 Судите выбор мой, властителя достойный,
 Достойный ваших глаз, томящихся в плену,
 Достойный тех высот, куда я вас верну!

Ю н и я

По праву, государь, теперь изумлена я!
 Давно ль, ни жалобам, ни стонам не внимая,
 Меня, как пленницу, сорвали с ложа сна?
 И не успела я, испугом смятена,
 Спросить у цезаря причину тех страданий,—
 Вдруг узнаю, что я Октавии желанней!
 Меж тем не заслужил смиренный жребий мой
 Ни почестей таких, ни дерзости такой.
 И можно ль девушку, узнавшую с рожденья
 Позор своей семьи и горечь заточенья,—
 Кто, темную печаль храня из года в год,
 Училась доблести у собственных невзгод,—
 Внезапно перенести из ночи безысходной
 На высшую ступень той славы всенародной,
 Чей шум ей и вдали казался нестерпим,
 Чьим блеском, наконец, одел другую Рим?

Н е р о н

Я вам уже сказал, что с ней я кончил счета:
 Умерьте же свой страх, оставьте все заботы.
 Что выбор мой не слеп, узнаете тотчас:
 Ответьте за себя; согласья жду от вас!
 Исполните завет, вам данный вашей кровью;
 Не приносите в дар людскому суесловью
 Одежду почестей, что цезарь вам сулит.
 Как ни высок отказ, он счастья не дарит!

Ю н и я

От неба, государь, таиться я не стану,
 Я сердца не предам тщеславному обману:

Нет, ваших милостей понятна мне цена!
Но тем мучительней была б моя вина,
Чем лучезарней блеск, раскрывший неподкупно
Несчастье женщины, мной изгнанной преступно.

Н е р о н

Нельзя ж так бережно хранить чужую честь,
Принцесса... И предел для самой дружбы есть!
Но бросим скрытничать, — нас двое здесь в палате:
Печетесь о сестре вы больше, чем о брате.
Что ж до Британника...

Ю н и я

Откроюсь: он мне мил!
Таиться, государь, я не имею сил!
Такая искренность, я знаю, безрассудна,
Но сердце и уста разъединить мне трудно.
Что делать! От двора печаль свою тая,
Искусству лживости не обучилась я.
Британник мной любим. Нас нарекли друг другу
В те дни, когда на трон он мог возвесть супругу,
Но та же цепь невзгод, которой он обвит,
Разгром его дворца, позор его обид,
Его разрыв с двором и лицемерным Римом,—
С ним вяжет Юнию звеном неразделимым.
Не прекословить вам стремится все вокруг;
Средь ясных радостей проходит ваш досуг,
Безмерна ваша власть, — безбрежно наслажденье.
Когда же тень тревог прервет его теченье,
Не вся ль вселенная, заботливо, как мать,
Из вашей памяти спешит ее прогнать?
Британник — одинок: тоска ли в нем проснется,
Кто, как не я одна, ответно улыбнется?
И жив он, государь, одной моей слезой,
Коль ею озарит печальный жребий свой.

Н е р о н

И той одной слезой счастливец жребий светел?
 О, смертью за нее другой бы мне ответил.
 Но с этим юношей я обойдусь нежней:
 Принцесса, он придет к избраннице своей.

Ю н и я

От вас, мой государь, иного не ждала я!

Н е р о н

Его я мог изгнать, навек вас разлучая.
 Но, знайте, я хочу предотвратить беду,
 Что сам накличет он, начав со мной вражду
 Зачем его губить? Пусть лучше, невредимый,
 Услышит приговор из уст своей любимой.
 Ему велите вы покинуть ваш порог,
 Чтоб ревности моей он чувствовать не мог,
 Возьмите на себя удар его изгнания,
 И, силою речей иль силою молчанья,
 Хотя б холодностью — ему вы дайте знать,
 Чтобы он шел к другой сочувствия искать.

Ю н и я

Как! Мне самой сразить его таким ударом?
 Скорей сто нежных клятв произнесу я с жаром!
 И даже, если лгать велю устам своим,
 В глазах моих прочтет он осужденье им.

Н е р о н

Здесь, спрятан в тайнике, я прослежу за вами.
 Укройте ж в глубь души губительное пламя;
 Не думайте в речах лукавить предо мной;
 Я буду видеть все, постигну взгляд немой,
 И станет смерть ему расплатой неизбежной
 За ваш мгновенный вздох, за взгляд преступно-нежный.

Ю н и я

Увы! Когда б язык не стал от скорби нем,
Просила б, государь, нас разлучить совсем!

Явление четвертое

Н е р о н, Ю н и я, Н а р ц и с с

Н а р ц и с с

Британник, государь, с принцессой ждет свиданья;
Он рядом.

Н е р о н

Пусть войдет.

Ю н и я

Ах, государь!

Н е р о н

Молчанье!

Судьбу Британника решите вы сейчас:
С ним видясь, помните, что я гляжу на вас.

Явление пятое

Ю н и я, Н а р ц и с с

Ю н и я

Нарцисс! Скорей! К Британнику беги ты,
Скажи ему... Он здесь! Мы небом позабыты.

Явление шестое

Ю н и я, Б р и т а н н и к, Н а р ц и с с

Б р и т а н н и к

Принцесса! Это вы? Поверить ли глазам?
 Как! Встречу милую судьба послала нам?
 Но радость ту — увы! — печаль сразить готова
 Как знать, когда-нибудь увижу ль я вас снова?
 Ужель украдкой брать мне счастье суждено,
 Что из любимых глаз я черпал так полно?
 Увы, какая ночь! От ваших слез ужели
 У злобных стражников сердца не просветлели?
 Где был любовник ваш? Какой жестокий бог
 Мне не дал умереть за вас у ваших ног?
 О, горе! Трещина в объятиях испуга,
 Вы втайне, может быть, шептали имя друга?
 Принцесса, обо мне вы вспомнили в тот час?
 Подумали с тоской, как я оплачу вас?
 Молчите вы в ответ? Какой прием суровый!
 Так вот как встречен я в своей невзгоде новой?
 Ответьте: мы одни! Наш враг обманут мной.
 Он отвлечен сейчас заботою иной:
 Используем же миг, не размышляя доле.

Ю н и я

Здесь все покорствует его могучей воле:
 У стен есть уши, принц, внимательные к нам;
 И видит нас, незрим, здесь император сам.

Б р и т а н н и к

Давно ли, Юния, и вас тот страх тревожит?
 Ужели сдаться в плен и ваше сердце может?
 Что стало с нежностью, не ведавшей препон,
 Которой мог бы сам завидовать Нерон?
 Но отгоните прочь ненужное сомненье!

Еще во всех сердцах таится возмущенье,
Еще во всех глазах свой гнев я узнаю;
Нам мать Неронова поддержку даст свою.
Он оскорбил весь Рим постыдными делами...

Ю н и я

Ах, принц, от этих слов откажетесь вы сами!
Не тысячу ли раз вы повторяли мне,
Что всеми он любим и чтим в своей стране:
С величьем дел его мирились вы, не споря.
Как видно, ваш язык ожесточило горе.

Б р и т а н н и к

Принцесса, сознаюсь, я от смущенья нем.
Нет, к Юнии спешил Британник не за тем.
Как! Чтоб поведать вам свой гнев и ужас тайный,
Насильно у судьбы я вырвал миг случайный, —
И что ж, бесценный миг растрачиваем мы
На похвалы врагу в стенах его тюрьмы?
Так измениться вдруг, за день один? То вы ли?
Как! Даже и глаза молчать вы научили?
Вперить во взоры взор уже у вас нет сил?
Вам по сердцу Нерон? Британник вам не мил?
Когда б я это знал!.. Молю вас небесами,
Рассейте этот мрак, куда я ввергнут вами.
Ответьте мне! Ужель я навсегда забыт?

Ю н и я

Поторопитесь, принц, сам цезарь к нам спешит.

Б р и т а н н и к

Какой удар, Нарцисс! Чего же ждать мне боле?

Явление седьмое

Н е р о н, Ю н и я, Н а р ц и с с

Н е р о н

Принцесса...

Ю н и я

Я была покорна вашей воле.
 Но больше, государь, ни слова! Я вольна
 Лить слезы, коль ему слеза та не видна.

Явление восьмое

Н е р о н, Н а р ц и с с

Н е р о н

Ну, что, Нарцисс! Их страсть, как видишь, безрассудна.
 Их нежность и без слов изобличить нетрудно.
 Соперник мой любим, я сам себе не лгу,
 Но муками его насытиться могу!
 Я сделаю себе из слез его забаву.
 Сегодня Юнией истерзан он на славу.
 Иду за ней. А ты к сопернику ступай:
 Его отчаянью еще ты пищи дай;
 И если на него здесь пыл и слезы тратят,
 Пусть темный свой успех он дорого оплатит!

Н а р ц и с с *(один)*

Вторично, о Нарцисс, фортуной призван ты.
 На зов божественный спеши из темноты.
 Не будем отклонять ее велений властных:
 Чтوب счастьем завладеть, пойдем губить несчастных.



ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Н е р о н, Б у р р

Б у р р

Паллант оставит Рим.

Н е р о н

А что сказала мать?

Боюсь, ей не легко гордыню обуздать.

Б у р р

Об этом, государь, узнаете вы вскоре;
Едва ли затаить она сумеет горе.
Но пусть ее гроза к вам близится, шумна,—
Не шумом лишь одним опасна вам она!

Н е р о н

Так материнский гнев тревоги стал достоин?

Б у р р

За Агриппину я, мой цезарь, не спокоен.
Солдаты, Рим — все чтят царицы славный род,
В ней дочь Германика приветствует народ.
Вот чем сильна она, вам ведом ее норы!

Достойны, государь, вы всяческих укоров
 За то, что сами в ней растите злой порыв,
 На собственную грудь оружие обратив.

Н е р о н

Я, Бурр?

Б у р р

Верней — душа, что страстью одержима!

Н е р о н

Не продолжайте, Бурр. Болезнь неизлечима:
 Зов сердца моего мне всё поведал сам.
 Пора мне полюбить...

Б у р р

Так показалось вам,

О цезарь! Коренясь в одном сопротивленьи,
 Пугает вас недуг, ничтожный при рождении.
 Но если б высший долг вам сердце укрепил
 И побороть врага у вас достало сил;
 Когда б вернули вы те доблестные годы,
 Когда б, мой государь, припомнили невзгоды
 Своей Октавии, лишенной всех отрад,
 И чистую любовь позвали бы назад;
 Когда бы, наконец, пусть не без тайной муки,
 Вы обрели свой взор хоть временной разлуке,—
 Поверьте, государь, будь страсть и впрямь сильна,
 Прикажут ей уйти — и скроется она!

Н е р о н

Я вам доверюсь, Бурр, среди войны кровавой,
 Где честь своих мечей поддержим мы со славой,—
 Равно средь той борьбы, где поле нам — сенат,
 И копы наших слов судьбу страны вершат:
 За вами здесь и там пойду, не рассуждая;

Но, Бурр, поверьте мне, у страсти — стать иная,
У ней иной закон — и было б ни к чему
Спускаться до нее суровому уму.
Иду! Я с Юнией расстался из-за спора...

Явление второе

Б у р р *(один)*

Свершилось, Бурр; Нерон себя проявит скоро;
Его жестокий дух лишь до поры был тих,
Он скоро вырвется из слабых уз твоих.
В каких неистовствах он может разрешиться!
К кому за помощью, о боги, обратиться?
Один лишь Сенека сумел бы мне помочь,
Но он, в неведеньи, из Рима отбыл прочь.
О, если бы к нему я матери участие
Мог вызвать!.. Вот она!.. ее приводит счастье.

Явление третье

А г р и п п и н а, Б у р р, А л ь б и н а

А г р и п п и н а

Что ж! не права ль я, Бурр, доверья вас лишив?
Вот — правда ваших дел, пускай язык ваш лжив!
Отослан прочь Паллант; он лишь за то наказан,
Что цезарь ваш ему престолом был обязан.
Вы это знаете; добился он один,
Чтоб волей Клавдия стал царствовать мой сын.
Но мало! Святость уз семейных оскверняя,
Супругу цезаря идет сменить другая;
А честный наш министр, враг лести и забав,
Кто призван был смирять Нерона пылкий нрав,

*

Потворствует и льстит, питая в юном друге
Презренье к матери и ненависть к супруге.

Б у р р

Таких упреков Бурр еще не заслужил.
Неизвинимых дел наш цезарь не свершил:
Он отворотить не мог Паллантово изгнание:
Давно тот заслужил за гордость воздаянье;
И цезарь лишь, скорбя, исполнил то, что двор
И римский весь народ решили с давних пор.
Все прочее — недуг, и есть ему леченье:
Слезам Октавии найдется облегченье.
Но укротите гнев. Тишайшим из путей
Супруга тотчас же воротите вы к ней:
Нерону угрожать, поверьте мне, опасно!

А г р и п п и н а

О, нет! Зажать мне рот стараются напрасно.
Мое молчание вам смелость придает.
И как вам уважать плоды моих забот?
Но не один Паллант стоит за Агриппину;
Иных отмстителей призвать я не премину.
Уж сыну Клавдия известна та вина,
Которую пред ним я искупить должна.
Так, решено! Его я выведу к солдатам,
В них жалость разожгу к его младым утратам.
Пора нам искупить преступные года!
Сын императора предстанет им тогда
И, дочью вождя Германика поддержан,
Потребует высот, с которых был низвержен.
И Энобарбов сын предстанет рядом с ним,
Совместно с Сенекой и с Бурром же самим,
Которых для него из ссылки призвала я,
И власть верховную которым отдала я.
Не поколеблюсь я казнить наш общий грех;

Пускай борьба за трон раскроется для всех.
 Чтоб ополчить народ на власть его и вашу,
 Я худшего стыда молчаньем не прикрашу;
 Все наши низости огласке я предам:
 Убийства, ссылки, яд...

Б у р р

Но кто поверит вам?

Себе и цезарю слепое обвиненье
 Невольно все сочтут за злое ухищренье.
 Царица, я ль не встал с мечом за вашу честь,
 К присяге армию не я ль сумел привести?
 Но злом не помяну борьбы минувшей славу,
 Затем, что сын отцу наследовал по праву.
 С тех пор как Клавдием усыновлен Нерон,
 Ваш сын с Британником правами уравнен.
 Рим мог его избрать! Так, на заре империй,
 Был славным Августом усыновлен Тиберий;
 Агриппа ж юноша, незаслуженно пав,
 Напрасно требовал возврата кровных прав.
 Нерона мощь крепка на твердом пьедестале,
 Хотя б своей рукой ее шатать вы стали;
 И если цезарь наш считается со мной,
 Он вскоре вас смягчит сердечной добротой.
 Я начал — и, клянусь, закончу начатое!

Явление четвертое

А г р и п п и н а, А л ь б и н а

А л ь б и н а

Куда вас завлекло неистовство слепое,
 О госпожа! Теперь все цезарь будет знать.

А г р и п п и н а

Ах, лишь бы он посмел очам моим предстать!

А л ь б и н а

Молю вас, госпожа, да стихнут скорбь и злоба!
 Ни брат и ни сестра того не стоят оба,
 Чтоб в жертву им отдать ваш царственный покой!
 Иль цезарь и в любви не смеет быть собой?

А г р и п п и н а

Как? Иль не видишь ты, в какую сеть нас ловят,
 Альбина? Это мне соперницу готовят!
 Коль роковую связь не устраню совсем,
 Я буду смещена и сделаюсь ничем.
 Пока Октавию венчал лишь титул звучный,
 Она для цезаря была женой докучной,
 Награды, почести дарила я одна,
 Я славой при дворе была окружена.
 Но нежность цезаря похитила другая,
 Власть милой и жены в руках соединяя;
 Величье цезарей, плод стольких злых скорбей,
 За мимолетный взгляд наградой будет ей.
 А мне?.. Иль стану я отвержена, гонима?..
 Альбина, даже мысль о том мне нестерпима!
 Я рисковала всем для сына моего...
 Неблагодарный он!.. Но вот и враг его...

Явление пятое

Б р и т а н н и к, А г р и п п и н а, Н а р ц и с с,
 А л ь б и н а

Б р и т а н н и к

Еще наш общий враг не одержал победы,
 Царица; есть сердца, что делят наши беды.
 Честнейшие друзья, — не знали мы о них! —
 Пока исходим мы здесь в жалобах пустых,

Питая правый гнев, неправдой разожженный,
Нарциссу вверили порыв свой возмущенный.
Еще неверной той не овладел Нерон,
Которой честь сестры приносит в жертву он.
Коль вы попрежнему за честь ее скорбите,
Теперь отступника вы к долгу возвратите.
Едва ль не весь сенат нас поддержать готов:
Пизон, Плавт, Сулла...

А г р и п п и н а

Принц, страшитесь ложных слов!
Как? Сулла, Плавт, Пизон, знатнейшие из знатных?

Б р и т а н н и к

Я вижу, что речей желали б вы обратных,
Что гнев ваш, госпожа, растерян и смущен,
Страхится сам того, к чему стремился он.
Нет! Я обязан вам надежнейшей опалой;
Во всех моих друзьях отваги нет ни малой.
Нет и самих друзей; старались вы о том,
Чтоб даже лучший друг мне сделался врагом.

А г р и п п и н а

Вас увлекает, принц, опасная отвага!
От разуменья лишь зависит наше благо.
Я обещала вам: на зло вражде людской,
Сумею совершить обещанное мной.
Не скрыться от меня преступному Нерону;
Он выслушает мать, и я в нем совесть трону;
Угрозой, лаской ли, я приступлю к нему.
А нет — Октавию я за руку возьму,
С ней обойду весь Рим, во все сердца посею
Сочувствие к слезам и ненависть к злодею.
Прощайте! Сыну я не уступлю игры.
А вы доверьтесь мне — и скройтесь до поры.

Явление шестое

Б р и т а н н и к , Н а р ц и с с

Б р и т а н н и к

Надеждами меня ты не прельстил ли ложно?
Вполне ль твоим словам довериться возможно,
Нарцисс?

Н а р ц и с с

О, да. Но, принц, не в стенах же дворца
Осмелюсь вам раскрыть всю тайну до конца.
Идем. Что ж медлить?

Б р и т а н н и к

Что же медлю я, о небо?

Увы!

Н а р ц и с с

Скажите все.

Б р и т а н н и к

Нарцисс, увидеть мне бы
В последний раз...

Н а р ц и с с

Кого?

Б р и т а н н и к

Краснею, но, поверь,
Хочу лишь подтвердить печаль своих потерь.

Н а р ц и с с

Ужели все ж ее готовы звать вы верной?

Б р и т а н н и к

Я звать ее готов злодейкой беспримерной!
Но, гневу вопреки, твердит душа моя,
Что меньше, чем бы мог, уверен в этом я.
Впотьмах блуждает ум, у сердца жизнь иная,—
Все силится понять, прощая, обожая.
Хочу в душевный мрак дорогу дать лучу,
Спокойно презирать изменницу хочу.
О! кто б поверить мог, что дух, высокий с виду,
С младенчества тая на лживый двор обиду,
Вдруг позабудет все, чем горд был до сих пор,
Коварством роковым смутивши самый двор?

Н а р ц и с с

А может быть, она, в своем уединеньи,
Давно замыслила дать цезарю сраженье?
Решив, что глаз своих ей все равно не скрыть,—
Заставить их искать хотела, может быть,
Чтоб цезаря верней пленить искусной лестью
Победы над ее непобедимой честью.

Б р и т а н н и к

Так видеться нельзя?

Н а р ц и с с

Мой принц, она сейчас
С другим возлюбленным... принять не может вас!

Б р и т а н н и к

Пусть так! Идем, Нарцисс. Но кто там? Не она ли?

Н а р ц и с с *(в сторону)*

О боги! К цезарю,— чтоб правды не узнали!

Явление седьмое

Ю н и я, Б р и т а н н и к

Ю н и я

Не подходите, принц, бегите прочь от зла,
 Что твердостью своей на вас я навлекла!
 Нерон в неистовстве! Ушла я незаметно,
 Пока там сына мать увещевает тщетно.
 Прощайте же! Молю, щадя мою любовь,
 Дождаться дней, когда мы будем вместе вновь.
 В душе своей ношу ваш образ неизменно.
 Там будет вечно он.

Б р и т а н н и к

Я слушаю смиренно;

Простора ищете вы прихотям своим,
 Мне ж следует бежать, чтоб дать дорогу им.
 Бесспорно, образ мой докучен вам немного,
 Вам в самой радости мерещится тревога.
 Что ж! Мне пора уйти...

Ю н и я

Хотите оскорбить...

Б р и т а н н и к

Ах, вы могли бы все ж хоть день повременить!
 Я не ропщу на то, что общее пристрастие
 Неразлучимо с тем, кого ласкает счастье;
 Что вы ослеплены величием при дворе;
 Что ищете его в ущерб моей сестре;
 Но что, пленяясь им, как всякая другая,
 Вы лгали мне; что блеск наружно презирая,
 Моим мученьям вы несли такой итог,—
 Нет, этого, клянусь, я ожидать не мог!
 Я видел всходы зла над собственным паденьем,

И небо вторило врагам моим с глумленьем;
Я думал, бед моих исчерпан весь запас,
Принцесса; но пришлось еще утратить вас.

Ю н и я

Будь лучше времена, я местию справедливой
Отмстила б вам за то, что я кажусь вам лживой:
Но вам грозит Нерон, и в час беды такой
Не омрачу вас, принц, обидою пустой!
Разубедитесь же и всё поймите сами:
В ту встречу сам Нерон тайком следил за нами.

Б р и т а н н и к

Возможно ли! Нерон...

Ю н и я

Наш слушал разговор.
Он к моему лицу приковывал свой взор,
Готовый обратить на вас всю ярость мщенья
За каждый взгляд иль жест, знак нашего сближенья.

Б р и т а н н и к

Пусть слушал нас Нерон, принцесса! Но — увы! —
Когда бы, лгав ему, меня щадили вы, —
Я мог бы угадать в том происки злодея.
Любовь не ищет слов, все выразить умея.
Ваш взгляд, один ваш взгляд надежду мог мне дать,
Могли б вы...

Ю н и я

Лишь одно: спасти вас и молчать!
Как много раз, — увы! — коль все сказать должна я, —
Дрожала я за вас, открыться вам желая.
Как робко прятала я вздохи мук своих
И, ваших глаз ища, бежала прочь от них!

Как тягостно молчать наедине с желанным,
 Самой его казнить сомнением непрестанным,
 Когда один лишь взгляд все счастье мог сберечь!
 Но и слезам тот взгляд велел бы долго течь!
 Ах! Тайно трепеща от страсти незабытой,
 Себя не смела я считать надежно скрытой:
 Тоскующий мой взгляд был вечно начеку,—
 Казалось, бледностью предаю мою тоску.
 Ждала я, что Нерон, глумясь над ложью тщетной
 Вам пожелает мстить за трепет мой запретный,
 Страшилась, что любовь прорвется из сердец,
 И вовсе не любить хотела б, наконец!
 Ах! К счастью своему и к нашему, быть может,
 Он не постиг огня, что наши души гложет!
 Терпение, мой принц, пускай не видят нас,
 А больше от меня не требуйте сейчас!
 Позднее много тайн поверить вам должна я.

Б р и т а н н и к

О, верю, верю я! Какая весть благая!
 Как вы чисты и как тяжка моя вина!
 Как много горьких бед для вас несет она
 (*Падал к ногам Юнии*)

Когда у ваших ног раскаюсь со слезами?

Ю н и я

Что делаете вы? Соперник рядом с вами!

Явление восьмое

Н е р о н, Б р и т а н н и к, Ю н и я

Н е р о н

Так! Продолжайте, принц, прекрасный свой порыв!
 На ваши милости ответ его не лжив,

Принцесса! Юноша благодарил вас страстно:
Меня благодарить он тоже б мог всечасно,—
Ведь вас я лишь затем посмел сюда завлечь,
Чтоб облегчить ему возможность нежных встреч.

Б р и т а н н и к

К ее ногам несу я радость и тревоги
Повсюду, где свести нас пожелают боги.
А этот ваш дворец, вся эта западня
Не могут ни смутить, ни удивить меня!

Н е р о н

Иль камни этих стен не всех тут научили
Покорно чтить меня и покоряться силе?

Б р и т а н н и к

Нет, камни этих стен не могут научить
Вас — мною помыкать, меня ж — пред вами льстить!
Им ведомо, кто я и чьим родился сыном.
Позор, что надо мной Домиций — господином!

Н е р о н

Так нашей гордости преграду ставит рок:
Тогда смирялся я; смиритесь вы в свой срок!
А если бунтовать хотите безрассудно,
Вы молоды еще, вас вразумить нетрудно!

Б р и т а н н и к

Кто ж вразумит меня?

Н е р о н

Империя, закон,

Рим.

Б р и т а н н и к

Но при чем тут Рим? Иль дал вам право он
На эти низости, достойные презренья:
Насильственный развод, аресты, похищенье?

Н е р о н

Нет, любопытный глаз не простирает Рим
К секретнейшим делам и тайникам моим.
Учитесь у него!

Б р и т а н н и к

Он бед утратил меру.

Н е р о н

И все же он молчит: последуйте примеру!

Б р и т а н н и к

Так начал сбрасывать уаду с себя Нерон?

Н е р о н

Нерон бесстыдными речами утомлен.

Б р и т а н н и к

И все должны хвалить владычество благое?

Н е р о н

Мне нужен лишь их страх,— неважно остальное!

Б р и т а н н и к

Иль Юния уже не та, — иль нрав такой
Не может никогда владеть ее душой!

Н е р о н

Пусть так! Я не берусь лить слезы перед нею,
Зато я обуздать соперника сумею!

Б р и т а н н и к

Какая б участь мне была ни суждена,
Ее немилость мне была б одна страшна!

Н е р о н

Добудьте же ее — вот все, что вам скажу я!

Б р и т а н н и к

Быть милым ей — вот все, чего ищу, тоскуя!

Н е р о н

У вас — ее обет, ей мил ваш юный пыл.

Б р и т а н н и к

По крайней мере, лгать ее я не учил:
К притворству девушку не принуждал я вздорно
И, чтоб зажать ей рот, не прятался позорно!

Н е р о н

Довольно! Стража!

Ю н и я

О, что делаете вы?
Ведь это брат... Он слеп от ревности, увы!
Молю вас, государь! иль мало он несчастен,
Что даже и в любви счастливым быть не властен?
Дозвольте ж, уравнив печалью вас вполне,
От вас и от него навеки скрыться мне.
Уход мой усыпит огонь вражды меж вами;
Весталкой, государь, окончу век свой в храме.
Несчастный наш союз простите вы ему;
Отныне я верна лишь небу одному.

Н е р о н

И в этом, как во всем, одно притворство злое!
Принцессу, стражники, замкнуть в ее покое!
Британник у сестры пусть будет заключен!

Б р и т а н н и к

Так силой взять любовь пытается Нерон!

Ю н и я

Одна покорность, принц, нам принесет спасенье!

Н е р о н

Немедля, стражники, исполнить повеленье!

Явление девятое

Н е р о н, Б у р р

Б у р р

О небо!

Н е р о н *(не видя Бурра)*

Встреча здесь их вдвое разожгла;
Я руку узнаю, что их теперь свела.
Я Агриппиной вновь осмеян и повержен.
Так долго ею был я лишь затем удержан,
Чтоб низкая игра здесь длилась до конца.

(Заметив Бурра)

Еще не вышла мать из моего дворца?
Замкните двери, Бурр, засовами глухими
И стражников ее смените вы моими.

Б у р р

Возможно ль, цезарь? Мать? Не выслушав?

Н е р о н

Ну, нет!

Остерегитесь, Бурр, вот добрый вам совет!
Уже который день любое приказанье
Встречает в вас судью, родит непослушанье.
От вас ответа жду, а будете молчать —
Я спрошу других про Бурра и про мать.



ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Агриппина, Бурр

Бурр

Да, защитить себя вы сможете свободно:
Нерону самому вас выслушать угодно.
Быть может, лишь затем и удержал он вас,
Чтоб с вами, госпожа, увидеться тотчас.
Но вам — простите вновь свободное суждение! —
Не должно цезаря корить за оскорбленье;
Готовьтесь, госпожа, виновного обнять:
В защите вы вольны; но бойтесь обвинять!
Двор приучен глядеть на все его глазами.
Пускай Нерон ваш сын, пусть коронован вами, —
Он император ваш, и власть его сильна,
Хоть вами ж эта власть была ему дана.
Немилостив ли он иль с вами ласков снова, —
Толпа ласкать и гнать вослед ему готова.
Не вы ей надобны, — он, он один, во всем!
А вот и государь...

Агриппина

Оставьте нас вдвоем!

Явление второе

Н е р о н, А г р и п п и н а

А г р и п п и н а (*садясь*)

Извольте сесть, Нерон, и слушать, что скажу я.
Повинной ждете вы, свиданье мне даруя.
Не знаю, в чем меня могли оклеветать:
Я все свои вины вам поспешу назвать.
Вы заняли престол: вы с детства знали сами,
Какая цепь преград лежит меж ним и вами.
Права моих отцов, возвысившие дочь,
Без помощи моей вам не могли б помочь.
Когда судили мать Британника сурово
И Клавдий ей вернул супружеское слово,—
Немало девушек искало глаз его,
Придворных, даже слуг, склонив на сватовство.
Я стала в общий ряд, лишь одного желая:
Вам передать тот трон, который обрела я.
Я гордость бросила,— Паллант мне сватом стал,
И Клавдий глаз моих зовущий блеск узнал:
Племянницу свою лаская непрестанно,
От нежности к любви он перешел нежданно.
Но Рим мог заклеймить преступным наш союз:
Разъединяли нас запреты кровных уз.
Я не могла бы стать женой отцова брата.
Но, щедро купленный, привел указ сената
В постель мне цезаря, а Рим — к моим ногам.
Все было мне дано, и ни толики — вам.
В семействе Клавдия родным вы скоро стали;
Дочь цезаря за вас просватала не я ли?
Силан, ее жених, был с нею разлучен,
И кровью оплатил свое паденье он.
Но мало этого! Кто б ждал от властелина,
Что даст он зятю власть, лишая власти сына?

*

Вновь помощь я нашла в Паллантовых речах:
Вас Клавдий уравнил с Британником в правах,
Нероном вас назвал и произнес решение
До срока вам вручить права на соправленье.
Отныне цель моя для всех была ясна
И многих трепетать заставила она.
Про скорбь Британника, про будущие беды
Среди друзей отца затеялись беседы.
Я обещаньями задобрила одних;
Изгнанье навлекла на самых заклятых;
Сам Клавдий, вняв словам моих немолчных жалоб,
Отторг от сына тех, чья верность пожелала б,
О жребии его печась как о своем,
Вернуть его на трон извилистым путем.
Я больше сделала: друзей, вожатых ложных
Нашла я для него среди слуг своих надежных.
А вам, верна себе, но с умыслом иным,
Дала наставников, которых чтит весь Рим:
Я мудрость избрала, тщеславье отстраняя;
Вернула я из войск, из ссылки призвала я
Тех самых Сенеку и Бурра, кто потом...
Но Рим их чтит тогда, и я ввела их в дом!
Не пощадив казны дворцового подвала,
Я вашим именем щедроты рассыпала.
Приманки зрелищ, игр, подарков и наград
К вам привлекли сердца народа и солдат,
Чья память, верная Германика победам,
Во внуке молодом гордилась славным дедом.
Меж тем к закату шел Британника отец.
От долгой слепоты прозрел он наконец —
Ошибку понял он. И, сетуя о сыне,
Вдруг разомкнул уста, молчавшие донине,
Хотел созвать друзей, — напрасно! поздний страх:
Дворец, войска, альков держала я в руках.
Его последний вздох от всех оберегая,
Отцовской нежности расцвести в нем не дала я,

Стеной своих забот сокрыв его вполне
От сына, что рыдал безвестно в стороне.
Он умер. Каждый мог предать меня бесчестью.
Не стала я смущать сердца внезапной вестью;
И вот меж тем как Бурр, желанной цели рад,
Вам тайно присягнуть заставил всех солдат,
И я, его рукой, вас близила к победам,
Конец властителя здесь в Риме был неведом:
Курились алтари, и, Клавдию верна,
О здравьи мертвеца молилась вся страна:
Но укрепив свой трон признаньем легионов,
Вы возвратились в Рим вершителем законов,
И должен был народ узнать двойную весть:
Оплакать Клавдия — Нерона превознесть.
Вот исповедь во всем, свершенном мной когда-то,
Вот все мои грехи! А вот за них расплата:
Всего полгода лишь, став баловнем в стране,
Вы благодарностью платить умели мне;
Потом, утомлены стеснительным вниманьем,
Вы предпочли платить мне дерзким непризнаньем.
А Сенека и Бурр щадили тот порок,
Давая, что ни день, вам низости урок,
Хвалясь, что их самих в науке превзошли вы.
Но верно и они еще не слишком лживы,—
Отон, Сенецион вам стали ближе тех,
Пособники бесчинств и низменных утех.
Когда же, возроптав на ваши козни злые,
Обидчика на суд я призвала впервые
(Злодей вдвойне жесток, раз совесть смущена!),—
Я цезарем была вдвойне оскорблена.
Но мало! Юнию помолвив с вашим братом,
Я обещала им поддержку пред сенатом.
Что ж делаете вы? В тюрьму заключена,
В вас пагубную страсть рождает вдруг она.
И вот в одну лишь ночь Октавия забыта,
Скрепленный мной союз ей больше не защита;

Отослан прочь Паллант, Британник заключен;
 Простерт и на меня преступный ваш закон, —
 Бурр дерзко предо мной велел замкнуть ворота.
 А вы, кто виноват в предательствах без счета,
 Забыв, что долг ваш в том, чтоб оправдаться в них, —
 Вы ждете от меня признанья вин моих.

Н е р о н

Я не забыл, что власть была дана мне вами.
 Не тяготя мой слух ненужными словами,
 Могли б спокойно вы, без вздохов и скорбей,
 Вкушать плоды любви и верности моей.
 Но ваша неприязнь и этот вечный ропот
 Невольно при дворе родит упорный шопот
 О том (я все скажу — друг другу мы не льстим),
 Что о себе пеклись вы именем моим.
 «Ужели, — шепчут здесь, — всем царственным почетом
 Еще не отдан долг былым ее заботам?
 В чем провинился сын? За что он осужден?
 На то ль, чтоб угождать, был коронован он?
 Опять она царит; он — лишь наместник новый?»
 И вправду, до сих пор, вам угождать готовый,
 Я честь свою и власть вам уступить был рад.
 Нетрудно было б мне отдать их вам назад.
 Но мужественный Рим не хочет женской власти.
 Пока я робок был, здесь бушевали страсти:
 Сенат и весь народ, вдвойне возмущены,
 Что в образе моем вас чтить они должны,
 Кричали про меня, что Клавдий, вам послушный,
 Мне с властью завещал и нрав свой простодушный.
 Когда у ваших ног склонялся лес значков,
 Вы слышали не раз мятежный гул полков:
 Роптали воины, напрасно удостоив
 Вас этим зрелищем простертых ниц героев.
 Другая женщина была б не так горда:
 У вас же — или власть, иль слезы без стыда!

Теперь, Британника одушевив на мщенье,
Вы Юнию ему даете в подкрепленье
И снова ткете сеть Паллантовой рукой.
Когда ж я принужден свой оберечь покой,—
От ярости себя не помните вы сами,
Грозя Британника явить перед войсками.
Уже до лагерей донесся шум молвы.

А г р и п п и н а

Я? За него? Злодей! Могли поверить вы?
Чего достигла б я, вас на него сменяя?
Чем стал бы мой удел? Чего бы ждать могла я?
Ах, если и меня наветчик не щадит,
Раз взор доносчиков и здесь за мной следит,
Раз нет и здесь оград от их наветов черных,—
Что ж случилось бы со мной в толпе чужих придворных?
Судили б там меня не за бессильный гнев,
Что в сердце умирал, родиться не успев,
Но за мои вины пред всеми ради сына.
Их искупила бы сторицей Агриппина!
Я разгадала вас, мне ваша лесть чужда:
Вы нерадивый сын, вы были им всегда;
Когда вас, отрока, я пестовала нежно,
В ответ был поцелуй, заученный прилежно.
Все было вам равно, все жесточал ваш нрав,
Самой моей любви преградой вечно став.
О, как несчастна я! Какая участь злая:
Заботливо любить, заботой докучая!
Сын у меня один: о небо, знаешь ты,
О ком, как не о нем, мой плач, мои мечты?
Опасность, совесть, страх меня не удержали,
Я подавила гнев; от будущей печали
Непостижимый рок глаза мои отвел;
Я сделала свое: вы заняли престол.
К свободе, что теперь я под замком оплачу,
Вы можете отнять и жизнь мою впридачу.

Но бойтесь, чтоб народ, оплакав мой конец,
С вас вскоре не сорвал надетый мной венец.

Н е р о н

Чего ж хотите вы? Что должно мне исправить?

А г р и п п и н а

Моих обидчиков раскаяться заставить,
Отчаянье и гнев Британника унять,
На выбор Юнии цепей не налагать,
Чтоб с ними и Паллант был возвратиться волен,
Чтоб доступ к цезарю всегда мне был дозволен,

(замечая Бурра в глубине сцены)

Чтоб этот самый Бурр, кто слышит нашу речь,
У входа в ваш покой не смел меня стеречь.

Н е р о н

Готов я тотчас же, с настойчивым стараньем,
Заверить вашу мощь безмерным послушаньем;
И я благодарю счастливый наш разлад
За то, что прежний мир он нам вручил назад.
Что б ни свершил Паллант, я все забыть согласен;
Британнику мой гнев отныне не опасен;
Что ж до моей любви, разъединившей всех,
Рассудите вы нас и в этом без помех.
Порадуйте друзей моих благим решеньем.
Покорность, стражники, царицыным вельням!

Явление третье

Н е р о н, Б у р р

Б у р р

Как долгожданный миг и нежный ваш порыв
Мой утешает взор, как сердцем я счастлив!

Мое вниманье к ней вам, государь, не ново.
Сказал ли я хоть раз порочащее слово,
Ее неправый гнев способное навлечь?

Н е р о н

Я вас недавно, Бурр, пытался остеречь:
Считал, что вы не друг, раз заодно с врагами.
Но неприязнь ее опять роднит нас с вами,
И матери моей поспешно торжество:
Я обниму врага, чтоб задушить его!

Б у р р

Как, государь?

Н е р о н

Пора! Его уничтожая,
От материнских пут избавлюсь навсегда я:
Я не могу дышать, пока здесь дышит он.
Я самым именем проклятым утомлен;
И я не допущу, чтоб с дерзостью обычной,
Он на моем пути помехой стал вторичной.

Б у р р

Ужель Британник впрямь на гибель осужден?

Н е р о н

Еще мне до ночи не будет страшен он!

Б у р р

И кто же вам внушил кровавое желанье?

Н е р о н

Моя любовь, мой страх, мой долг, мое дыханье!

Б у р р

Нет, страшный приговор, что здесь произнесен,
Не в вашей он груди, о государь, рожден!

Н е р о н

Бурр!

Б у р р

Небо! С ваших уст ужель он мог сорваться?
Ваш голос, самый слух — его ль не устрашится?
Подумайте, чью кровь хотите вы пролить?
Ужель во всех сердцах устали вы царить?
Ужель клеветники судить вас будут в праве?

Н е р о н

Как! Вечно пригвожден к своей минувшей славе,
Я должен век дрожать за чью-то там любовь,
Что случай нам дарит и отнимает вновь?
Служа мечтам друзей, с моими несродненным,
Затем ли правлю я, чтоб стать их подчиненным?

Б у р р

А разве, государь, вы помнить не должны,
Что вы ответственны за благо всей страны?
Судьба у вас в руках — вы сами выбрать в праве:
Кто в славе начинал, тот может кончить в славе.
Нет никаких преград на царственном пути,—
Дорогой доблести вы можете идти.
Но стоит вам лишь внять коварству наущений,
Вы будете нестись дорогой преступлений,
Злом новым подкреплять то зло, что свершено,
И кровью же смывать кровавое пятно.
Конец Британника пробудит злое рвенье
Во всех его друзьях и бросит их на мщенье.
У мстителей его отыщутся друзья,
Другие сменят их, все тот же гнев тая:
Так будет век пылать огонь вражды пред вами!

Став страхом всей земли, вы устраситесь сами.
Придется вам карать и, трепеща измен,
Выслеживать врагов среди дворцовых стен.
Иль юный опыт ваш, счастливый и беспечный,
Учил вас не ценить невинности сердечной?
Ужель забыли вы, как мирно он протек,
Какое счастье вам сулил его урок?
Как часто, государь, себе сказать могли вы:
«Я всеми нежно чтим, и все кругом счастливы;
Квириты не бегут при имени моем;
Пред небом на меня не плачутся тайком;
Глухая неприязнь в них не растет незримо;
Ко мне летят сердца, когда иду я мимо!»
О боги! Вдруг забыть святые те года!
Презреннейшую кровь щадили вы тогда!
Однажды к смерти был приговорен виновный;
Сенат вас принуждал скрепить приказ верховный;
Я помню, государь, как был ваш дух смущен,
Как опечалил вас карающий закон,
Как, медля подписать тот приговор злодею,
«Зачем, — вздыхали вы, — я грамотой владею!»
Нет, цезарь будет чист, иль смерть спасет меня
От зрелища и мук несправедного дня:
Не стало б сил скорбеть над вашей падшей славой.
Когда б решились вы на этот шаг кровавый,

(падает к ногам Нерона)

Готов я, государь! Не медлите, тотчас
Пронзите сердце мне, так верившее в вас,
Иль призовите их, кто вас растлил впервые,
На Буре испытать кинжалы подкупные!..
Но ропотом моим растроган цезарь сам:
Нет, он все так же добр, нет, он не глух к слезам!
Откройте, государь, мгновенья не теряя,
Кто дал вам злой совет и чья тут воля злая.
Британника позвав, обнять его спеша...

Н е р о н

Нет, нет, не в силах я...

Б у р р

Не злая в нем душа,
Мой государь; как вы, он обойден врагами.
В его покорности вы убедитесь сами.
Бегу! Утороплю миг радости такой!

Н е р о н

Британника позвав, пройдите в мой покой.

Явление четвертое

Н е р о н, Н а р ц и с с

Н а р ц и с с

Все, государь, спешит на помощь смерти правой.
Локуста славная снабдила нас отравой;
Она была вдвойне услужлива со мной:
Я видел смерть раба от капли смеси той.
Не легче срезать жизнь железом заостренным,
Чем новым снадобьем, секретно мне врученным.

Н е р о н

Благодарю, Нарцисс, оставьте этот яд.
Мы дальше не пойдем, скорей пойдем назад!

Н а р ц и с с

Как, государь! Врага в Британнике не чую,
Вы снова...

Н е р о н

Да, Нарцисс, мириться с ним хочу я!

Н а р ц и с с

В противном убеждать я не посмел бы вас,
О цезарь! Но — увы! — под стражей он сейчас.
Он век вам не простит такого оскорбления.
Года не утаят и тени преступления:
Узнает он про яд, что в дни вражды былой
Ему хотели вы поднести моей рукой,
И, дерзкий, может быть, — да защитят нас боги!—
Решится в свой черед вас устранить с дороги.

Н е р о н

Над сердцем мы властны. Мое укрощено!

Н а р ц и с с

Ужель и Юнию забыло вдруг оно?
Как! Высшую из жертв ему принести могли вы?

Н е р о н

Кто вам сказал? Но все ж слова мои не лживы:
Среди своих врагов не числю я его.

Н а р ц и с с

Так, Агриппины мне понятно торжество:
Ей удалось вернуть былую власть над вами.

Н е р о н

Так говорит она? Иль вы решили сами?

Н а р ц и с с

Здесь только что при всех хвалилась в том она.

Н е р о н

В чем?

Н а р ц и с с

В том, что цезаря смирять она вольна;
 Что весь его порыв, весь гнев его безмерный
 Сменились в миг один покорностью примерной;
 Что предложил ей мир готовно цезарь сам,
 Счастлив, что низошла к живым его мольбам.

Н е р о н

Как поступить, Нарцисс? Решить я не умею!
 Мой гнев меня зовет свести все счета с нею;
 Послушай я его, за дерзость этих слов
 Ей долголетний мрак возмездия готов.
 Но разнесется слух по всем окрестным странам.
 Иль хочешь, чтоб народ прозвал меня тираном
 И, титулов лишен, что присудил мне Рим,
 Я отравителем явился перед ним?
 Мне месть моя была б тягчайшим приговором.

Н а р ц и с с

Считаться ль, государь, с хвалой их и с укором?
 Не предпочли ли б вы, чтоб весь народ был нем?
 Не знать ли вам цены речам ничтожным тем?
 Иль собственной души желанна вам потеря,
 И цезарь должен жить, своим мечтам не веря?
 Но римлян, государь, вы разгадать должны:
 Нет, нет! Их языки совсем не так вольны!
 Держите их в узде, — они трусливо-злобны, —
 Не то они взомнят, что страх внушать способны.
 О, да, они к ярму приучены в веках!
 Им по сердцу рука, что держит их в цепях.
 Удел их — угождать правителям верховным:
 Тиберий помыкал смиреньем их готовным.
 Я сам, от Клавдия приняв на время власть,
 Был вынужден теснить, чтоб самому не пасть.

Не раз в те дни, когда я при дворе был в силе,
 Терпенье их пытал, и всё они сносили!
 Вам отравителем прослыть у них невмочь?
 Убейте брата вы, сестру ушлите прочь:
 На лживых алтарях сжигая тук обильный,
 Рим их же проклянет от слепоты бессильной,
 Вам скажет, что в веках отмечен злой судьбой
 Тот день, когда на свет явились брат с сестрой.

Н е р о н

Пусть ты и прав, Нарцисс; но до поры — молчанье!
 Я Бурру обещал, он вырвал обещанье.
 Еще я не хочу, предав его тотчас,
 Дать доблести его оружие против нас.
 Его простым речам противлюсь я напрасно,
 И сердце им внимать не может безучастно.

Н а р ц и с с

У Бурра, государь, язык не слишком прям:
 Он ловкой доблестью польстить умеет вам.
 Но мысль у всех одна, и с ними Бурр согласен:
 Разлад с Британником для мощи их опасен.
 Им может страшен стать лишенный пут Нерон;
 Державным гордецам пришлось бы чтить ваш трон.
 Как! Дерзкий шопот их еще ли не уликой?
 «Нерон, — они твердят, — не создан быть владыкой:
 Он в мыслях и делах идет чужим путем,
 В нем сердцем правит Бурр, а Сенека — умом.
 В чем доблести его? В чем царственное дело?
 Лишь на ристалищах носиться неумело,
 Искать пустых наград, ничтожнейших утех;
 Лишь делать из себя посмешище для всех;
 Свой голос расточать на шумном балагане,
 Скандировать стихи, успех купив заране,

Меж тем как изредка солдатская рука
Сорвет для цезаря два-три скупых хлопка!»
Ах! разве кто уймет змеиное шипенье?

Н е р о н

Иди за мной, Нарцисс: пора принять решение!



ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Б р и т а н н и к , Ю н и я

Б р и т а н н и к

Кто мог бы ожидать, о Юния! Нерон
Готов меня обнять, к нему я приглашен.
Знатнейших сверстников поспешно созывая,
Он хочет, чтоб в пиру веселость молодая
Всю верность наших клятв раскрыла их глазам,
Внушив беспечный жар объятьям и речам.
Он страсть преодолел, им ненависть забыта.
Вы сами мне судья, ваш выбор—мне защита.
Пускай лишился я наследственных высот,
Пускай венцом отцов чело он обовьет!
С тех пор как, овладев своим желаньем мнимым,
Готов он уступить мне право быть любимым,
Я сердцем, признаюсь, горю его простить
И сам ему готов все царства уступить!
Как! Нежный образ ваш не удален затвором?
Как! Даже в этот миг я упиваюсь взором,
Что не могли смутить ни лесть, ни западня,
Что даже цезарю мог предпочесть меня?
Ах, Юния!.. Ужель боязнь печалей новых,
Туманя мой восторг, все держит вас в оковах!
Зачем, в ответ любви, ваш взор, ваш скорбный взор

Вздывает к небесам настойчивый укор?
Чего страшитесь вы?

Ю н и я

Опасности минули,—

Страх жив.

Б р и т а н н и к

Вы любите?

Ю н и я

О горе! Я люблю ли!

Б р и т а н н и к

Блаженство наконец нам подарил Нерон.

Ю н и я

Кто поручится вам, что искренен был он?

Б р и т а н н и к

Как! Думаете вы, все та ж в нем воля злая?

Ю н и я

Он клялся мне в любви, вам гибели желая!
Вдруг милы вы, не я! Чтоб так сломить его,
Ужель достаточно мгновенья одного?

Б р и т а н н и к

Упорство цезаря сломила Агрипина:
Она меня спасла, чтобы спастись от сына.
Пока ревнивый дух еще в нем не угас,
Все злейшие враги сражаются за нас.
Могу ль не верить я ее слезам счастливым?
Иль Бурру? Сам Нерон не кажется мне лживым;
Привык он, как и я, всем сердцем на виду,
Открыто враждовать, иль прекращать вражду.

Ю н и я

Принц! Чтоб судить о нем, вы слишком благородны;
Дороги и шаги во всем у вас несходны.
Я цезаря и двор впервые узнаю:
Но как здесь глубоко скрывают мысль свою,
Как далеко — увы! — от этой мысли слово!
Как сердце и уста разобщены сурово!
Как здесь клеймят друзей, доверьем их маня!
Как здесь враждебен кров для вас и для меня!

Б р и т а н н и к

Но будь наш добрый мир мгновенен иль всегдашен,
Будь страшен вам Нерон, — ужель он сам бесстрашен?
Нет, нет, он на обман преступно не пойдет,
Страшась ожесточить сенат и весь народ.
Что говорю! Его наш краткий плен тревожит;
В нем совесть смущена — Нарцисс заверить может.
Ах, Юния! Когда б он вам поведал сам...

Ю н и я

А сам Нарцисс, мой принц, вполне ли верен вам?

Б р и т а н н и к

Но почему б он стал повинен в клятве ложной?

Ю н и я

Как знать? Ведь речь идет о гибели возможной!
Здесь страшно! Воздух здесь изменой напоен.—
Меня страшит судьба, меня страшит Нерон!
Предчувствием душа омрачена невольно.
О, принц мой, от себя вас оторвать ей больно!
Что если этот мир, столь благостный на вид,
Предательство и ложь внутри себя таит?
И цезарь, не простив нам нежного сближенья,
Призвал ночную тьму в сообщницы для мщенья?

•

И смерть готовят вам, пока вы здесь со мной?
И я в последний раз касаюсь вас рукой?
Ах, принц!

Б р и т а н н и к

Вы плачете! Любимая, ужели?
Всем сердцем разделить вы жребий мой сумели?
Как! В день, когда Нерон, гордясь двором своим,
Хотел вас ослепить величием показным,
Средь стен, где он царит, а я — лишь раб опальный,
Отвергнув царский блеск, избрать мой рок печальный?
Как! В тот же самый день, средь тех же самых стен
Прочь отстранить престол и слезы взять взамен?
Но драгоценных слез не расточайте даром;
Их вскоре мой возврат осушит с прежним жаром.
Подумать могут там, что слишком медлю я.
Прощайте же! Любовь в груди своей тая,
Средь юности слепой, весельем обуянной,
Я в мыслях буду здесь, близ Юнии желанной.
Прощайте!

Ю н и я

Принц...

Б р и т а н н и к

Пора, принцесса, цезарь ждет!

Ю н и я

Побудьте здесь, пока за вами он придет!

Явление второе

А г р и п п и н а, Б р и т а н н и к, Ю н и я

А г р и п п и н а

Чего вы медлите? Принц, отправляйтесь живо!
Растроганный Нерон вас ждет нетерпеливо.

Все созванные им лишь одного хотят:
Чтоб разгорелся пир и брата обнял брат.
Идите; надо чтить достойные порывы.
Принцесса, посетить Октавию должны вы!

Б р и т а н н и к

Утештесь, Юния, и с радостной душой
Обнять мою сестру спешите к ней в покой.
И я, оставив пир, туда ж приду, ликуя,
И благодарность вам, царица, принесу я.

Явление третье

А г р и п п и н а, Ю н и я

А г р и п п и н а

Иль обманулась я, иль в час разлуки с ним,
Принцесса, был не раз ваш взор слезой мрачим.
Что за тревога вас томила столь сурово?
Иль не скрепило мир одно мое лишь слово?

Ю н и я

Мне стоил этот день тревог и мук таких,
Что быстро из души мне не изгладить их.
Могу ль свою судьбу покорно вверить чуду?
Здесь вашей доброты преград немало всюду.
Царица, здесь живет изменчивость в сердцах,
А там, где есть любовь, с ней неразлучен страх.

А г р и п п и н а

Я слово молвила, все стало по-иному.
Не предавайтесь впредь отчаянью пустому.
Недаром был наш мир объятьями скреплен;
Незыблемость его заверил мне Нерон.
Ах! Как он нежен был и ласками какими

Умел торжествовать над страхами моими!
 Как пылко он меня кидался обнимать!
 Казалось, рук своих не в силах он разнять!
 С сердечной добротой, во всем лице разлитой,
 Сперва он поверял мне каждый вздох свой скрытый,
 Младенцем стал он вновь, и, гордость позабыв,
 Принес ко мне на грудь свободный свой порыв.
 Потом, вернув лицу суровость властелина,
 Что выполнить готов долг царственного сына,
 Спешил он мне раскрыть с высокой прямою
 Те тайны, что вершат судьбу земли родной.
 Нет, к чести цезаря признать теперь должна я,
 Что простоте его чужда коварность злая,
 И лишь навет врагов, нас всех оклеветав,
 Сумел ожесточить его открытый нрав.
 Но прежней мощи их уж больше нет в помине;
 Рим не посмеет впредь перечить Агриппине.
 Мой возрожденный блеск он обожать готов.
 Но для чего здесь ждать полуночных часов?
 Пройдем к Октавии, с ней кончим без печали
 Счастливым этот день, несчастнейший вначале.
 Но что за смутный шум! Что всколыхнуло тишь?
 Что там?

Ю н и я

О небо! Ты Британника хранишь!

Явление четвертое

А г р и п п и н а, Ю н и я, Б у р р

А г р и п п и н а

Остановитесь, Бурр! Куда? Что означает...

Б у р р

Свершилось, госпожа, — Британник умирает!

Ю н и я

Принц!

А г р и п п и н а

Умирает?

Б у р р

Да, коль уж не умер он!

Ю н и я

О государыня, весь дух мой потрясен,—
Спасу Британника иль вместе с ним умру я!

Явление пятое

А г р и п п и н а, Б у р р

А г р и п п и н а

Так он убийца, Бурр!

Б у р р

Удара не снесу я,
Нерон и этот двор навеки заклеюмен.

А г р и п п и н а

Как! Брата кровь пролить не устрасился он?

Б у р р

Смертельная игра коварней протекала!
Едва несчастный брат встал на пороге зала,
Нерон к нему идет; объятья, тишина.
И чашу он велит напенить до полна:
«Чтоб взоры звезд благих склонить на судьбы наши,
Хочу возлить в их честь первины этой чаши!—

Он восклицает: — Вы! здесь призванные мной,
 О, ниспошлите мир на наш союз благой!»
 Британник тем словам вверяется вслепую.
 Вот чашу он берет, Нарциссом налитую,
 Но губы омочить лишь успеваает в ней,—
 Царица, острый меч едва ль разит верней!—
 Мгновенно гаснет свет в его широком взоре,
 На ложе он простерт, с жестокой смертью в споре.
 Никто не мог в тот миг смятенья превозмочь.
 С угрозой на устах одни стремятся прочь;
 Кто ж боле изощрен в обычае придворном,—
 Те государю льстят спокойствием притворным.
 А цезарь привстает на ложе не спеша.
 Казалось в нем одном не смятена душа:
 «Утешьтесь,— говорит,— то лишь болезнь пустая:
 Падучей болен принц, от юных лет страдаая».
 Нарцисс торжествовал; притворно огорчен,
 Преступной радости не в силах скрыть был он.
 А я, не устрась ни толков, ни расплаты,
 Сквозь низкую толпу пробился из палаты
 И скрыть не в силах слез, обидой злой томим,
 За принца бедного, за цезаря и Рим.

А г р и п п и н а

Вот он! Я научу вас доверять мне снова.

Явление шестое

А г р и п п и н а, Н е р о н, Б у р р, Н а р ц и с с

Н е р о н (*видя Агриппину*)

О боги!

А г р и п п и н а

Стойте здесь. Я вам скажу два слова:
 Нерон! Британник мертв, но судьи не мертвы.
 Убийцу знаю я.

Н е р о н

Кто ж он, царица?

А г р и п п и н а

Вы!

Н е р о н

Я! Ваша неприязнь становится опасна!
Итак, к любой беде моя рука причастна?
Кто вашим обо мне доверится речам,
Услышит, будто мной убит и Клавдий сам.
Британник был вам друг, ваш ужас мне понятен,
Но не в ответе я за то, что рок превратен.

А г р и п п и н а

О, нет! Несчастный принц был ядом умерщвлен:
Нарцисс нанес удар, но дал приказ Нерон!

Н е р о н

Царица!.. Впрочем, уст не оскорблю ответом.

Н а р ц и с с

Но что ж вас, государь, гневит в упреке этом?
Британник, госпожа, был полон воли злой,
Которая и вам грозить могла порой:
Он к браку с Юнией стремился лишь с расчетом
Жестоко отомстить царицыным заботам.
Вы обманулись в нем: скрывая в сердце месть,
Со всеми он мечтал былые счесть свести.
Пусть рок вас удручил, о вас самой радея;
Пусть даже, разгадав все происки злодея,
Спасительный удар мне вверил цезарь сам,—
Пристало, госпожа, скорбеть о том врагам:
Пускай мятежный принц оплакан будет ими,
Вы ж...

А г р и п п и н а

Продолжай, Нерон! С министрами такими
 Оставишь по себе ты славный в мире след!
 Ты должен продолжать! Назад дороги нет.
 Ты руки обагрил впервые кровью брата;
 На очереди мать, ей та ж грозит расплата:
 Давно раскрылась мне вся ненависть твоя,—
 Ты мстишь мне за добро, что совершила я.
 Но пусть и смерть моя тебе не даст покоя,
 Не думай, что, уйдя, прощу тебе легко я:
 Рим, небо, жизнь, тебе дарованная мной,
 Повсюду будут влечь мой образ за тобой.
 Ты будешь век гоним толпой незримых фурий.
 Унять сердечный вихрь захочешь новой бурей;
 Неистовство твое, растя из года в год,
 Кровавой полосой все дни твои зальет.
 Но верю, будет день, проснется вечный мститель
 И страшной гибелью погибнет сам губитель,
 И, кровью стольких жертв покрытый и моей,
 Оплатишь нашу смерть ты гибелью своей
 И мир оповестишь, в века бесславно канув,
 Как люто был казнен лютейший из тиранов!
 Вот мой тебе завет и суд мой над тобой.
 Прощай! Теперь иди!

Н е р о н

Нарцисс, ступай за мной!

Явление седьмое

А г р и п п и н а, Б у р р

А г р и п п и н а

Ах, небо! Как была в упреках неправа я!
 Я Бурра клясть могла, Нарциссу доверяя!

Вы видели, мой Бурр, какой свирепый взгляд
Мне подарил Нерон в залог иных наград.
Свершилось; цепь свою он рвет теперь недаром;
Меня он поразит обещанным ударом.
Вам самому, боюсь, расплаты ждать пора.

Б у р р

Царица! Для чего не умер я вчера!
О, пусть Нерон рукой, спасительно жестокой,
Даст исцеленье мне от горечи глубокой!
Он Бурру показал, злодейство совершив,
Что с цезарем таким не будет Рим счастлив.
Не преступленье лишь гнетет мой дух смятенный, —
Он брата мог убить из ревности мгновенной.
Но, государыня, я тем вдвойне согбен,
Что, подавая яд, спокоен был Нерон.
Его холодный взор изобличал презренье
Тирана, для кого не ново преступленье.
Пусть довершит удар, пусть будет им убит
Докучливый министр, кто так о нем скорбит.
Мне незачем — увы! — бежать других страданий:
Чем смерть придет быстрее, тем будет мне желанней.

Явление восьмое

А гр и п п и н а, Б у р р, А л ь б и н а

А л ь б и н а

Бурр! Госпожа моя, очнитесь от скорбей!
Утешить цезаря бегите вы скорей!
Ах! Жить без Юнии захочет он едва ли.

А гр и п п и н а

Возможно ль? Юнию мы также потеряли?

А л ь б и н а

Она не умерла, но для него мертва,
Чтоб цезаря тоска была вовек жива.
Мне солгала она, покой ваш покидая.
Принцессу проводить к Октавии пошла я;
Она ж другим путем стремилась все быстрее,
И я могла следить лишь издали за ней.
По ступеням дворца бежит она с рыданьем.
Но вдруг пред Августа высоким изваяньем
Упала, надломясь, к подножью склонена,
И, обхватив его, воскликнула она:
«О кесарь, защити рукой твоей, молю я,
Последний отпрыск твой, что льнет к тебе, тоскуя!
Убит в своем дворце, тому свидетель Рим,
Тот принц, кто мог бы стать преемником твоим.
Он умер, а меня хотят склонить к измене.
Чтоб верной быть ему, обняв твои колени,
О властелин, дозвожь мне вверить жизнь богам,
С кем доблестью своей ты ныне равен сам!»
Меж тем, бежит народ, охвачен изумленьем,
Толпится все вокруг, ей вторит с возмущеньем.
И, тронут повестью злодейства и обид,
Поносит лживый двор и помощь ей сулит.
Ее ведут во храм, где в память бурь смиренных
Семья невинных дев, служенью посвященных,
Бессменно сторожит в хранилище святом
Огонь, что век горит пред нашим божеством.
Нерон глядит им вслед, их разлучить не смея.
Нарцисс — смелей, влечет усердие злодея.
Он к Юнии спешит и, чванясь пред толпой,
Ее касается предательской рукой.
Но бурей на него вздымаются кинжалы;
Одежды Юнии от брызг нечистых алы.
Посланцу своему Нерон не смел помочь,
От яростной толпы спешит он скрыться прочь.

Вернулся он. Но всех страшит своим молчаньем.
Лишь имя Юнии он все твердит с рыданьем.
Бесцельно бродит он, его глаза мертвы,
Он к небесам поднять не смеет головы.
Боюсь, чтоб скорбь его, которой тишь ночная
Отчаянье сулит, все раны растравляя,
Коль не придете вы сочувственно вздохнуть,
Не обратила б меч на собственную грудь.
Бегите! Час не ждет! От скорбного порыва
Погибнет цезарь.

А г р и п п и н а

Казнь была бы справедлива.
Но все ж проверим, Бурр, он вправду ль потрясен,
В неистовствах своих раскаялся ли он,
От совести своей готов ли ждать велений?

Б у р р

О боги! Если б впредь он чужд был преступлений!

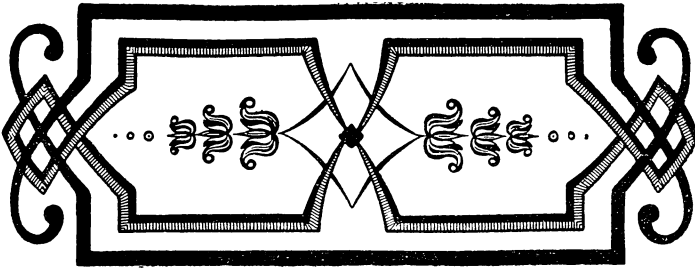






БАЯЗЕТ

BAJAZET
(1672)



ПЕРВОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Хотя сюжета этой трагедии нельзя найти ни в одной напечатанной истории, все же он вполне достоверен. Это — происшествие, случившееся в серале, около тридцати лет назад. Граф де-Сези был тогда посланником в Константинополе. Он был осведомлен о всех подробностях смерти Баязета, и есть ряд особ при дворе, которые помнят, что он рассказывал об этом, когда вернулся во Францию. Г. Шевалье де-Нантуйе принадлежит к числу этих лиц. Именно ему-то я и обязан этой историей и даже тем, что решился сделать из нее трагедию. Я был вынужден ради этого изменить кое-какие обстоятельства. Но так как эти изменения не очень значительны, то я не думаю, что нужно осведомлять о них читателя. Главное, к чему я стремился, это — не изменять ничего ни в нравах, ни в обычаях жизни. И я заботился о том, чтобы не выводить ничего такого, что не было бы в соответствии с историей турок, и с новым сообщением об Оттоманской империи, которое было переведено с английского. В особенности обязан я указаниям господина де-ла-Ге, который был так добр, что осветил мне все трудности, которые я ставил перед ним.



ВТОРОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

У султана Амурата, или султана Мората, турецкого императора, взявшего Вавилон в 1638 г., было четыре брата. Первый из них, Осман, был императором до него и царствовал около трех лет, после чего янычары лишили его власти и жизни. Второго звали Орканом. Его Амурат велел задушить в самые первые дни своего царствования. Третьим был Баязет — князь, подававший большие надежды; он-то и является героем моей трагедии. Амурат, то ли по соображениям политическим, то ли по дружбе, щадил его до года осады Вавилона. Взявши же этот город, султан-победитель послал в Константинополь приказ умертвить его, что и было проведено и выполнено примерно так, как я это описываю. У Амурата был еще один брат, по имени Ибрагим, который стал султаном после него и которым он пренебрегал, считая его князем-дурачком, не являющимся для него помехой. Султан Магомет, который царствует сейчас, является сыном этого Ибрагима и, следовательно, племянником Баязета.

Подробности смерти Баязета не вошли еще ни в одну напечатанную историю. Г-н граф де-Сези был посланником в Константинополе, когда в серале произошла эта трагическая история. Он был осведомлен о любви Баязета и о ревности султанши. Он даже несколько раз видел Баязета, которому позволяли иногда прогуливаться по выступу сераля на черноморском про-

ливе. Граф де-Сези говорил, что это был князь привлекательной внешности. Он описал потом обстоятельства его смерти. Кроме того, есть и сейчас еще несколько достойных людей, которые помнят его рассказ об этом, когда он вернулся во Францию.

Некоторые читатели будут, может быть, удивлены, что на сцену выведено такое недавнее происшествие; но я не встречал в правилах драматической поэмы ничего такого, что могло бы отвратить меня от моего замысла. Я, в самом деле, не советовал бы никакому автору брать сюжетом трагедии действие, столь недавнее, как это, если бы оно произошло в той стране, в которой он хотел бы видеть на сцене свою трагедию, ни тем более делать театральными героями лиц, которые были бы известны большинству зрителей. Трагедийные персонажи должны быть рассматриваемы иным взором, нежели тот, которым мы обычно смотрим на людей, виденных нами вблизи. Можно сказать, что уважение, которое мы испытываем к героям, растет по мере того как они отдаляются от нас — *major e longiquo reverentia*.¹ Отдаленность страны исправляет до некоторой степени слишком большую близость времени; ибо народ не делает разницы между тем, что находится, так сказать, за тысячу лет от него, и тем, что находится от него за тысячу миль. Таким образом, например, турецкие персонажи, какими бы современными они ни были, достойны нашего театра: на них рано начинают смотреть как на древних. Это — нравы и обычаи, совершенно отличные от наших. У нас так мало сношений с монархами и другими лицами, живущими в серале, что мы смотрим на них, так сказать, как на лиц, живущих в ином веке, нежели наш.

Примерно так же смотрели когда-то и афиняне на персов. Так, для поэта Эсхила не было никаких затруд-

¹ Уважение увеличивается на расстоянии. (*Тацит.*)

нений вывести в одной трагедии мать Ксеркса, которая, может быть, еще была жива, и представить на афинском театре скорбь персидского двора после разгрома этого монарха. Однако тот же Эсхил лично присутствовал при Саламинской битве, в которой был разбит Ксеркс; он присутствовал также и при поражении военачальников Дария, отца Ксеркса, на Марафонской равнине, ибо Эсхил был воином и братом знаменитого Кинегира, о котором так много говорили в древности и который умер со славою во время нападения на корабли персидского царя.



Действующие лица

Б а я з е т, брат султана Амурата.
Р о к с а н а, любимая жена Амурата.
А т а л и д а, девушка оттоманской крови.
А к о м а т, великий визирь.
О с м и н, наперсник великого визиря.
З а т и м а, рабыня султанши.
З а и р а, рабыня Аталиды.
С т р а ж а.

*Действие происходит в Константинополе, иначе
называемом Византией, в серале султана.*



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

А комат, Осмин

А комат

Иди за мной! Сюда придет султанша скоро,
Но время есть еще у нас для разговора.

Осмин

Давно ли, господин, нам доступ есть туда,
Куда и глянуть мы не смели никогда?
Вслед дерзости такой к нам раньше б смерть явилась.

А комат

Когда узнаешь ты все то, что здесь случилось,—
Я доступом сюда не удивлю твой взор...
Но прекратим, Осмин, излишний разговор.
О, как я ждал тебя! Ты ж медлил быть обратно —
И твой возврат теперь как видеть мне приятно!
Все то, что ты узнал, скитаясь в той стране
Так долго для меня — скорей поведай мне!
Будь искренен, Осмин,—все тайны, что для глаза
Открылись, передай — затем, что от рассказа
Судьба империи зависит оттоман.
Что видел ты в войсках? Что делает султан?

О с м и н

О визирь, Вавилон смотрел без удивленья,
Не изменив царю, на наше наступленье;
Уж персы близились на выручку к нему,
На лагерь наш вели своих отрядов тьму.
Сам Амурат устал, осада не давалась,
Оставить Вавилон он был не прочь, казалось,
Бесплодных приступов не делал, был готов
К сраженью с персами и поджидал врагов.
Вы ж знаете, — хоть я и проявлял старанье, —
От лагеря сюда большое расстоянье;
Мне тысячи преград встречались на пути:
Как знать, что там теперь могло произойти!

А к о м а т

А как вели себя в ту пору янычары?
Смирились ли они, иль как и прежде яры?
Узнал ли, что они в своих сердцах таят?
И полновластен ли над ними Амурат?

О с м и н

Я слышал, как султан хвалил их средь беседы
И говорил, что ждет счастливейшей победы.
На вид спокоен он. Но нас не провести:
Ему и в отдыхе покою не найти.
Напрасно хочет он, скрывая подозренье,
Быть с янычарами доступным в обращеньи:
Свой прежний замысел не в силах он забыть;
Когда мечтал их рать он вдвое сократить,
Чтоб принятую власть в руках держать навеки
И от упорной их избавиться опеки.
Я слышал их не раз и видел по всему:
Им страшен Амурат, они ж страшны ему!
Искупит лаской он свою вину едва ли.
На то, что вы не там, они не раз роптали,

Былые, славные, припоминая дни,
Когда, ища побед, за вами шли они.

А к о м а т

Как! Думаешь ли ты — моя былая слава
Все так же гордость их ласкает величаво?
Ты думаешь, они опять пойдут за мной
И с прежней радостью услышат голос мой?

О с м и н

Один исход боев решит их поведенье:
Отступит ли султан иль победит в сраженьи?
Хоть быть под ним совсем не привлекает их,
Но как не поддержать честь подвигов своих?
Не предадут они, сражаясь в годы эти!
А впрочем, от судьбы зависит все на свете:
Коль Вавилон возьмет султан под власть свою
И победителем окажется в бою,—
Тогда в строптивости они легко уймутся
И в Византию все покорными вернуться.
Но если Амурат не избежит судьбы,
И в первых же боях не выдержит борьбы,
Поверьте, что они, его побег увидя,
И сразу обнаглев, и снова ненавидя,
Заявят, что постиг его в бою позор,
Что небо вынесло над ним свой приговор.
Однако я слыхал, что тайным повеленьем,
Три месяца назад, с каким-то порученьем
Из войска Амурат раба послал сюда;
И лагерь, чувствуя, что близится беда,
Решил, взволнованный посланьем Амурата,
Что требует султан главы родного брата.

А к о м а т

Таков был план его. Гонец принес приказ,
Но ничего в ответ не получил от нас.

О с м и н

Но как же, господин! Ведь раб пойдет обратно.
С каким ответом? — Мне, признаюсь, непонятно!

А к о м а т

Его на свете нет: я приказал, Осмин,
Чтоб брошен был гонец немедленно в Евксин.

О с м и н

Однако Амурат, не видя в срок на месте
Посланца своего, отдастся ярой мести!
Что ж сделаете вы?

А к о м а т

Быть может, до того
Важнейшим делом я смогу отвлечь его!
Я знаю, что мое замыслил он паденье.
Я знаю, чем грозит его мне возвращенье.
Стремясь, чтоб войны забыли обо мне,
Недаром он бои ведет в чужой стране.
Он там начальствует. Я ж здесь сижу на месте!
Он власть мне передал, но в ней не много чести.
Что это за дела для визиря, мой друг!
Но я как следует использовал досуг:
Я сделал так, что он спокойствия лишится,
Когда проведает о том, что здесь творится.

О с м и н

И вы решили...

А к о м а т

Власть захватит Баязет,
Роксана ж будет с ним! Тому препятствий нет!

О с м и н

Как! Мог ли ждать султан измены от Роксаны,
Избрав ее одну меж дев, какими страны
Европы, Азии его снабжали двор?
Он к ней одной склонил свой восхищенный взор;
Он захотел — и вот бездетная Роксана
Была наречена супругою султана.

А к о м а т

Он дал и больше ей: с тех пор как он в боях,
Вся власть закреплена в одних ее руках.
Ты ж знаешь, как у нас султаны к власти строги:
Меньшие старшему — все поперек дороги;
Для них опасна честь быть общей крови с ним,
Когда он дорожит владычеством своим.
Безумец Ибрагим, забыв свое наследство,
Опалы избежал, навеки впавши в детство:
Равно не сто́ящий ни умирать, ни жить,
Он отдан в руки тем, кто стал его кормить.
Другому все грозит: султанов сын достойный,
Для Амурата он соперник беспокойный,
Затем, что Баязет томится с юных дней
Беспечной праздностью султанских сыновей:
Он полюбил войну, едва из детства вышел;
Я наставлял его, как ты, должно быть, слышал;
Ты сам его видал в сраженьях без конца,
Когда за ним влеклись всех воинов сердца,
Когда израненный вкушал он внове славу
Победы боевой, заслуженной по праву.
Хоть Амурат жесток, но должен выждать он,
Пока не укрепит рождением сына трон;
Боя мести принести не смеет в жертву брата,
Боясь, что царский род погибнет без возврата.
И так как выхода пока другого нет,
Им заключен в сераль под стражу Баязет,

И, ненависть свою Роксане завещая,
Он отдал брата ей во власть и, уезжая,
Хотел, чтобы она, для блага своего,
При первом случае могла казнить его.
Но справедливый гнев питая одиноко,
Что всуе Баязет наказан так жестоко,
Султанше я внушил, сокрыв мечту свою,
О том, что Амурат погибнуть мог в бою,
Что ропот среди войск; что будущее — тайна;
Я Баязета ей хвалил как бы случайно.
Я вызвал жалость в ней к достоинствам его,
Ревниво во дворце сокрытым до того.
И что ж? Не в силах страсть сдержать свою Роксана
Возжаждала, чтоб к ней явился брат султана.

О с м и н

Но как они спаслись от неотступных глаз,
Вослед им, что ни шаг, стремившихся тотчас?

А к о м а т

Быть может, помнишь ты о некоей весте лживой.
Что Амурат погиб? — Ты помнишь, как ретиво
Султанша укрепить старалась эту весть,
Крича, что ей беды такой не перенести?
И, веря госпоже, рабы дрожали, плача;
В смятенье стражников повергла неудача;
Счастливым Баязет их подкупил в те дни, —
И дали пленникам увидеться они.
Роксана не смогла замкнуть уста, — открыла,
Какой приказ она в своих руках хранила,
И понял Баязет: для выгоды своей
Он должен сделать так, чтоб стать желанным ей.
Все помогло ему: и ум, и угожденье,
И выданный секрет, и страстное влечение,
И вздохи тем нежней, что должно их скрывать,

Помехи видеться, что нужно преступать,
 Испуги общие, опасность, безрассудство,—
 Их судьбы, их сердца одно связало чувство,
 Те ж, чей первейший долг был образумить их,
 Не смели удержать безумцев молодых!

О с м и н

Как! Душу им свою раскрывшая сначала,
 Ужель потом и страсть Роксана показала?

А к о м а т

То — тайна до сих пор, и чтоб сокрыть ее,
 Решилась имя дать любовникам свое
 Племянница отца султана — Аталида;
 Он воспитал ее; и вот теперь, для вида,
 Приносит Баязет свои признанья ей,
 С ним вместе выросшей средь остальных детей.
 Она же, выслушав слова любовной дани,
 Их пересказывает бережно Роксане.
 А чтобы и меня вознаградить за труд,
 Мне Аталиду днесь в замужество дают.

О с м и н

Как, вы... вы влюблены?

А к о м а т

Подумай сам серьезно —
 Ужель в мои лета любить еще не поздно?
 Как сердцу, сытому годами, суетой
 Отягощать себя для прихоти пустой?
 Мне нужно лишь ее высокое рожденье:
 Я не ее люблю,— ее происхождение,

Затем что Баязет, приняв меня в родню,
Сам укрепит меня на голову свою.
Султаны визиря всегда чуть-чуть страшатся,
Едва назначивши, уж погубить стремятся,
Его падение приятно им всегда,
Как нас их горести не старят никогда.
Сегодня Баязет меня еще ласкает,
Опасность каждый день в нем нежность пробуждает,
Но тот же Баязет у власти в свой досуг
Не вспомнит, где его уже ненужный друг.
Но если он меня лишит захочет жизни,
Забыв про то, что дал ему я и отчизне...
Я не могу, Осмин, всего договорить,—
Но будет нелегко ему ее добыть!
Я для султанов быть умею верным другом,
Но прихоть ублажать предоставляю слугам.
Невместно восхвалять мне собственный позор,
Когда уж для меня составлен приговор.
Вот что свершается в укрытом этом месте,
Вот что решили мы, сойдясь с Роксаной вместе!
Сначала под фатой она внимала мне,
Как требует закон на нашей стороне,
Потом нарушила ненужное стесненье,
Что лишь мешало нам и сеяло смущенье.
И здесь, от чуждых глаз укрывшись в стороне,
Я все поведал ей,—она ж открылась мне.
Я прихожу сюда тайком, но невозбранно...
Однако вот идет сюда сама Роксана!
Я поведу доклад, а ты не уходи,
И то, что я скажу, султанше подтверди.

Явление второе

Роксана, Аталида, Акомат, Затима, Заира,
Осмин

Акомат

Все верно, госпожа, и в слухах нет обмана!
Вернувшийся Осмин был среди войск султана.
Покоя до сих пор у Амурата нет,
Все так же воинам желанен Баязет;
Они хотят пробить ему дорогу к трону.
Уж персы подошли на помощь Вавилону,
И оба лагеря, усилив мощь свою,
Удачи попытать готовятся в бою.
Зависит наш удел от этого сраженья.
Хотя Осмин в пути не знал еще решенья,
Но явно, что конец теперь уж небом дан,
И ныне враг разбит, иль в бегстве сам султан.
Час пробил! Надо гнать сомнения пустые,—
Закроем перед ним ворота Византии!
Не все ль равно: бежит иль торжествует он?—
Спешите действовать! Берите власть и трон!
Не бойтесь, если он разбит! Но коль сраженье
Он выиграл, тогда — опасно промедленье.
Поздней не подчинить взволнованный народ.
Вы медлите, а он уж Амурата ждет.
Зато ревнители святых законов веры
На нашей стороне,— к тому я принял меры:
Наш набожный народ недаром с давних дней
Покорствует узде религии своей.
Так пусть же Баязет познает днесь отраду:
Откройте перед ним дворцовую ограду,
И знамя в честь его развейте над толпой
Сигналом роковым опасности большой!

Народу он знаком, вся Византия знает,
Что доблестью своей султана он смущает,
К тому ж недобрый слух я укрепил,— и вот
Поверил наконец встревоженный народ,
Что злобный Амурат решил в места другие
Столицу перенести и трон из Византии.
Объявим всем, что князь в опасности всегда,
Что умертвить его пришел приказ сюда.
Народу Баязет пусть явится спокойно,—
Его чело венца уже давно достойно!

Р о к с а н а

Довольно! Я сдержу все, что сулила вам.
Ступайте, Акомат, теперь к своим друзьям,—
Что думают они, мне дайте знать сначала,
И вправду ль действовать пора уже настала.
Увижусь с князем я. Пока же ничего
Ответить не смогу, не повидав его.
Я здесь вас буду ждать.

Явление третье

Р о к с а н а, А т а л и д а, З а т и м а, З а и р а

Р о к с а н а

Мне душу давит бремя.
Пора решать судьбу — уже настало время!
И я должна теперь узнать в последний раз:
Влюблен ли князь в меня?

А т а л и д а

Не во-время у вас
Сомненья, госпожа! Примите же решенье!

То, что вы слышали, — большое сообщение!
 Вам нужен Баязет? Спешите, дорог час!
 Сегодня юный князь еще в руках у вас,
 А завтра, может быть, все пред султаном в страхе
 Прострется ниц, и князь окончит жизнь на плахе.
 Не доверяете ему вы почему?

Р о к с а н а

А что же мне велит довериться ему?

А т а л и д а

Как, госпожа! Ужель ничто — его признанья,
 И ваша ласковость, и ваши обещанья?
 Его смирение пред силой ваших чар
 Могло ли не разжечь в его груди пожар?
 Нет, — ваши милости он оценил достойно!

Р о к с а н а

О, если бы могла поверить я спокойно!
 Увы, не помню я еще такого дня,
 Когда б хоть лестью он обрадовал меня!
 Я слышала не раз все эти заверенья,
 Что якобы ко мне он полон вожделенья.
 Не раз, чтобы в себе ту веру укрепить,
 Его тайком в покой велела приводить.
 Что ж! Видно, страсть моя ему несносна стала!
 Я коротко скажу — он тот же, что сначала:
 Ответа для меня нет у него в груди,
 Что льстивые слова сулили мне найти.
 Но не затем ему я жизнь и власть дарую,
 Чтоб получить в ответ признательность такую!

А т а л и д а

Чего ж хотите вы? Что должен сделать он?

Р о к с а н а

Пусть вступит в брак со мной, когда в меня влюблен!

А т а л и д а

О небо! С вами в брак? Но кто ж у нас не знает...

Р о к с а н а

Пусть так! Султанам в брак закон не разрешает
Вступать по прихоти, — то ведомо давно!
Другое им взамен обычаем дано:
Средь сотен девушек, покорных и прекрасных,
Привыкли выбирать они наложниц страстных;
Но прелесть избранной не даст почета ей:
Раба властителя, и в нежности своей
Она несет ярмо капризов господина,
Султаншей становясь лишь по рожденьи сына.
И только Амурат, впервые в сей стране,
Влюбленно пожелал назначить титул мне
И властью облек, уравненной с саном,
И отдан в руки мне был Баязет султаном.
Но тот же Амурат на будущие дни
Не согласился брак включить в дары свои.
А я лишь этого, как почести, просила
И о других дарах давно уже забыла.
Теперь мне все равно — закон со мной иль нет!
Всем пренебречь меня заставил Баязет:
Счастливей брата он, хоть и познал несчастье,
И я томлюсь по нем без встречного участия.
Я подкупила все для князя, что могла, —
Вы видите, к чему его я привела!
Орудьем стало мне то право, что когда-то
Вручил мне Амурат на жизнь родного брата, —
И вот уж Баязет почти вступил на трон!
Теперь последний шаг обязан сделать он,

Но если мне за все он не воздаст с лихвою,
 И не захочет он наречь меня женою,
 И станет между нас все тот же злой закон,
 И все, что я дала, мне не оплатит он,—
 Пусть знает, что смогу я совладать с любовью,
 Что мщенье оплачу хотя б своею кровью,
 Что сердца черствого ему я не прощу,
 И мной спасенного вновь бедам возвращу!
 Вот что должно решить здесь князя появленье.
 Его ответ несет нам гибель иль спасенье!
 Однако эту речь сегодня, в первый раз,
 Ему передавать я не заставлю вас:
 Нет! Пусть передо мною он сам здесь уничтожит
 Ту ревность темную, что мой покой тревожит!
 Пусть, приведен сюда сокрытою тропой,
 Неподготовленным он встретится со мной!
 Ступайте! Я скажу, чем кончится свиданье...

Явление четвертое

А т а л и д а, З а и р а

А т а л и д а

Заира, гибель мне несет мое страданье!

З а и р а

Вам?

А т а л и д а

Да, предвижу я, что сбудется со мной,
 И в безысходности один лишь выход мой!

З а и р а

Что с вами, госпожа?

А т а л и д а

Еще никто не знает,
Какой зловещий план Роксана замышляет.
Она условия готовит — нет страшней!
И Баязет умрет иль женится на ней!
Но если сдастся он, погибну я от горя,
А если нет — он сам умрет, с Роксаной споря.

З а и р а

Все ясно, госпожа! Вам горе суждено,
Но это вы могли предчувствовать давно.

А т а л и д а

Легко ли, полюбив, остаться осторожной?
Удача до сих пор казалась нам возможной:
Роксана чувство мне доверила свое,
Не сомневаясь в том, что любит князь ее,
Глядела на него моими лишь глазами,
Беседовала с ним моими лишь устами...
Минута, мнилось мне, счастливая близка,
И сможет увенчать его моя рука.
Но небо мне помочь в тех кознях отказалось.
Что ж делать мне тогда, Заира, оставалось?
Роксане не могла признаться я во всем.
Терять любимого, навек забыть о нем!
Пока он во дворце жил для нее незримо,
Его любила я и знала, что любима.
Ты помнишь, с детских лет мне помогла любовь
Те узы укрепить, что завязала кровь.
Недаром мать его мне ласки расточала,
И Баязета я от брата отличала.
Нам близость мать сама пророчила, смеясь,
Но умерла она — и разлучили нас,
И, ожидая встреч, стремясь к одной надежде,
Друг друга втайне мы любили, как и прежде.
Роксана, подружась доверчиво со мной

*

И тайный замысел однажды выдав свой,
Не скрыла от меня, что князя полюбила,
И милостью его с тех пор при мне дарила.
Но, подивясь ее вниманью, Баязет
Одну почтительность ей приносил в ответ.
Увы! Кто любит, тот во всем найдет признание!
Роксана приняла за страсть его вниманье
И, жажде чувств своих доверясь и любя,
Легко давала нам обманывать себя.
Однако в слабости я признаюсь всецело,—
Я с ревностью своей бороться не сумела:
Благодеяньями соперница моя
Его засыпала, а чем прельщала я?
Его судьба всегда о ней напоминала:
Роксана власть ему и славу предлагала.
А я что дать могла? — Безмолвную любовь,
Тоску сердечную да вздохи вновь и вновь!
От неба я ждала в слезах себе спасенья.
Но Баязет мои рассеял опасенья,
И с ведома его до этих самых пор
Притворно я вела с Роксаной разговор.
Увы! Все кончено! Настало пробужденье!
Она поймет теперь бывшие заблужденье.
Ах! обмануть ее не сможет Баязет:
Он не умеет лгать, он честен с малых лет;
Мне должно бы помочь, на путь его наставить,
К уступкам вкрадчивым его ответ направить.
Теперь же он погиб! Ах, если б я опять
Ее слова могла как раньше передать,
Или предупредить его об этой речи!
Заира, я хочу остаться здесь до встречи,
Я намекну ему, попавшись на пути,
Что лучше брак, чем смерть. От рока не уйти!
Роксане смерть его желанней, чем обида.
Увы, погибнет он! Но смолкни, Аталида!
Ужель он защитит не сможет сам себя?

Ужель пойдет на смерть, чтоб не предать тебя?
Быть может, Баязет, как ты того желала,
Сам о себе готов заботиться немало?

З а и р а

Ах, госпожа, опять сомненье мучит вас!
Зачем до срока вы печалитесь сейчас?
Иль вы не знаете, что Баязет вас любит?
Что пользы горевать? — Вас эта скорбь погубит,
Вы плачем сможете предать свою любовь!
За князя бдит судьба, и он спасется вновь,
Лишь не узнала бы, не ведая обмана,
Кто ей соперницей, жестокая Роксана.
Так ждите ж, спрятавшись от посторонних глаз,
Чем эта встреча их окончится для вас!

А т а л и д а

Пойдем, Заира! Ты ж, о небо, правду знаешь,
И если за обман влюбленных ты караешь,
И если он и я тобой осуждены,—
Карай меня одну за общие вины!



ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Баязет, Роксана

Роксана

Князь, близок наконец час вашего спасенья!
Вам предназначено судьбой освобожденье.
Не сможет уж ничто меня остановить
Мечту моей любви теперь осуществить.
О, я не говорю, что сломлено коварство,
Что вам спокойное я уступаю царство,
Но все ж я сделаю, что обещала вам:
На вашу честь уже не посягнуть врагам,
И будет ваша жизнь отныне течь в покое.
От вас зависит, князь, докончить остальное.
Осмин видал войска: они желают вас;
Отцы религии поддерживают нас;
Ручаться Акомат готов за Византию,
А я держу в руках всех этих толп стихию,
Все это полчище вождей, рабов, немых,
Живущих во дворце покорных слуг моих,
Которые, стремясь удвоить послушанье,
Мне продали свои и души, и молчанье!
Так начинайте же: ваш долг теперь вступить
На славный путь, что я смогла для вас открыть!

Вы этим никого не кинете на муку,
Вы отведете лишь убийцы злую руку:
Султанам действовать так, право, не впервой,
Их приводил не раз ко власти путь такой.
Но чтоб иметь успех, немедленно мы оба
Счастливым наш союз должны скрепить до гроба.
Спешите ж показать, со мной соединясь,
Что как супругу вам я помогала, князь!
Доверье оправдать для вас настало время —
И освятить наш брак открыто перед всеми!

Б а я з е т

О! Что хотите вы!

Р о к с а н а

Как, князь, ужель и тут
Помехи тайные нам счастья не дадут?

Б а я з е т

Иль вы не знаете, что гордость царской чести...
Но для чего твердить всем ведомые вести?

Р о к с а н а

Я знаю, что с тех пор как некий ваш султан,
Разбитый варваром, владыкой диких стран,
Узрел как гордый враг направил колесницу
Через Азию, влача вослед его царицу, —
Его преемники не стали в брак вступать,
Честь оттоманскую стремясь оберегать.
Но дела нет любви до выдуманной веры!
И чтобы низкие не приводить примеры,
Скажу, что Сулейман (ему подобных нет!
Средь ваших прадедов, кого боялся свет,
Никто не равен был великому султану!),
Что этот Сулейман, увидев Роксалану,

Ее, как властелин, наперекор всему,
 И к трону приобщил и к ложу своему.
 А было прав у ней на сан, как я слыхала, —
 Лишь капля красоты да ловкости немало!

Б а я з е т

Но взвесить вы должны, что значит власть моя!
 Как Сулейман велик и как ничтожен я!
 Он полного сумел могущества добиться,
 Египет перед ним был вынужден склониться;
 Родос, сей грозный враг для всех в роду моем,
 Своим защитникам гробницей стал при нем;
 Брега Дуная он опустошенью предал;
 Он персам защитить границы царства не дал;
 И негров усмирил в их знойных странах он,
 Свои веления им бросив как закон.
 А я? Я жду всего от войска и народа.
 Чем славен я? Лишь тем, что горше год от года
 Несчастный мой удел! Какой же смысл в борьбе?
 Мне предстоит сердца расположить к себе!
 Есть слуги наших встреч — от них ли ждать участия
 Что наши слезы им, опасности, несчастья?
 К чему нам вспоминать, что сделал Сулейман?
 Вы б лучше вспомнили, как умерщвлен Осман:
 Вожди злых янычар, подняв их в час смятенья,
 Кровавым замыслам возжаждав воплощенья,
 Решили, что у них права на жизнь того,
 Кто в брак вступил... Пример не взять ли мне с него?
 Что вам сказать еще? Коль случай мне поможет,
 И я их подчиню — тогда дерзну, быть может!
 Пока ж, к чему спешить? Не лучше ль вам сейчас
 Помочь моей судьбе, чтоб мог вознесть я вас?

Р о к с а н а

Вы дальновидны, князь! Я впрямь неосторожна;
 Вы все предусмотреть смогли, что только можно;

Опасность худшую нашли вы там как раз,
Куда моя любовь завлечь хотела вас!
Вы охраняете грядущий сан сурово.
Что ж! Вам поверить, князь, я искренно готова.
Но взвесили ли вы, что, наш отвергнув брак,
Вам не избавиться от худших бед никак?
Что будет без меня вам все грозить враждою,
Что первый ваш закон — быть связанным со мною,
Что мне подчинены здесь входы всякий час,
Что их вольна открыть иль запереть для вас?
Что вашей жизнью я владею невозбранно?
Что вам дано дышать, пока вы мне желанны?
Что вас от гибели хранит моя любовь?..
Решайтесь же теперь ее отвергнуть вновь!

Б а я з е т

Я всем обязан вам. Но я в порыве смелом
Считал, что было бы для вас достойным делом
Велеть империи склониться предо мной,
И знать из уст моих, что вы тому виной.
Мне ль это отрицать? Напрасное сомненье!
Вы в действиях моих найдете подтвержденье:
Что всем обязан вам — о том не умолчу!
Итак, хотите ли...

Р о к с а н а

Довольно! Не хочу!
Какие доводы! Ты надоел мне с ними!
Твои желанья расходятся с моими?
Пусть так! Насильная мне не нужна любовь.
Вернись в небытие, неблагодарный, вновь!
Чего еще мне ждать? Какого разъяснения?
Спокойно видит он любви моей волнения!
От страстных чувств моих он холодно далек!
Самой любовью он играет как игрок!

Я вижу весь расчет. Так вот чего он хочет!
 Ты думаешь, что риск твою судьбу упрочит?
 Ты думаешь, навек с тобой связалась я
 И весть тебя на трон — одна мечта моя?
 Но я ведь в милости пока у Амурата,
 Еще любима я, — ты знаешь злобу брата,
 И кровью гнев его искупишь ты вполне,
 И будет смерть твоя лишь в оправданье мне,
 И я не дрогну, нет — хотя б сейчас то было...
 И все же я люблю вас так же, как любила!
 Не дайте же себя от сердца оттолкнуть.
 Еще к раскаянью для вас не заперт путь.
 Не надо искушать любви моей терпенья,
 Полслова уст моих — и нет для вас спасенья.

Б а я з е т

Убейте же меня, — у вас во власти я!
 Вам пользу принесет, быть может, смерть моя,
 И, милость заслужив опять у Амурата,
 Вы место первое займете в сердце брата.

Р о к с а н а

Ах, в сердце у него? Какая радость в том?
 Нет, коль утрачу я мечту царить в твоём,—
 Давно отравленная сладким заблуждением,
 Смогу ль я жить, иным отдавшись помышленьям?
 Как стану дальше жить, — коль жить не для тебя?
 Тебе оружие даю против себя.
 Жестокий, в слабости должна бы я сдержаться.
 Ну, что же, торжествуй! Так, должно мне признаться:
 Я гордостью тебя хотела обмануть!
 Нет жизни без тебя — ты пересек мой путь...
 Ах, смерть твоя несет и мне конец кровавый!
 На то ль я окружить тебя старалась славой...
 Ты тронут, кажется?.. Не вздохи ль то твои?..
 Скажи?

Б а я з е т

Зачем молчать должны уста мои?..

Р о к с а н а

Что прошептали вы? Чему я здесь внимаю?
Как! Тайны есть у вас, которых я не знаю?
И ваши чувства мне, как видно, не под стать?..

Б а я з е т

Решайте, госпожа, — пришла пора решать:
Иль вы законный путь мне к трону укажите,
Иль — ваша жертва я... И я готов — казните!

Р о к с а н а

А! Вот что хочешь ты! Ну что ж, ты будешь взят...
Эй, стража, все сюда!

Явление второе

Р о к с а н а, Б а я з е т, А к о м а т

Р о к с а н а

Свершилось, Акомат!

Я вам передаю властителя брата,
Чтоб выполнить приказ султана Амурата.
И будет пусть сераль отныне вновь закрыт, —
Пусть наша жизнь опять обычный примет вид.

Явление третье

Б а я з е т, А к о м а т

А к о м а т

Я речью, господин, ошеломлен такую!
Что с вами станется? Что станется со мною?

Как изменилось все! И из-за чьей вины?
О небо!

Б а я з е т

Обо всем вы услышать должны:
Роксана, оскорбясь, мне отомстить решила,
Помеха вечная согласия нас лишила.
Вам, визирь, мой совет — подумать о себе;
Теперь не в силах я помочь ничьей судьбе.

А к о м а т

Как!

Б а я з е т

Выход нужен вам, друзей предупредите:
Вы все в опасности, пока со мной дружите;
Я думал отплатить за помощь щедро вам,
Но поздно, и о том не время думать нам.

А к о м а т

Какая, господин, вам помешала сила?
В серале только что все так спокойно было.
Что ж разъярило вас обоих — не поймешь!

Б а я з е т

Ей, визирь, брак со мной желанен.

А к о м а т

Ну, так что ж?
Обычай лишь она султанов нарушает.
Ведь это не закон, который покарает,
Который вы должны себе в ущерб блюсти!
Для вас один закон — свою судьбу спасти
И вырвать, господин, у очевидной смерти
Ваш оттоманский род, иль он иссякнет, верьте!

Б а я з е т

Я б слишком дорого за род свой заплатил,
Когда б такой ценой его я сохранил!

А к о м а т

Зачем одетым в мрак всё это вам предстало?
Ведь предок ваш себя не очернил нимало,
Вступая в брак, ведь он не встретил ни на час
Все те опасности, что так пугают вас.

Б а я з е т

Как ни грозят они бедой мне, я, однако,
Бесчестье рабского принять не в силах брака.
Позора Сулейман не приносил себе,
Он только милости дарил своей рабе;
Он не ярмо надел, но, в брак вступая вольно,
В подарок отдавал ей сердце добровольно.

А к о м а т

Роксана вам мила!

Б а я з е т

Довольно, Аконат!

Ведь я не жалею, что рок мой виноват.
Не причисляю смерть я к наихудшим бедам.
Я с детства к ней рвался, стремясь за вами следом,
А здешняя тюрьма, в которой заперт я,
Всегда вещала мне, что смерть близка моя;
По воле брата, мне она не раз грозила
Навек отнять все то, что было в жизни мило.
Но если ныне я приемлю с грустью весть...
Простите, Аконат, — увы! — причины есть
Сочувствовать сердцам, которым нет награды,
За то лишь, что по мне они томиться рады!

А к о м а т

Ах! В нашей смерти вы себя винить должны.
 Скажите слово лишь — и все мы спасены.
 Полки тех янычар, что ныне в Византии,
 Затем религии хранители святые,
 Которых почитать народ готов всегда,
 Покорный воле их, — все притекут сюда!
 В священные врата ввести вас все желают,
 Куда свой первый вход султаны совершают.

Б а я з е т

Ну что ж, мой Акомат, — раз так им дорог я,
 Из рук Роксаны пусть они спасут меня,
 Пусть двери вышибут, готовые сражаться,
 А с ними во главе и вы должны ворваться!
 Пусть буду ранен я, пусть истеку в крови, —
 Все лучше, чем во брак вступить не по любви.
 Как знать, быть может, я в сем хаосе смятенном
 Смогу себя спасти порывом дерзновенным,
 И вашей помощи дождусь, сражаясь, я,
 Пока придете вы освободить меня.

А к о м а т

Успею ль помешать, хоть ловок я недаром,
 Роксане мечь ее свершить одним ударом?
 Как стану звать друзей на столь опасный труд,
 Когда старанья их вам жизни не спасут?
 Вы обещать должны: пройдя сквозь испытанье,
 Пересмотреть свое бывшее обещанье.

Б а я з е т

Я!

А к о м а т

Для чего краснеть? Османов кровь вольна
 И рабски следовать всем клятвам не должна.

Героев — помните! — войны слепое право
Вело на край земли, и вслед летела слава.
Свободны побеждать и веровать вольны,
Они всем жертвовали счастию страны,
И пол-империи святой обосновалось
На том, что клятва их лишь редко соблюдалась.
Быть может, резок я...

Б а я з е т

Да, визирь, я слышал,
Что их успех страны далеко завлекал.
Но для себя они, всем жертвуя отчизне,
Ценою подлости не покупали жизни.

А к о м а т

О святость мужества! О верности закон!
Пусть гибель мне грозит, — я вами восхищен!
Но можно ль всё предать упорству шатких правил...
Ах! Аталиду к нам кто в добрый час направил?

Явление четвертое

Б а я з е т, А т а л и д а, А к о м а т

А к о м а т

На помощь, госпожа, ему грозит беда!
Он губит сам себя!

А т а л и д а

Я и пришла сюда!
Пока оставьте нас. Не вынеся потери,
Роксана во дворце замкнуть решила двери.
Не уходите же далеко, Акомат, —
Придется, может быть, вас скоро звать назад.

Явление пятое

Баязет, Аталида

Баязет

Расстаться должно нам! Я за обман наказан,
 Ваш хитрый ум теперь в своем проворстве связан, —
 От жребия меня ничем уж не спасти!
 Вот выбор: вас предать иль смерть себе найти!
 Что нам дала борьба, затеянная рьяно?
 Чуть позже я умру — вот и весь плод обмана!
 Я это предсказал, я знал, что путь таков,
 И вас удерживал от пагубных шагов...
 Во имя наших чувств теперь обет мне дайте:
 Свиданий гибельных с Роксаной избегайте.
 Вас слезы выдадут, — скрывайтесь от нее!
 Не станем длить и мы прощание свое.

Аталида

Нет, господин! Пора! Внимание к несчастной
 Не в силах одолеть ее судьбы злосчастной!
 Вам надобно скорей забыть меня совсем,
 Отречься от меня — и царствовать затем!

Баязет

Забыть вас?

Аталида

Так хочу! Я думала немало.
 Когда от ревности я раньше погибала,
 Себе без ужаса не представляла я,
 Что будете вы жить, отрекшись от меня.
 И если иногда соперницы счастливой
 Я образ видела в моей тоске ревнивой,
 То ваша смерть — молю простить любви слепой! —
 Уж не казалась мне ни мукой, ни бедой.

Но эту смерть тогда моим печальным взором
Не разглядела я со всем ее позором, —
Я вас не видела таким вот, как сейчас,
Готовым молвить мне прости в последний раз!
Я знаю, Баязет, что с твердостью готовы
Вы встретить смерть свою, принять ее оковы,
Что и в последний миг, чтоб сердцу дань отдать,
Готовы вздохами мне верность доказать.
Но мне не перенести злосчастной вашей смерти.
С моими силами удар свой соразмерьте,
Молю вас оградить меня от мук таких,
Которым не унять навеки слез моих.

Б а я з е т

Что ж с вами станется, когда б в мечтах о себе
Согласие на брак я дал при вас Роксане?

А т а л и д а

К чему вам знать о том, что станется со мной?
Быть может, я склонюсь перед своей судьбой,
И в горе, может быть, найду очарованье;
И думать буду я, сдержав свои рыданья,
Что вы решились смерть принять из-за меня,
Но живы потому, что так хотела я!

Б а я з е т

Нет, вам не знать такой жестокой перемены!
Чем дольше станете вы требовать измены,
Тем я верней пойму, что права нет у вас
На то, о чем меня вы просите сейчас.
Как! Эта вот любовь, которая как пламя
Росла в молчании, родившись вместе с нами,
И слезы, что умел лишь я остановить,
И столько клятв моих: одной лишь вами жить, —
Все это кончится, так подло, так поспешно?

Мне в жены взять кого? Я назову, конечно:
 Рабу, готовую одну себя ценить,
 Уже грозящую ослушника казнить,
 Чей выбор — брак иль смерть — мне равная обида;
 Тогда как чуткая к несчастьям Аталида,
 Что носит с честью наследственную кровь,
 Все в жертву отдает: — и нежность, и любовь...
 О! Пусть главу мою несут скорей султану, —
 Ее такой ценой я сохранять не стану!

А т а л и д а

Но вы могли бы жить, не изменяя мне.

Б а я з е т

Наставьте — как, и я вам покорюсь вполне!

А т а л и д а

Султанша любит вас, хоть и пылает мщеньем.
 Так будьте ж ласковей к ее любовным пеням,
 Пытайтесь снова в ней надежду пробудить
 На то, что...

Б а я з е т

Понял я, — но этому не быть!
 Иль думаете вы, что этот день смятенный
 Сломил мой гордый дух? Что в трусости презренной
 Боится он забот, что окружают трон,
 И смерть их тяготам предпочитает он?
 Быть может, виноват я в самомнении редком,
 Но, мыслью обращен к моим великим предкам,
 Мечтал я праздности позорной избежать
 И прадедам вослед в ряды героев встать.
 Но честолюбием и страстью одержимый,
 Я все ж не обману доверия любимой!
 Напрасно б обещал я вам спасти себя:

Ни очи, ни уста не могут лгать, любя.
И даже если б я упорствовал в обмане,
Мое смятение раскроет все Роксане,
И, оскорбленная, она тотчас поймет,
Что вздохи хладные не сердце ей несет.
Ах, истину оно давно бы ей открыло,
Когда бы мщение мне одному грозило,
И ненависть ее, на нас беду гоня,
Вас пощадила бы, обрушась на меня.
Как стану обещать я брачную ей близость?
Как буду в клятве лгать? Ужели эта низость...
О! Если бы любовь не ослепляла вас,
Вы изменили бы свой роковой наказ,
Быть может, даже стыд покрыл ланиты ваши!
Но я не дам испить вам недостойной чаши.
Прощайте же! Сейчас к Роксане я пойду,
Вы ж ждите здесь...

А т а л и д а

О нет! Я более не жду!
Сама я поведу к Роксане вас... Ни слова!
Сама все тайны ей я рассказать готова!
Раз мой возлюбленный, презрев, что я в слезах,
Задумал у меня погибнуть на глазах —
Пусть вам наперекор она сведет нас внове.
Не вашей, нет, — моей она возжаждет крови;
И я насытить вас смогу тогда вполне
Кровавым зрелищем, готовящимся мне.

Б а я з е т

О небеса! Что с ней?..

А т а л и д а

Жестокий! Кто дал право
Вам думать, что моя мне безразлична слава?

•

Иль мните, мне легко лжи требовать от вас?
Иль не стыдилась я себя самой сто раз?
Но если ваша смерть всегда стоит пред взором
И мне сейчас грозит таким же приговором, —
Ужель вам труден путь, которым я пошла?
За слово нежности Роксана бы могла,
Быть может, вас простить и снять с нас это бремя.
Вы сами видите, она дает вам время, —
И визиря от вас не стала удалять,
И стража не пришла, чтоб вас при мне связать.
Мне ясно, что она полна доселе вами,
Недаром гнев ее сменяется слезами.
Быть может, нужен ей один ваш вздох, чтоб вдруг
Оружье бросила счастливая из рук...
Ступайте ж, Баязет, и нашу жизнь спасите!

Б а я з е т

Пусть так... Какую ж речь пред ней держать велите?

А т а л и д а

Ах! Надо ль спрашивать, советов ждать моих...
Вам небеса и ум подскажут лучше их.
Мое присутствие Роксану лишь встревожит,
Один из нас, смутясь, другого выдать может.
Еще удар — и нам отсюда нет пути.
Скажите ей... всё то, что может нас спасти.



ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Аталида, Заира

Аталида

Заира, он теперь помилован, конечно?

Заира

Как я сказала вам, одна рабыня, спешно
Роксаны выполнить бежавшая приказ,
Настигла визиря у врат дворца как раз.
Красноречивей слов — хоть слов я не слыхала —
Волненье на его лице обозначало,
Что дело к лучшему, что во дворец опять
Он вызван вечный мир немедля заключать.
Мягкосердечный путь, зная, выбрала Роксана!

Аталида

О счастье мое! О радости! Нежданно
Вы снова от меня спешите убежать.
Однако долг свершен, — чего ж мне горевать?

Заира

Как! Вашу душу скорбь опять лишает мира?

А т а л и д а

Какими чарами, поведай мне, Заира,—
 Нет, клятвою какой смертельный свой удел
 Так быстро Баязет переменить сумел?
 Роксана в мщении казалась непреклонной;
 Что доказало ей, что перед ней влюбленный?
 Скажи: он женится на ней?

З а и р а

Не знаю я!
 Быть может, только так он мог спасти себя?
 Быть может, вашего держался он совета
 И дал согласие?

А т а л и д а

О, только бы не это!

З а и р а

Как! Вы жалеете, что в доброте своей
 Внушили мысль ему о сохранении дней?

А т а л и д а

Нет! нет! Он сделал то, что должен был! Я рада!
 О ревность жадная, тебе умолкнуть надо!
 Не я ль сама дала на этот брак приказ?
 Ах, добродетелью я превзошла всех вас!
 К ее решениям своих не добавляйте!
 Пусть он в объятиях соперницы, но знайте:
 Взойти на царский трон, пред ним представший вновь,
 Ему позволила одна моя любовь!
 Ему я жертвую собой неколебимо.
 Хотела я любви — глядите ж: я любима!
 И утешением мне служит то, что я
 Умру, довольна им, достойная себя.

З а и р а

Умрете?.. Но к чему столь мрачное стремленье?

А т а л и д а

Я уступила все, — уместно ль удивленье?
Иль именем беды ты хочешь заклеить
Ту смерть, что столько слез должна предупредить.
Он жив — чего ж желать? Он дорог мне — но что же,
Пусть посейчас еще он жизни мне дороже,
Но разве мера есть, чтоб чувство измерять?
Я так люблю его, что в силах ей отдать!
Увы! Ведь только прав он будет, полагая,
Что если для него все в жертву принесла я,
То сердце, полное таких забот о нем,
Воспримет с радостью и брак его... Идем,
Я все узнать хочу!..

З а и р а

Сюда идут. Сдержитесь!

Вам все поведают, княжна, не торопитесь!
Вот визирь.

Явление второе

А т а л и д а, А к о м а т, З а и р а

А к о м а т

Наконец любовники смогли

Прийти к согласию! Покой мы вновь нашли.
Султанша, гнев смягчив, мрачивший нашу долю,
Свою последнюю мне объявила волю:
Она сама со стен поднимет пред толпой
Всеустрашающий пророка стяг святой.
Предстанет Баязет народу с нами вместе,
А я поведаю причину грозной вести,
И страх спасительный оставшимся внушу,

И нового царя пред ними возглашу.
 Позвольте ж, в свой черед, напомнить, что за рвенья
 Я жду обещанного мне вознагражденья.
 Хоть пылкой нежности, что часто вижу я
 Среди возлюбленных, ждать трудно от меня,
 Но если старых лет достойным поклоненьем,
 Слепой покорностью, глубоким уваженьем —
 Всем тем, что царский род воспитывает в нас,
 Смогу я...

А т а л и д а

Подождем загадывать сейчас!
 Придет пора — ответ я буду дать готова...
 Скажите, нежность в них заметили вы снова?

А к о м а т

Как! Вы не верите, что пламенем полны
 Сердца, которые взаимно влюблены?

А т а л и д а

Все это так! Но все ж чудесно превращенье.
 Какую же ценой он вымолил прощенье?
 Он женится на ней?

А к о м а т

Как будто, госпожа!

Вот что заметил я, событиям служа:
 На распрю их взирал я с горьким удивленьем,
 Я видел, что судьба грозит всему крушеньем;
 Дворец покинуть я в отчаяньи решил,
 На нанятый корабль уж в гавани грузил
 Я все ценнейшее, что у меня осталось,
 И бегство в чуждый край моим мечтам являлось.
 Вдруг во дворец меня зовут от этих дел.
 Надеждой окрылен, я мчался, я летел.
 Открылся вход в сераль на голос мой сначала,
 Затем одна раба передо мной предстала

И тихо провела в покой. Роксана там
 Внимала радостно любовника речам.
 Кругом все замерло, храня благоговенье.
 Я сам сдержанье свое старался нетерпенье,
 На тайный разговор издали глядел
 И долго ждал конца, но подойти не смел.
 Но вот она ему влюбленный взгляд метнула
 И князю длань свою в знак мира протянула,
 А он вернул ей взор, исполненный любви,
 И чувства ей открыл, пылавшие в крови.

А т а л и д а

Увы!

А к о м а т

И тут меня Роксана увидала:
 Вот новый наш монарх! — султанша мне сказала.
 Его, мой Акомат, я поручаю вам,
 Готовьте почести ему, и пусть во храм
 Приветствовать его идет народ послушный;
 Сераль подаст для всех пример единодушный.
 Я пал к стопам его с покорностью былой,
 И тут же отошел, и скрылся с глаз долой,
 Счастливый, что могу в правдивом увереньи
 И вас оповестить об этом примиреньи.
 Спешил я принести дань уваженья вам.
 Монархом будет он — я в этом клятву дам!

Явление третье

А т а л и д а, З а и р а

А т а л и д а

Скорей отсюда прочь! Не нам их счастье мерить!

З а и р а

Поверьте, госпожа...

А т а л и д а

Чему ж еще мне верить?
 Каких событий ждать? — Я знаю все и так.
 Судьба решила все: они вступают в брак;
 Она речам его доверилась всецело.
 Но я не жалею — ведь я того хотела!
 Когда любовь ко мне переступить боясь,
 Но жертвуя собой, ушел к Роксане князь,
 Когда неся ко мне всю преданность и нежность,
 Роксане оставлял он только безнадежность,
 Когда моим мольбам он сдался, уходя,
 И слабой власти их так радовалась я,—
 Я все ж не верила, скрывать того не стану,
 Что пылкой речью он уговорит Роксану!
 А впрочем, может быть, он без большой борьбы
 Был с нею искренен, ища иной судьбы;
 Быть может, выказав ей новое вниманье,
 Увидел наконец он в ней очарованье,
 Быть может, мук ее он понял тяжкий гнет.
 Недаром трон слезам величье придает!
 Быть может, тронула его любовь такая...
 Ах, столько доводов предвидеть не могла я!

З а и р а

Еще сомнительным успех считаю я,—
 Увидим!

А т а л и д а

Нет! Того опровергать нельзя.
 Моя судьба ясна, в том больше нет сомненья.
 Я знаю, какова расплата за спасенье.
 Пусть князя я сама на этот путь влекла,
 Пусть послушания я от него ждала!
 Но после нежности в его прощальном взоре,

Но после стольких слов о безысходном горе,
К чему он ей твердил, что примиренью рад!
Нет! Странно все, что здесь поведал Акомат.
Будь ты судьей нам, — быть может, я пристрастна.
Зачем я в стороне? Зачем я так безгласна?
Иль мне тревожиться его судьбой нельзя?
И почему он сам сторонится меня?
То совесть тайная нашептывает речи!
Вот почему со мной он избегает встречи!
Что ж! Я освобожу его от всех забот —
Меня не встретит он.

З а и р а

Он сам сюда идет.

Явление четвертое

Б а я з е т, А т а л и д а, З а и р а

Б а я з е т

Я сделал все, что мог, чтоб вам повиноваться.
Теперь за жизнь мою не надо опасаться.
Я был бы рад, когда б не упрекала честь
За то, что у меня благополучье есть,
И если бы душа, краснея от обмана,
Простила бы мне грех, как сделала Роксана!
И все ж я праздную сегодня торжество:
Свободен я, могу у брата своего,
Без тайной помощи, без жалкого молчанья,
Оспаривать его любовницы признанья, —
Но в битвах, но в борьбе, опасности презрев,
Обрушив на него в чужой земле свой гнев,
На войско, на народ свое являя право.
Отныне между нас судьей будет слава!
Что вижу? Вы в слезах?

А т а л и д а

Они пройдут сейчас.

Я не ропшу на то, что счастье есть у вас.
 Когда бы не судьба — не быть такому чуду.
 Вы знаете, что я перечить ей не буду.
 С тех пор как я дышу, вы видели не раз,
 Что от любой беды я охраняла вас;
 Лишь смерть во мне убьет заботы и стремленья,
 Но в жертву вам я жизнь отдам без сожаленья!
 Все ж, если бы судьба моим мольбам вняла,
 Она б кончину мне счастливее дала,
 А вы б все так же в брак с соперницей вступили
 И в брачной верности Роксану убедили.
 Но и в супружестве вам не пристало б ей
 Давать, как дали вы, обет любви своей.
 Она б и так сочла себя вознагражденной,
 А я бы умерла воочью убежденной,
 Что вами мой приказ осуществлен вполне,
 Что вы ушли к другой из послушанья мне,
 И я б, неся к теньям всю вашу нежность, знала
 Что не любовника Роксане завещала.

Б а я з е т

Что говорите вы? Супруг, любовник... — чей?
 Что стало поводом для таких речей?
 Кто мог измыслить ложь, что я люблю Роксану,
 Что для нее одной я жить отныне стану?
 Вы знаете, к кому влеклась моя мечта.
 Но не могли того сказать мои уста,
 И не было нужды для этого обмана:
 Своим влечениям была верна Роксана,
 И потому ль, что мой возврат внезапный к ней
 Сочла за верный знак влюбленности моей,
 Иль время торопя, — она спешила сдаться,
 И только лишь пред ней я начал изъясняться,

Она мои слова слезами прервала,
И жизнь, и жребий мой мне в руки отдала,
В мою признательность поверив безмятежно
И веруя, что брак нас свяжет неизбежно.
Я сам, стыдясь ее беспечности слепой,
Незаслуженности ее любви такой,
В смятении от того, что, не поняв обмана,
Ответную любовь во мне прочла Роксана,—
Себя в злодействе я, в жестокости винил!
Поверьте, много мне понадобилось сил,
Чтоб чувства истинные скрыть в беспечном виде,
Зоя на помощь страсть и нежность к Аталиде.
И что ж, когда я к вам сюда спешу скорей,
Ища спасения от совести своей,—
Я в вас встречаю лишь глухое раздраженье,
И в вашей смерти мне вы шлете обвиненье,
И более того — я чувствую сейчас,
Что эта речь моя едва волнует вас!
Покончим же, княжна, с печальным разговором,
Не будем уязвлять друг друга горьким спором.
Позвольте действовать, как нужным я найду:
Незамедлительно к Роксане я пойду
Ее невольные рассеять заблужденья,
В которых первый я повинен, без сомненья.
Но вот она...

А т а л и д а

О князь... Когда я вам мила,
Молю вас не чинить себе признаньем зла!

Явление пятое

Роксана, Баязет, Аталида, Заира

Роксана

Князь, объявитесь им! Пора! Срок наступает,
Пусть вас сераль сейчас властителем признает;

Я отдала приказ — уже собрались тут
 Придворные, они моих велений ждут.
 Как верных подданных я вам отдать согласна
 Моих рабов; им вслед пойдет народ безгласно.
 Сударыня, могли ль поверить вы, что вновь
 За яростью такой последует любовь?
 Давно ли я клялась, когда отмстить решалась,
 Что Баязету жить недолго оставалось?
 Но вот заговорил со мною Баязет,—
 И что ж? — опять любовь несу ему в ответ:
 Я поняла, что есть любовь в его смятении,
 И дарю ему, обету вняв, прощенье.

Б а я з е т

Так! Я вам дал обет, я честью поклялся
 Не забывать того, чем вам обязан я:
 Я вам всегда готов заботой справедливой
 Воздать признательность за жребий мой счастливый.
 И если я могу ценой таких трудов
 Ждать вашей доброты — я ждать ее готов!

Явление шестое

Роксана, Аталида, Заира

Роксана

О небо, что это? Во сне я? На яву ли?
 Иль впрямь мои глаза меня не обманули?
 Как он суров со мной! А ледяная речь
 Готова в памяти все прежнее разжечь!
 Но как он смел тогда предаться вновь надежде,
 Что друга он во мне опять найдет, как прежде?
 А я-то верила, что искренно, любя,
 Он клялся, что по гроб мне отдает себя!

Иль он, мирясь со мной, повел игру иную,
И тешила себя надеждой я впустую?
А!.. Вы с ним виделись. О чем же вам сейчас
Он говорил?

А т а л и д а

О том, что так же любит вас!

Р о к с а н а

Еще бы! Он своей играет головою!
Одно лишь странно мне, — и я от вас не скрою, —
Казалось, ликовать он должен бы, а он
Какой-то горестью заметно омрачен.

А т а л и д а

Нет, горести я в нем отнюдь не замечала!
Когда мы встретились, он говорил немало
О вашей доброте, — он ею полон был, —
И он ушел таким, каким сюда входил.
Ах, госпожа, ужель достойно удивленья,
Что, доведя свой план почти до завершенья,
Князь беспокоится и не таит тревог,
Которых он в себе преодолеть не смог?

Р о к с а н а

Что ж! Баязета вы искусно защищали —
Красноречивей бы он сам сказал едва ли!

А т а л и д а

Зачем...

Р о к с а н а

Угодно вам твердить, что вы правы?
Я лучше знаю вас, что думаете вы!
Уйдите, — я хочу побыть в уединеньи.
Мне этот день принес достаточно волнений.

Я, так же, как и князь, полна забот своих,
И без свидетелей хочу обдумать их.

Явление седьмое

Роксана

Как отнестись к тому, что я сейчас узнала?
Ужель хитрить со мной — обычаем их стало?
Что значили его уход и эта речь?
Не удалось ли мне их взгляды подстеречь?
Она удивлена. Он слишком озадачен.
Ужель такой позор мне небом предназначен?
Так вот они, плоды слепой любви моей?
Тоска ночей моих, страданья стольких дней,
Мой тайный заговор, измена роковая, —
Ужель сопернице лишь ими помогла я?
Иль с горем, может быть, я слишком тороплюсь?
Оно пройдет — и я вновь к счастью вернусь.
Притворством счесть могла я искреннее чувство.
Но почему б ему не проявить искусства?
И коль он ждет венца притворству своему,
Что стоит только раз прикинуться ему?
Нет, нет... К чему терзать себя пустой обидой?
Кто говорит, что он пленился Аталидой?
Что для него она? Что ими решено?
Кому из нас двоих его венчать дано?
Однако власть любви для каждого понятна:
Быть может, красотой княжна ему приятна.
Тогда на что ему мой дар, и жизнь, и власть?
Подачкою нельзя изгнать из сердца страсть.
А я сама? Не я ль отвергла Амурата,
Лишь только Баязет мне стал милее брата?
Так! Если б не был он соединен с княжной,
Не стал его страшить тогда бы брак со мной.
Рискуя жизнью, он не стал бы без вниманья

Опровергать мои любовные желанья.
О, сколько доводов! Как тягостна их нить!
Эй! Кто там?

Явление восьмое

Роксана, Затима

Затима

Госпожа, прошу меня простить,
Из войска прибыл раб, — его сюда впустили:
Над морем, как всегда, врата замкнуты были,
Но стража тотчас же открыла их, склонясь
Пред волею того, кто шлет вам свой приказ.
Все ж странно, что султан сюда прислал Оркана.

Роксана

Оркана?

Затима

Да, его! Меж верных слуг султана
Он преданнее всех, всех беззаветней он, —
Под небом Африки, он среди рабов рожден.
Он ищет видеть вас и полон нетерпеньем.
Но поспешила я сюда с предупреждением,
И чтобы вас Оркан не мог врасплох застать,
Велела я его в покоях задержать.

Роксана

Какой бедой грозит мне это посещение?
Что мне вручит Оркан? Какое повеленье?
Сомненья нет — султан, не зная до сих пор
О князевой судьбе, шлет новый приговор.

Но нет, вам без меня не взять его — поймите!
Здесь все послушно мне! Но есть ли смысл в защите?
Кто для меня монарх? Князь или Амурат?
Я предала того, а этот будет рад
Предать меня. Как быть? Ведь промедленье грозно.
Мне надо действовать, пока еще не поздно!
Пускай любовники усердно прячут страсть,
Не трудно будет мне на след ее напасть.
Сразим соперницу, следить за князем будем:
Любовника — спасем, изменника — осудим.



ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

А т а л и д а , З а и р а

А т а л и д а

Ах, страх меня томит! Ты знаешь, здесь, у нас,
Оркана гнусный лик я видела сейчас,
Его прихода я должна теперь бояться!
Как страшно мне!.. Смогла ль ты с князем повидаться?
Что он тебе сказал? Как принял мой совет?
Роксану убедить он сможет или нет?

З а и р а

Предстать ему нельзя пред ней без приказанья,
Он должен ждать. Но все ж его от наказанья
Она из рук раба охотно бы спасла.
Как будто невзначай к нему я подошла,
И отдала письмо, и отошла с ответом,
Его прочтете вы сейчас в посланьи этом.

А т а л и д а (*читает*)

«Мы притворялись уж не раз,
И будет наш обман попрежнему напрасен,—
Но жизнь свою я защищать согласен,
Коль ваши дни с ней связаны сейчас.

С султаншей встречусь я; любезностью своею,
 Быть может, доказать ей преданность сумею,
 Быть может, гнев ее я удалю.
 Но жертв не требуйте! Вовек ни вам, ни смерти
 Не побудить меня о страсти лгать ей, верьте,
 Затем, что я лишь вас одну люблю!»
 Увы! Что пишет он? Иль я того не знаю?
 Иль я любви его, он мнит, не замечаю?
 Так вот как выполнить наказ мой он спешит!
 Пусть лучше не меня — Роксану убедит!
 Иль хочет новое внушить мне опасенье?
 О ревность дикая! О злое ослепленье!
 О ложь моя! Могла ль я подозренье скрыть?
 Что было делать мне: внимать иль говорить?
 Но поздно сетовать, была я — пусть невольно —
 Счастлива, а она, не видя лжи, — довольна...
 Заира, мчись к нему! Он должен быть готов
 На все, чтобы спастись. Мне мало этих слов.
 Пусть взор его, уста, — пусть все любовью дышит,
 Чтоб верила она, когда его услышит.
 О, если б я могла в нем рвенье разбудить
 И всю мою любовь ему в уста вложить!
 Но вновь боюсь обречь его я неудачам...

З а и р а

Роксана к вам идет...

А т а л и д а

Письмо скорее спрячем!

Явление второе

Роксана, Аталида, Затима, Заира

Р о к с а н а (*Затиме*)

Приказ в моих руках... Мы князя припугнем.

А т а л и д а (*Зауре*)

Ступай, беги к нему и убеди во всем!

Явление третье

Роксана, Аталида, Затима

Роксана

Сударыня, сейчас пришли из войска вести.
Известно ль вам, что там произошло на месте?

А т а л и д а

Раба из лагеря уже видала я,
Но что он сообщил, то — тайна для меня.

Роксана

Удачлив Амурат, его удел смягчился,
И ныне Вавилон султану покорился.

А т а л и д а

Как, госпожа! Осмин...

Роксана

Он многого не знал;
Оркан вослед ему оттуда путь держал.
Все сделано.

А т а л и д а (*в сторону*)

Увы!

Роксана

В придачу всем невзгодам,
Султан, вослед рабу, сюда идет походом.

А т а л и д а

Как! Разве перс ему не преградил пути?

Р о к с а н а

Не удалось, — и он спешит сюда придти.

А т а л и д а

Мне жаль вас, госпожа! Пришла пора, — спешите,
И давний замысел скорее завершите!

Р о к с а н а

Нет, опоздали мы, — султан теперь силен.

А т а л и д а *(в сторону)*

О небо!

Р о к с а н а

Нрав его и славой не смягчен.
Исполнить я должна теперь его желанье.

А т а л и д а

Но что он требует?

Р о к с а н а

Прочтите — вот посланье.
Вам ведомы его и почерк, и печать.

А т а л и д а

Да, руку властную не трудно мне узнать:

(Читает)

Еще до той поры, как Вавилон мне сдался,
Я написал приказ, и вам доставлен он:
Что вы послушны мне, я в том не сомневался,
И верю, Баязет теперь уже казнен.
Я Вавилон поправ, пятой раздавлен враг,
Я ныне вспять иду, ослушникам на страх,

И если жребий ваш попрежнему вам дорог,
Вы встретите меня с его главой в руках».

Роксана

Итак?

Аталида *(в сторону)*

Сокрой свои рыдания, Аталида!

Роксана

Итак?

Аталида

Владеет им кровавая обида,
Он думает, что князь поддержки не найдет, —
Не знает, что любовь его теперь спасет,
Что близость ваших душ доказана на деле,
Что, если нужно, вы умрете...

Роксана

Неужели?

Воздать за зло добром хотела б я сейчас,
Но...

Аталида

Что решили вы?

Роксана

Я?.. Выполнить приказ!

Аталида

Приказ исполнить...

Роксана

Что ж! Когда опасность губит,
Смириться надобно...

Аталида

И князь, что вас так любит,
Заплатит жизнью, что вам посвящена?

Р о к с а н а

Что делать! Но приказ я выполнить должна.

А т а л и д а

О жизнь... прости...

З а т и м а

Лежит... и дышит еле-еле.

Р о к с а н а

Несите в комнату соседнюю, к постели...
А станет говорить—старайтесь проследить,
Все то, что их любовь могло бы подтвердить.

Явление четвертое

Р о к с а н а

Воочью, наконец, ее раскрылась тайна...
Так я сопернице доверилась случайно?
Полгода верила, что страстно, день и ночь,
Она моей любви старается помочь,
На деле ж я была ее рабыней верной,
Полгода ей служба заботой непомерной,
Без счета способы стараясь отыскать,
Чтоб их счастливые свиданья облегчать;
Спешила столько раз, предупредив желанья,
Осуществить ее сладчайшие мечтанья!
Но бросим прошлое! Я выведать должна,
Чего могла достичь обманами она,
Мне надо... Ах, искать ответа безрассудно!
Мою беду прочесть в ее глазах нетрудно,
В ее смятении читаю без труда,
Что и сейчас она любовником горда.

Не зная ревности, как я, ни подозренья,
Она за жизнь его лишь чувствует волненье.
Пусть так! Что ж будет впредь? Быть может, и она
Была, подобно мне, в обман им введена?
Лишь хитрость тайная нас к истине приблизит...
Но этот подлый шаг мой царский сан унизит!
Ужель на этот путь вступить отважусь я,
Чтобы по праву мог он презирать меня?
Он угадает все и вновь меня обманет.
Но визирь, раб, приказ... Вас ждать ничто не станет!
Мой долг — решать. Пора! И лучше с этих пор
На все, что ясно мне, закрыть скорее взор!
Пусть выкажет себя неблагодарный. Бросим
Докучный сыск. Судьбу мы временем допросим:
Моим старанием поставленный на трон,
Решится ли предать любовь такую он?
Иль подло пренебречь признательностью сможет
И на соперницу мою венец возложит?
Пусть так! Сумсю я мгновенье улучшить,
Чтоб и разлучнице, и князю отомстить.
Всегда настороже, всегда тая обиду,
Врасплох застану я его и Аталиду.
Кинжал объединит их гибелью одной,
И после них пронзит он сердце мне самой.
Вот путь, который мне избрать необходимо!
Все остальное — прочь!

Явление пятое

Роксана, Затима

Роксана

Какую весть, Затима,
Несешь ты? Баязет еще в нес влюблен?
Что говорит она? И чем с ней связан он?

З а т и м а

Она безмолвствует. Как прежде, без сознания,
 Она недвижима под тяжестью страданья,
 Лишь изредка издаст то вздох, то слабый крик,
 Как если б бодрствовало сердце лишь на миг.
 Там ваши женщины, ей помощь подавая,
 Грудь обнажили ей, дыханье облегчая.
 И помня ваш наказ, я возле них была
 И на сердце у ней записку я нашла;
 Узнала сразу же я почерк Баязета
 И порешила вам письмо доставить это.

Р о к с а н а

Поддай... Как я дрожу! Неведомый испуг
 То леденит меня, то в дрожь бросает вдруг!
 Но, может быть, письмо ничем не угрожает,
 А может быть... Прочтем, о чем он сообщает:
 «. Вовек ни вам, ни смерти
 Не побудить меня о страсти лгать ей, верьте,
 Затем, что я лишь вас одну люблю».
 А! Наконец-то я об их измене знаю!
 Предательский обман теперь я понимаю!
 Так вот моею любви награда, наконец, —
 На то ль тебе я жизнь оставила, подлец?
 О, как легко дышать! Я радости не скрою:
 Изменник сам себя мне выдал с головою!
 Свободна от забот, что мучили меня,
 Теперь спокойно мстить я в праве за себя.
 Так пусть же он умрет! Скорей! Пусть будет схвачен!
 Пусть ждет его палач! Уж нами час назначен!
 Пусть будут петли те сюда принесены,
 Которые таких, как он, казнить должны.
 Беги, Затима! Пусть скорее грянет мщенье!

З а т и м а

О госпожа!

Р о к с а н а

Ты ждешь?..

З а т и м а

Явите снисхожденье!

Ваш справедливый гнев оправдываю я,
Но умоляю вас все ж выслушать меня.
Конечно, Баязет не должен жить на свете;
Конечно, заслужил он смерть за козни эти;
Но поразмыслите: сколь он ни виноват,
Вам не страшнее ли сегодня Амурат?
Что если кто-нибудь, приспешник старой власти,
Султану нашептал о вашей новой страсти?
Вы слишком знаете таких людей, как он:
Нельзя прощенья ждать, когда он оскорблен.
И казнь, что у него бессменно наготове,
Воздаст вам за позор обманутой любви.

Р о к с а н а

С какою наглостью, с жестокостью какой
Осмелились они смеяться надо мной!
А я им верила, себе готова беды!
Изменник, — нет, тебе не одержать победы!
Иль безнаказанно ты думаешь играть
Тем сердцем, что само страшилось правду знать?
Не я ль, забывши сан и полная участия,
Пришла тебе помочь среди твоего несчастья,
Чтоб независимый и мирный жребий свой
Связать с опасностью, нависшей над тобой?
И что ж, в ответ на все заботы и старанья,
Ты мне не подарил любовного признанья...
Но для чего сейчас об этом вспоминать?
Ты плачешь, бедная? Ах, поздно горевать!
Ты лучше б плакала, когда безумье это
Тебе внушило мысль увидеть Баязета.

Ты плачешь здесь, а он, как прежде, не любя,
 Опять готовит речь, чтоб обольстить тебя.
 Он жизнь свою хранит, чтоб слить ее с княжною...
 Предатель! Ты умрешь!.. Затима! Ты со мною?..
 Ступай! И мне пора — меня мой долг зовет:
 Пусть встретит князь меня, пусть месть мою поймет.
 Я предъявлю ему султана повеленье
 И это вот письмо, измены подтвержденье.
 Ты ж удержи княжну! Пусть, умирая, он
 Взамен прощания ее услышит стон.
 Будь неотлучно с ней, блюди ее, Затима,
 Мне для расплаты жизнь ее необходима.
 О! Если так нежна она к нему была,
 Что, за него страшась, едва не умерла,
 Как много у меня орудий для отмщенья!
 Ей труп его явить — ужель не наслажденье?
 Иль видеть взгляд ее, недвижимый, как во сне!
 Я счастье им дала, — так вот отплата мне!
 Ступай, следи за ней, всегда храни молчанье!
 Я ж... Кто идет сюда замедлить наказанье?

Явление шестое

Роксана, Акомат, Осмин

Акомат

Что задержало вас? Мы медлить не вольны,
 Проходит всеу день, столь важный для страны!
 Вся Византия ждет. Но страх ее тревожит —
 Бездействия вождей никто понять не может.
 Мои ж соратники тревожатся вдвойне
 И знака ждут от вас, обещанного мне.
 Так почему ж в ответ на общее желанье
 Сераль еще хранит угрюмое молчанье?
 Решайтесь, госпожа, и тотчас ваш приказ...

Р о к с а н а

Что ж! Радуйтесь! Его я объявлю сейчас.

А к о м а т

Но взор ваш омрачен, а голос строже вдвое...
Наперекор словам я в них прочел другое.
Иль ваша страсть теперь, когда препятствий нет...

Р о к с а н а

Он слишком долго жил, изменник Баязет!

А к о м а т

Как!

Р о к с а н а

Да! Ни мне, ни вам не показал он вида,
Что нас обманывал...

А к о м а т

Ужели?

Р о к с а н а

Аталида,

Что недостойна быть наградой для того,
Кто князю так служил, так опекал его...

А к о м а т

Что слышу?..

Р о к с а н а

Вот письмо! Мне важно ваше слово:
Достойно ли падить изменника такого?
Не надо ль выполнить, что приказал султан?
Он возвращается, сломивши вражий стан,

И мы, предателя казнив по воле брата,
Задобрим, может быть, той жертвой Амурата»

А к о м а т (возвращая ей письмо)

О! Если смеет князь так оскорблять меня,
Задуманную месть свершить согласен я,
Друг друга должно нам омыть от преступления.
Преступник Баязет поверг нас в заблужденье,—
Я сам покончу с ним! Где он?..

Р о к с а н а

Нет, Акомат,
Я вам не уступлю: месть слаще всех наград!
Хочу его стыдом сама я насладиться,
Казнь будет медленной, не надо торопиться.
Я приготовлю все! А вы пока скорей
Ступайте распустить собрание друзей.

Явление седьмое

А к о м а т, О с м и н

А к о м а т

Постой, Осмин, идти нам время не приспело!

О с м и н

Как! Страсть вас довела до этого предела?
И ваша мстительность доходит до того,
Что вы хотели бы увидеть смерть его?

А к о м а т

О чем ты говоришь? Не счел ли ты, наивный,
И гнев мой искренним, и ярость неизбывной?
Мне ль ревность чувствовать?.. Нет, был бы счастлив я,
Когда б обидел князь лишь одного меня!

О с м и н

Так почему ж тогда, не защитив нimalo...

А к о м а т

Ах, мне внимать сейчас Роксана бы не стала.
Не для того сюда я поспешил придти,
Чтоб гибнуть вместе с ней, но чтоб себя спасти!
Быть всем советником и кончить неудачей!..
Ослеп ли Баязет?.. Увы, я сам, незрячий,
Вручил младым рукам течение дней своих,
Я сам на склоне лет, средь почестей таких,
Решил сан визиря в зависимость поставить
От рока любящих... Ошибся, что лукавить!..

О с м и н

Так предоставьте же их собственной судьбе:
Князь ищет смерти сам. Заботьтесь о себе!..
Узнать ваш тайный план никто не в состоянии,
Надежные друзья все сохранят в молчаньи.
Смерть князя может гнев от визиря отвлечь.

А к о м а т

Роксаны яростной достойна эта речь:
Я дальновиднее, я — давний страж закона,
Постиг науку я страну править с трона;
При трех султанах я, старея, службу нес,
Я помню, что стерпеть их визирям пришлось.
Знай, тот, кому грозит опала и паденье, —
Тот только в смелости найдет себе спасенье.
И смерть кровавая — единственный исход —
Владыку иль раба в их несогласьи ждет.

О с м и н

Бегите же!

А к о м а т

Я сам питал к тому влечение,
 Но был мой план тогда далек от совершенья,
 А ныне не хочу позорно отступить,
 Я должен славою паденье окружить;
 А позади себя надежную преграду,
 Чтоб удержать врагов, оставляю им в награду.
 Жив Баязет еще: чему ж дивиться нам?
 Его издалекá вернул не я ли сам?
 Спасем же и теперь его из-под охраны
 Ради себя, друзей, ради самой Роксаны!
 Знай, в сердце у нее ему защита есть,
 Раз не дала она над ним свершить мне месть.
 Я не знаток любви, однакож все то знают,
 Что тот не осужден, кого стыдить желают.
 Есть срок еще у нас! Тоской любви полна,
 Захочет с ним опять увидеться она.

О с м и н

Но в этой смелости какая вам отрада?
 Роксана повелит — и отступить вам надо!
 Дворец ведь полон...

А к о м а т

Да, рабов, которых плен
 Вскормил вдали от войн, в тени дворцовых стен,
 Но ты, чьи доблести султан ценил так мало,
 Кого сейчас беда с моей судьбой связала, —
 Тебе по сердцу ли стремительность моя?

О с м и н

Обидна ваша речь! Вам — смерть? Умру и я!

А к о м а т

Друзья и воины отважною толпою
У входа во дворец нас ждут,—ступай за мною!
Султанша доверять привыкла мне вполне:
В серале вырос я, здесь все знакомо мне.
Я знаю, как пройти в покои Баязета.
Что медлить! Если смерть настигнет нас за это,
Погибнем вместе мы: умру как визирь я,
Ты ж — как наперсник мой, не бросивший меня.



ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

А т а л и д а

Увы! Зачем искать? Кому б сюда явиться?
Как я, несчастная, могла его лишиться?
Ты ль пагубной любви позволил, рок, сейчас
Его опасностям подвергнуть столько раз?
Ах! Для чего нашла, лишив меня покоя,
Моя соперница посланье роковое.
Вот тут стояла я, когда она пришла,
Я на груди письмо, робея, берегла.
Но душу мне она отчаяньем смутила,
Приказом, голосом, угрозами сломила,
И сил, и разума — всего лишилась я;
Очнулась — женщины стояли вокруг меня;
Вдруг на моих глазах толпа их поредела.
Жестокие персты свершили злое дело!
Не помощь — смерть несли они груди моей,
Заветное письмо попало в руки к ней.
Какие ж затаит Роксана вождельенья?
Кто станет жертвою неистового мщенья?
И кровью злость ее насытит кто из нас?
Ах! Баязет умрет иль мертв уже сейчас!
А я под стражею! Я взаперти страдаю!
Но вот гремит засов. Я все сейчас узнаю.

Явление второе

Роксана, Аталида, Затима, стражи

Роксана (*Аталиде*)

Уйдите.

Аталида

Госпожа... я смущена вдвойне...

Роксана

Вам сказано уйти — не возражайте мне!
Эй, стража, прочь ее!

Явление третье

Роксана, Затима

Роксана

Затима, все готово:

Немые и Оркан уж жертву ждут сурово.
Но я еще пока властна над ним — и вот,
Пока он здесь — он жив, но выйдя — он умрет.
Где ж он?

Затима

Его сюда раба сопровождает.
Но участи своей он, видимо, не знает.
Мне даже кажется, что вышел, торопясь,
Из горницы своей к вам на свиданье князь:

Роксана

Душа трусливая, обмана ты достойна!
Ужели встречу с ним ты вынесешь спокойно?
Не речью ли его ты хочешь победить?
Ужель, коль сдастся он, ты сможешь все простить?
Ужель для мщения не подоспело время?
Ужели новой лжи нести ты хочешь бремя?

•

Ведь сердца черствого не трогает мой стон, —
 Что ж медлю с казнию я?.. Однако вот и он.

Явление четвертое

Баязет, Роксана

Роксана

Не стану делать вам ненужные укоры;
 Нам время некогда терять на разговоры.
 Вам жизнь сохранена — то плод забот моих!
 Вы это знаете, — что говорить о них?
 И если все ж — увы! — любимой я не стала,
 Я не ропщу отнюдь — хоть я мечту питала,
 Что доказательства столь преданной любви
 Бессилье чар моих вам заменить могли.
 И все же я дивлюсь, что, мне не дав ответа
 Ни на любовь мою, ни на доверье это,
 Вы, лицемерствуя и лишь обман цenia,
 Решили сделать вид, что любите меня.

Баязет

Я, госпожа?

Роксана

Да, ты! Иль, может быть, ты станешь
 Презренье отрицать, в надежде, что обманешь?
 Иль вновь захочешь ты волненьем ложным скрыть,
 Что тянется к другой твоих влечений нить?
 И станешь, словно бы не зная об обиде,
 Мне клясться в том же, в чем клялся Аталиде?

Баязет

Я?.. Аталиде? Как? О небо! Кто сказал...

Роксана

Коварный, вот — смотри! Не сам ли ты писал?..

Б а я в е т *(кинув взгляд на письмо)*

О чем нам говорить? Доверена случайно
Правдивому письму любви несчастной тайна,
Раскрыт секрет, давно готовый явным быть.
О, сколько раз хотел я вам его открыть!
Да, я люблю ее, но знаете ль, что прежде,
Чем вы в своей любви, на зло моей надежде,
Признались мне, — уж я любил ее давно?
А новых чувств с тех пор мне знать не суждено!
Конечно, жизнь и трон предложены мне вами,
Но ваша страсть, гордясь столь щедрыми дарами,—
Напомнить смею ли? — решила за меня,
Что теми ж чувствами вам отвечаю я.
Я знал, ошиблись вы, но что я мог? Скажите!
Я видел, что своим вы чувством дорожите.
Меня же издавна манил отцовский трон.
На новую судьбу открыл мне взоры он.
Я поспешил принять, забывши осторожность,
Из рабства выбраться счастливую возможность;
Согласье или смерть — один исход был мне.
Вы ж в роковой любви пылали как в огне!
Я знал, что мой отказ вас устрашал безмерно,
Затем, что погубить он мог бы вас наверно,
Затем, что после встреч и сговора со мной
Опасно было б вам идти назад одной.
Но к вашим жалобам я должен обратиться,—
И обвинение едва ли подтвердится!
Скажите, сколько раз винили вы меня,
Что лишь безмолвием отвечаю вам я?
Чем ближе вы вели меня к желанной славе,
Тем больше мучиться молчаньем был я в праве.
Но знают небеса, что в эти дни я сам
Не только отдался беспомощным мечтам.
О, нет! Когда б я им нашел осуществленье,
Я б так вам выказал свое расположение,

Так вашей гордости старался услужить,
 Такими б почестями смог вас окружить,
 Что вы...

Р о к с а н а

Как жалок ты со всей твоею властью!
 Что мог бы ты мне дать, не отвечая страстью?
 Что изобрести могла б признательность твоя?
 Иль ты уже посмел забыть о том, кто я?
 Владыка этих мест, твоей властитель жизни,
 Кому доверена забота об отчизне,
 Султанша, — я хочу без дележа царить
 Над сердцем, что меня одну должно любить!
 Я царствую! Так что ж прибавит мне улады?
 Какой постыдной ждать мне от тебя награды?
 Иль я должна влачить свой жребий роковой,
 Отвергнутая тем, кто коронован мной,
 Утратившая сан, познавшая обиды,
 Иль просто — первая раба у Аталиды?
 Оставим болтовню! Скажи в последний раз,
 Угодно ли тебе вступить на трон сейчас?
 Иль я должна свершить вельенье Амурата?
 Ответь, но тотчас же...

Б а я з е т

За жизнь — какая плата?

Р о к с а н а

Пойдем со мной туда, где Аталида ждет,
 Чтоб видеть, как она от рук рабов умрет,
 Забудь свою любовь, она для славы — бремя!
 Клянись быть верным мне — всё успокоит время!
 Вот какова теперь прощенья цена...

Б а я з е т

Готов! Но лишь затем, чтоб вам воздать сполна,
 Чтоб бросить вам в лицо пред всей страной презренье.

Вот мой прямой ответ на ваше предложенье!
Однако что за гнев меня побудить мог
Пред вами отягчать ее печальный рок?
Клянусь: она моей сообщницей не стала!
Ни страсть, ни ложь мою она не разделяла!
Она бесхитростно просила у меня,
Чтоб с вами узами соединился я.
С ее невинностью мой грех не совмещайте!
Ваш справедливый гнев на мне лишь вымещайте,
И выполните то, о чем гласит приказ.
Готов я умереть, не проклиная вас.
Ведь не обрек султан ее со мною вместе.
Столь горестную жизнь не подвергайте ж мести!
Будь милосердые — вам единственный закон.
И если дорог был я вам...

Р о к с а н а

Ступайте вон!

Явление пятое

Р о к с а н а, З а т и м а

Р о к с а н а

В последний раз меня ты видел, вероломный,
Прими ж возмездие за свой проступок темный!

З а т и м а

Там Аталида ждет: у ваших ног склоняюсь,
Она предупредить о чем-то хочет вас.
Она торопится с признаньем не случайно:
Вас больше, чем ее, коснется эта тайна.

Р о к с а н а

Впусти! А ты пойдешь за князем наблюдать.
Когда ж его судьба свершится, дай мне знать!

Явление шестое

Роксана, Аталида

Аталида

Я больше, госпожа, притворствовать не стану,
 Не стану прибегать я к прежнему обману,
 Так, по заслугам я встречаю в вас вражду,
 Но ныне я свой грех у ваших ног кладу.
 Я обрекала вас и лжи, и суесловью:
 Всегда поглощена одной своей любовью,
 Была я далека от послушанья вам,
 Замыслив наперед, что вас потом предам.
 Князь с детства дорог мне, и он с того же срока
 За тысячи забот стал предан мне глубоко.
 Султанша, мать его, презрев грядущий час, —
 Увы! — на горе нам не разнимала нас.
 Потом явились вы, — и вам была б удача,
 Когда б, от этих глаз свое влечение пряча,
 Вы ревности моей могли бы избежать!
 Я не черню себя, чтоб князя оправдать, —
 Нет, — небом вам клянусь, не терпящим обманов,
 И тенью праотцев, великих Оттоманов,
 Готовых умолять со мною вместе вас
 О жалости к тому, кто обречен сейчас,
 Что близок день, когда вас Баязет оценит
 И равнодушие к вам любовью заменит!
 Ревнуя и борясь, пытаюсь показать
 Всё, что тогда могло его бы удержать,
 Я в ход пустила всё: и гнев, и плач, и пени,
 И память матери — нежно любимой тени!
 И даже в этот день, несчастнейший из дней,
 Когда он подарил вас ласкою своей,
 Самоубийством я ревниво угрожала,
 Я домогательства — увы! — не прекращала,
 И вырвала ответ у князя роковой.

Чего достигла я? Он гибнет вслед за мной...
За что же вы его своих доброт лишите?
Былую хблдность невинному простите:
Виновна я одна, мной узел рассечен,
Но я умру — и вновь соединит вас он!
Но как бы ни была преступна я пред вами,
Пусть изречется казнь не вашими устами,
Чтоб не был причинен ущерб его любви,
Чтоб вас виновной он не счел в моей крови.
Вы сердца нежного бессилье пощадите —
Мой жребий мне самой исполнить поручите.
Я смерти, госпожа, своей не задержу,
Я смертью вашему блаженству послужу.
Любить вас будет князь, на власть его венчайте!
Пускай погибну я — ему всю честь воздайте!
Идите, госпожа, идите — пробил час,
Я от соперницы теперь избавлю вас!

Р о к с а н а

Я жертвы столь большой совсем не заслужила.
Я справедливости воздать всю дань решила.
К чему вас разлучать? Не лучше ли тотчас
Навеки узами связать обоих вас?
Да будет ваша связь отныне нерушима.
Но встаньте!.. Что с тобой, что хочешь ты, Затима?

Явление седьмое

Р о к с а н а, А т а л и д а, З а т и м а

З а т и м а

Скорее, госпожа, иль нет пути назад!
Уж захватил дворец мятежный Акомат.
Его сообщники сейчас врата взломали,
В священный дом владык мятежники бежали;
Дрожа пред визирем, уже бегут рабы,
Не зная, за кого он поднял стяг борьбы.

Роксана

Изменники! Туда! Я их смирить сумею.
Ты ж пленницу храни и здесь останься с нею.

Явление восьмое

Аталида, Затима

Аталида

О сердце бедное, о чем судьбу молить?
Не знаю, кто из них мне может пособить!
А ты... ужели ты ко мне неумолима?
Я не прошу тебя мне все раскрыть, Затима.
Да и к чему они, Роксаны тайны, мне?
Поведай лишь, где князь? Ведь мы наедине!
Могу ли я за жизнь его не опасаться?

Затима

Я лишь в сочувствии осмелюсь вам признаться.

Аталида

Ужель она его решилась осудить?

Затима

Мне тайну, госпожа, приказано хранить.

Аталида

Несчастливая, скажи, он жив? Одно лишь слово!

Затима

Рискую жизнью я, и не отвечу снова.

Аталида

Ах, так? Жестокая! Что ж, довершай! Клинок
Усердья твоего ей лучший даст залог...

Пронзи же сердце то, что молча мучишь ныне,
Жестокая раба безжалостной рабыни!
Мое обречено и так уж бытие,
Яви ж себя слугой, достойною ее!
К чему стеречь меня? Ведь мне немного надо:
Иль я увижусь с ним, иль буду смерти рада!

Явление девятое

А т а л и д а, А к о м а т, З а т и м а

А к о м а т

Но где же Баязет? Где мне его найти?
Ужели я его уж опоздал спасти?
Я обыскал сераль. Одним путем, от входа,
Часть храбрецов моих, отважного народа,
С Осмином кинулась пустеющим дворцом,
Вторая часть со мной прошла другим концом,
Но где бы мы ни шли — дрожащие, в испуге,
Повсюду прятались лишь женщины да слуги...

А т а л и д а

Ах! О его судьбе не боле знаю я!
Затима же молчит...

А к о м а т

Ты! Не гневи меня!

Ответь!

Явление десятое

А т а л и д а, А к о м а т, З а т и м а, З а и р а

З а и р а

О госпожа!..

А т а л и д а

Что твой приход вешает?

Скажи!..

З а и р а

Вы спасены: ваш недруг умирает!

А т а л и д а

Роксана?..

З а и р а

Удивит, быть может, это вас:

Оркан, да, сам Оркан ее убил сейчас!

А т а л и д а

Как!

З а и р а

В страхе, что не смог исполнить повеленья,
Он этой жертвою решил купить прощенье.

А т а л и д а

Невинность спасена! Судьбою князь храним!
Бегите ж, Акомат, и повидайтесь с ним!

З а и р а

Осмин расскажет вам всё в точности, что было,
Он видел...

Явление одиннадцатое

А т а л и д а, А к о м а т, З а и р а, О с м и н

А к о м а т

Правду ли Заира сообщила?
Мертва ль Роксана?

О с м и н

Да, убийца вынимал
 При мне из ран ее дымящийся кинжал!
 Готовил уж давно Оркан свою затею:
 Служа Роксане, ждал, чтобы покончить с нею.
 Так повелел султан; он тайный дал завет
 Роксану умертвить любовнику вослед.
 Нас издали Оркан увидел, и тогда-то
 Вскричал: «Падите ниц пред волей Амурата!
 Священной подписи узнайте образец!
 Изменники! тотчас покиньте все дворец!
 И бросив мертвую султаншу, величаво
 Он к нам приблизился, держа в руке кровавой
 Развернутый приказ, желая подтвердить,
 Что сам султан велел двойную казнь свершить.
 Но мы уже внимать Оркану не желали,
 Мы скорбью мучились, мы бешенством пылали
 И смертью ему воздали мы в ответ,
 И кровью был отмщен несчастный Баязет.

А т а л и д а

Как!

А к о м а т

Что ты говоришь?

О с м и н

О смерти Баязета

Ужель не знали вы?

А т а л и д а

О небо!

О с м и н

Мщенье это

Сама любовница свершила, торопясь.
 Так роковые дни — увы! — окончил князь!

Я видел смерть его, она была ужасна.
 Я признаков искал в нем жизни, но напрасно —
 Был бездыханен он. Когда я подбежал,
 Среди умирающих и мертвых он лежал,
 Погибших за него, сраженных смертью злою,
 Во мрачный край теней ушедших вслед герою.
 Но дело сделано. Нас ждет самих борьба.

А к о м а т

Куда ты завела меня, моя судьба!
 Я знаю, госпожа, как велика потеря,
 Но, горю вашему сочувствуя и веря,
 Вам дать уж не могу на помощь никого.
 Мы все надеялись, безумцы, на него!
 Скорблю о князе я, в отчаяньи немею,
 Но голову свою спасать один не смею:
 За то, что мне друзья доверили сердца,
 Их жизни защищать я буду до конца.
 Но если этот край согласны вы оставить,
 Мы безопасность вам сумеем предоставить.
 Решайте: здесь еще распоряжаюсь я,
 Готовы сделать всё для вас мои друзья.
 А я, чтоб не терять минуты дорогие,
 Бегу туда, где ждут меня дела другие.
 Я у подножья стен, где пена на камнях,
 Вас встречу, чтобы в путь отплыть на кораблях.

Явление двенадцатое

А т а л и д а, З а и р а

А т а л и д а

Итак, свершилось всё; уловками и мщеньем,
 Слезами мрачными, неверным подозреньем,
 Я привела себя к минуте роковой,
 Когда из-за меня любовник гибнет мой!

Судьба жестокая, иль ты мне мало мстила,
Что князя пережить меня ты осудила?
И даже смерть его, вдобавок ко всему,
Должна я приписать безумству своему!
Любимый, жизни я тебя лишила рано!
Нет, не султан ее похитил, не Роксана —
Предательскую нить сплела одна лишь я,
И вот ее узлы опутали тебя!
Как буду дальше жить, об этом вспоминая,
Коль даже в грозный миг, несчастья ожидая,
Жила без разума, лишь о себе скорбя?
Ах! Лишь убить тебя смогла любовь моя!
Нет, быстрой жертвою должна без промедленья
Я наказать себя и дать тебе отмщенье!
А вы, герои, — вы, кто мог бы в нем ожить,
Чью славу и покой мне суждено сломить, —
Ты, мать несчастная, жизнь этого героя
Доверившая мне в надежде на иное,
Роксана, Акомат, несчастные друзья,
Соединитесь все, чтоб осудить меня!
Все, все любовницу безумную терзайте
И мщенью должному преступницу предайте!

(Убивает себя.)

З а и р а

Ах, госпожа... Конец! О небо! Отчего
Не умерла и я от горя своего?





АНАТОЛЬ ФРАНС
ЖАН РАСИН



ЖАН РАСИН

Перевод К. Локса

Ришелье завершал объединение Франции. Корнель дал «Сида», Декарт — «Рассуждение о методе». В год, когда появилась трагедия «Горации», в пеленках орал ребенок, которому предстояло стать поэтом «Андромахи» и «Аталии».

Жан Расин родился в Ферте-Милоне от Жана Расина, окружного прокурора суда, и Жанны Сконен и был крещен 22 декабря 1639 года. Жан, его дед, служил по соляным податям; Жан, его прадед, королевский сборщик налогов с владений и герцогства Валуа, и с соляных амбаров в Ферте-Милоне и Крепи-Валуа, был пожалован дворянским достоинством. Окна дома Расинов по улице Пескери были расписаны знаками их герба: по лавури изображение крысы и серебряного лебедя. Но художник, писавший по стеклу, заменил крысу кабаном, что послужило поводом для процесса. Поэт Жан Расин впоследствии отказался от этой крысы или этого кабана и сохранил только изображение серебряного лебедя на лавурном поле.

Это была по-провинциальному строгая семья, где женщины часто уходили в монастырь. Семья была прочно связана с ясенистами. Витары, родственники Расинов, в 1638 году дали убежище отшельникам Пор-Рояля, изгнанным из своей обители. Семья Сконенов давала монахов и богословов монастырю св. Женевьевы.

Жану Расину было тринадцать месяцев, когда от родов умерла его мать, и три года, когда смерть отца оставила его на попечении Марии де-Мулен, его бабки, которая, овдовев

в 1649 году, удалилась в Пор-Рояль. Жан был тогда же помещен в коллеж города Бове, где и пробыл шесть лет под наблюдением наставников, преданных янсенизму. На семнадцатом году, вызванный бабкой и тетками, жившими в Пор-Рояле, он был принят Николем и Ланселотом в школу Гранжа. В этом суровом доме он занимался древними языками и изучил греческий под руководством учителя, который сочинил:

... сей сад, в котором нет цветов,
Но полн зато корней отборных
И просвещенью плодотворных.¹

Расин был сиротой: Пор-Рояль стал его семьей. Леместр именовал его своим сыном. Известно, какой добротой отличался Николь, один из его учителей. В ту пору отшельники были надежны одной лишней красотой: они были несчастны. Они страдали от преследований; их школы разгонялись. Три года, проведенные в этой монашеской пустыне, привили Расину известную склонность к янсенизму, которая возобладала в нем к концу жизни.

Ученик Леместра бродил в свободные часы по лесам аббатства, с Софоклом и Еврипидом, которых знал наизусть. Он слал стансы о лугах, о лесах, о монастырском пруде. Благочестивое и замкнутое воспитание обладает особым очарованием для юных и пылких душ, когда не удушает их. Монастырь надевает чрезмерно широкие или чрезмерно разбрасывающиеся умы, дабы целиком поглотить их, необычным недугом, в котором есть, впрочем, и кое-какая услада: болезнью вымыслов, опасным даром переплестать жизнь с грезой, с видениями, с прекрасными образами, и погружаться в их любимое небытие. Когда Сен-Сиран говорил в доме, где все почтительно внимало ему, что Вергилий предан вечному осуждению за свои прекрасные стихи, он тем самым окутывал для чувствительного школьника тень Дидоны меланхоличным и сладостным счарованием. Религия дает сладострастным душам лишнее сладострастие: сладострастие гибели.

¹ Вступление к «Саду греческих корней».

Говорят, что юное воображение Расина было взволновано в этой тиши классных комнат и в умиротворенности часовен речами любви в романе о «Теагене и Хариклее». Прекрасные образы бродят в душах поэтов раньше, нежели они умеют их выразить.

Расину было девятнадцать лет, когда он вышел из Пор-Рояля, чтобы начать курс философии в коллеже Гаркура. Неадолго до этого он поселился поблизости от своего дяди, Витара, в особняке, принадлежавшем герцогу де-Люин, где дышал воздухом современности. Он очень дружил тогда с молодым аббатом, у которого было «сердце весьма нежное и расположенное к приятным впечатлениям любви». ¹ Левассер вел знакомство с актрисами и, выходя из дому, надевал белую одежду аббатства Сен-Жан де-Винь. Дядя Витар тоже любил светский образ жизни и мадригалы; своего племянника, «средства которого были очень невелики», ² он ссужал деньгами. Расин писал легкие стишки, два-три раза в день ходил в кабачок и был на пути к тому, чтобы стать светским человеком. В таком-то времяпрепровождении он и написал оду на бракосочетание короля — «Нимфа Сень».

Витар отнес ее Шапелену, который распоряжался ключом от королевской шкатулки. Шапелен сделал замечание, что нельзя пускать тритонов в реку. Расин убрал тритонов и получил награду.

Двадцатидвухлетний король, невежественный, гордый, упрямый, принял бразды правления над королевством, ставшим наконец всемогущим в итоге векового труда великих работников Франции. Людовик XIV любил женщин и власть; потом он полюбил сады, сооружения, поездки в карете по лагерям. Вступив в брак, он стал развлекаться сам и развлекать знать балетами и каруселями, его двор, изысканный и пышный, становился образцом для драматургов.

Расин написал в эту пору две пьесы в стихах, не дошедшие до нас: «Амазию», написанную для некой актрисы театра Маре,

¹ Письмо Расина.

² Письмо Расина.

и «Любовь Овидия», план которой ему дала актриса Бошато; за это Расин галантно именовал ее «плодовитая Юлия-Овидий». Женщины завершили дело Пор-Рояля: они в свою очередь стали воспитательницами этого счастливо одаренного ума. Они развили в нем ту гармоничную гибкость, утонченную чувствительность, то глубокое знание человеческого сердца, которые были лучшими качествами его дарования. Женщины тогда были такими, какими их создало французское общество: высокомерными, кокетливыми, властными. В отношении воспитанного человека с женщинами тогда появилась известная сдержанность, вежливость, одухотворенность, которая требовала в самом ухаживании наличия многообразных проявлений мысли и чувствований.

У Расина был в то время сосед, которого он часто посещал, — Жан де-Лафонтен, живший на набережной Августинцев.

Между тем, тетки молодого человека, осведомленные о его дурном поведении, посылали ему из недр Пор-Рояля «проклятие за проклятием», ¹ которые оставались тщетными до тех пор, пока Жан, чтобы не быть в тягость Витару, не принялся искать оплачиваемой должности и отправился в Ювес, к своему дяде, достопочтенному отцу Сколену, генеральному викарию и приору реформированных приходов кафедральной церкви. Это случилось в 1661 году; Расину было двадцать два года. Одно время он собирался было принять даже священнический сан. Пока же он сочинил для аббата Левассера галантные стихи «Купанье Венеры», заглядывался в церкви на местных красоток, писал примечания к «Одиссее» и «Олимпийским одам», перелистывал «Свод» св. Фомы и в особенности читал Петрарку.

Достопочтенный отец Сколен, попавший в тонкую сеть церковных интриг, не мог помочь племяннику, который возвратился в Париж с пустыми руками. Позже Расин добился мирских благ: он стал приором Эпине, Сен-Жака, Ля-Ферте и Сен-Никола в Шуази. Больше того: начиная с 1664 года он стал получать некоторое вознаграждение из королевской шкатулки.

¹ Письмо Расина.

С 1663 года Расин получает доступ ко двору и к присутствованию при церемонии вставания короля. У молодого поэта, наделенного гибким умом, был дар нравиться. Он умел беседовать на всяческие темы и не заводил речь о своих произведениях. Он был красив: он обладал тонким, открытым, приятным лицом; у него был острый с горбинкой нос, нос насмешников, иронический и сладострастный рот и прекрасные глаза — мягкие, легко склонные увлажниться слезами. Нам уже известно, что он часто посещал Лафонтена. Он дружил также с Буало и с Мольером, которому отдал свою «Фиваиду», поставленную потом на сцене Пале-Рояля. Сборы были чудосочные. Тем не менее эта первая пьеса, в которой молодой Расин, полностью использовав Еврипида, подражал Ротру и Корнелию, уже обнаружила в нем искусного поэта, умеющего обрисовывать характеры. В эту пору Мольер, Лафонтен и Расин собирались дважды-трижды в неделю у Буало, жившего на улице Голубягны. Вместе с Шапелем, Фюретьером и несколькими придворными они бывали в кабачке «Белого барана», что на месте бывшего кладбища Сен-Жан, в «Еловой Шишке», что на улице Ликорн, и в «Кресте Лотарингии», и там насмешничали по всяческим поводам, вплоть до парика Шапелена.

Это хорошее время длилось недолго. Расин, отдавший своего «Александра» театру Мольера, решил, что комедианты Пале-Рояля сыграют пьесу не так, как ему хотелось бы; он передал ее, без предупреждения, труппе «Бургундского отеля», которая ее разучила, и, когда уже все было сделано, Париж увидел двух «Александров» одновременно. Мольер имел право быть недовольным и выразил это. Молодой же автор не мог перенести мысли, что его дорогое детище будет предано, а его поэтическая слава затмится. Способность живо воспринимать все впечатления создает непостоянство и своего рода вероломство у самых нежных и самых утонченных натур. Есть великая правда в том, что отношения особо деликатные не слишком надежны. Расин отнял у Мольера мадемуазель дю-Парк; это завершило разрыв. Мадемуазель дю-Парк была актрисой Пале-Рояля, которую Мольер якобы любил без взаимности; она была красива, ей было

тридцать лет. Расин, ухаживавший за ней, переманил ее в «Бургундский отель», где она сыграла заглавную роль в «Андромахе». Немного позднее она умерла от родов. Гадалка Буазен обвинила Расина в том, что он ее отравил. Его видели плачущим у гроба актрисы. Слезы эти заставляют вспомнить трогательные слова, которые Лафонтен в «Любви Амура и Психеи» влагает в уста Расину: «Ну что ж! станем плакать... Герои древности плакали тоже».

Благодаря «Александру» Расин стал поэтом, известным двору и столице. Свора врагов, усиленная врагами Буало и друзьями Корнеля, подняла лай: им предстояло травить его до смерти. Поэт принадлежал к числу людей, которых легко ранить, но в каждом таком случае он отвечал с властной манерой человека, который может ответить на все. Он слишком хорошо владел опасным искусством дразнить их. Он насмеялся утонченно и жалил больно. Люди мягчайшего нрава отнюдь не наименее насмешливы: та самая нервная чувствительность, которая вызывает так часто слезы, столь же часто возбуждает смех. Случилось так, что автор «Андромахи» должен был ввязаться в ссору, сопровождавшуюся горячим раскаянием и слезами. Николь в 1666 году, в «Ясновидящих», назвал драматургов общественными отравителями. Спустя несколько лет Боссюэ, который отнюдь не был янсенистом, оказался не более снисходителен. Не ходят в театр, дабы обрести себе спасение, а то, что говорил Николь, обладало авторитетом доктора богословия.

Расин, который был поэтом и христианином, был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы Пор-Рояль не оказался прав. Он забыл, что Николь был его старым учителем, забыл святую пустынь и выступил на защиту театра в двух маленьких письмах, являющихся своего рода «Провинциальными письмами» о поэтике. Расин спорит и насмеяется с такой же силой и гибкостью, как Паскаль. Буало, прочитав рукопись второго письма, направленного против Пор-Рояля, в ту пору преследуемого, сказал другу: «Это очень хорошо написано, но вы не подумали о том, что пишете против самых порядочных людей в мире». Расин не напечатал этого второго письма. Он подчинился в своем жизнен-

ном поведении Буало, который действовал сообразно сильным и простым принципам. В вопросах поэтики Буало имел на него столь же большое влияние. У Буало был весьма небольшой запас идей, но они были очень ясны и легко приложимы. В этом — большое преимущество для руководства умами. Люди слишком широкого духовного склада запутываются в бесконечных сложностях, теряются, снова находят себя и опять колеблются: они научились сомневаться. В некоторых случаях они следуют за людьми более узкими, которые никогда не испытывали смятения.

«Андромаха» была представлена в первый раз в «Бургундском отеле» в ноябре 1667 года. Мадам де-Севинье, не любившая Расина, пролила слезы. Поэт удержал в памяти, как бесценную жемчужину, слезинку, скатившуюся из прекрасных глаз Генриетты Английской. Публика проявила интерес к этой трагедии. «Повар, кучер, конюх, лакей — вплоть до водоноса — все считали нужным обсуждать «Андромаху». ¹

В эту пору Расин еще был завсегдаем «Белого барана». В этом кабачке на месте бывшего кладбища Сен-Жана родились «Сутяги». Расину пришлось проиграть какой-то процесс, в котором «ни его судьи, ни он сам ничего не уразумели». ² Ужиная в обществе Буало и Фюретьера, которые оба хорошо знали судебские нравы, он задумал написать для Скарамуса фарс на ябеду. Но Скарамус покинул Париж, и поэт написал на тот же сюжет комедию для «Бургундского отеля». Сначала она не имела никакого успеха. Люди светского общества боялись смеяться не по правилам. Но после того как король, видевший «Сутяг» в Версале, изволил смеяться, столица одумалась и явственно развлекалась преступной собакой и слезами ее семьи.

«Британник» появился в следующем году (1669). В день первого представления в партере не было ни одного литератора, ибо в это же самое время на Гревской площади некоему человеку должны были отрубить голову. Старый Корнель сидел один

¹ *Сюбмины*, Предисловие к «Безумной ссоре».

² *Расин*, Предисловие к «Сутягам».

в ложе. Кое-кто из его сторонников, назовем Бурсо, пришли навестить его, и Корнель горячо осуждал пьесу. Расин счел нужным, по примеру Теренция, защититься в предисловии против нападок «старого вложелательного поэта» — «malevoli veteris poëtae». Злопыхательство росло. Публика оставалась равнодушной. Тщетно Буало хвалил сентенциозные стихи новой трагедии. Прошло несколько лет прежде чем «Британник», принятый публикой лучше, принес почет Расину.

С наступлением пасхи 1670 года одна артистка, бывшая в Париже только год и приглашенная в труппу «Бургундского отеля», заместила в роли Гермионы больную и почти умирающую Дезойле. Это была Мария Демар, внучка президента нормандского парламента, жена комика Шаммеле. Ей было двадцать шесть лет, у нее были маленькие глаза, плохая кожа, но она отличалась счастливым сложением, благородной осанкой и трогательным голосом. Госпожа де-Севинье, которая до некоторой степени была ей свекровью, рассказывает, что вблизи она была безобразна, но, читая стихи, становилась очаровательной. В первом же своем выступлении она создала прекрасный тип Гермионы, особенно в сценах неукротимой страсти. Ее соперница, притащившаяся в театр, ушла, горестно восклицая: «Нет больше Дезойле!» Расин отправился в уборную Шаммеле поздравить ее, «стоя на коленях». Он решил доверить ей роль Вероники, которую он обдумывал в то время. Впоследствии он возложил на нее труд создать роли Роксаны, Монимы, Ифигении и Федры.

Дарование этой артистки было, видимо, велико: похвалы ей переданы нам блестящими свидетелями. Общеизвестны стихи Буало:

Нет, Ифигения, закланная в Авлиде,
Слезами столькими не омрачала глаз,
Как ты, о Шаммеле, в ее представши виде,
Заставила пролить своей игрою нас.

Нельзя вспомнить без очарования полное грации послание, в котором Лафонтен посвятил Шаммеле свою сказку «Бельфегор».

Так! Вашим именем украшу я начало
Старательных стихов, внушенных музой мне.
Филида нежная... и т. д.

Шаммеле нравилась. Это было «маленькое чудо»,¹ как ее называла одна придворная дама. «Скоро все будет зависеть от короля Франции и от м-ль де-Шаммеле»,² — говорил поэт. Обладая легким нравом, она внушала зависть Нинон, которая угрожала «обучить ее слегка ремнем»³ при помощи некоего дворянина. Шаммеле не хвасталась верностью. Ее муж не был ворчун; он был умным человеком и вместе с Лафонтеном смастерил красивую комедию «Очарованный кубок». Повидимому, он придерживался мнения Тибо: «Если я буду знать об этом, разве я стану богаче?»⁴

У его жены весело ужинали, вытворяли всякую чертовщину, о которой мадам де-Севинье была так хорошо осведомлена. Порядочные люди, например Лафонтен, Буало, маркиз де-Севинье, пили там шампанское. Шаммеле в этом отношении не давала промаху. Расин был принят хозяйкой с особым вниманием, но не лучше некоторых других.

Лафонтен писал в 1676 году к мадемуазель де-Шаммеле: «Расин никого так не любит, как вашу очаровательную особу». Так длилось шесть-семь лет. Господин де-Тоннер все испортил. Он вызвал к себе любовь; это был шалопаи и мошенник, большой шутник и насмешник и плохой товарищ. Расин, готовившийся изменить свою жизнь, уступил ему место; и о красавице стали говорить, что «Тоннер вырвал у нее корни».⁵

Когда грядущие годы принесли непоправимые изменения и когда затем Шаммеле умерла пятидесяти четырех лет в Отейле, христианский поэт писал своему сыну, что его «более всего огорчает та настойчивость, с которой эта несчастная не желала

¹ Мадам де-Севинье.

² Письмо Лафонтена.

³ Письмо мадам де-Севинье.

⁴ «Очарованный кубок», сцена XVIII.

⁵ Непередаваемая игра слов: *gâsine* — корень, *tonnerre* — гром, буря, гроза.

покидать сцену». Он писал также, когда та, которая слышала столько нежных слов и похвал, была отнесена на кладбище: «Между прочим, скажу вам, что я должен внести некоторую поправку в воспоминания о Шаммеле, умершей довольно благобно... Она очень раскаивалась в своей прошлой жизни и особенно была огорчена тем, что ей приходится умирать». Нельзя сомневаться, что тот, кто выражается таким образом, не убил в себе ветхого человека.

Мы говорили, что в 1670 году Расин работал над «Вероникой». Сюжет этой трагедии был выбран молодой герцогиней Орлеанской, которая предложила его одновременно Корнелию и Расину. Она интересовалась жизнью искусства; она почтила одной слезинкой первое представление «Андромахи»; она любила музу Расина, такую же молодую, как она сама, и свежую, как ее наиболее старые воспоминания.

Генриетта хотела, чтобы поэты воскресили под тонким прикрытием память о тех днях, когда она приносила с собой в Фонтенебло «радость и удовольствие»,¹ когда она верхом возвращалась с купанья, рядом с королем и в сопровождении всех дам, «одетых со вкусом, с множеством перьев на голове», или с ночных прогулок, в коляске, вокруг канала, под музыку скрипок. Король начинал тогда чувствовать к ней любовь, и «она была очень счастлива, что он сохранил к ней привязанность, в которой не было любовного исступления, но были снисхождение и удовольствие».

Ей хотелось оживить в драматическом произведении эти прекрасные чувства и эти невинные приключения. По меньшей мере, ей хотелось, чтобы этот король, за которого она должна была выйти замуж очень молодой и который повднее затронул ее сердце, был изображен поэтом влюбленным, героически настроенным; быть может, следуя чувству, действительно очень редкому, она выбрала Веронику героиней поэмы потому, что думала о своей подруге Марии Манчини, ибо эта племянница Маварини, принесенная Людовиком XIV в жертву интересам

¹ *Гостинжа де-Лафайет*, История Генриетты Английской.

государства, сильнее напоминала, чем Генриетта Английская, ту царицу Палестины, которую любил Тит и которую он послал в изгнание вопреки своему и ее желанию.

Герцогиня Орлеанская не увидела ни одной из обеих трагедий, которые она внушила. Когда «Вероника» появилась на сцене «Бургундского отеля», в ноябре 1670 года, Генриетта уже исчезла, «как трава в поле», — прошло уже шесть месяцев со дня ее кончины. Трагедия Корнеля «Тит и Вероника» была представлена на следующей неделе в театре Мольера. Она была плохо сыграна и провалилась. Прекрасная элегия Расина встретила лучший прием.

«Баязет» появился в январе 1679 года в «Бургундском отеле», «в турецком одеянии». Во время одного из представлений Корнель сказал Сегре: «Я остерегусь сказать это кому-нибудь другому, потому что стали бы утверждать, что я говорю из зависти; но имейте в виду: ни одно лицо в «Баязете» не наделено теми чувствами, какие оно должно было бы иметь и какие существуют в Константинополе». Все враги Расина стали повторять, что его турки — не настоящие турки. Но какие бы они ни были, они волновали, и «Баязет» удержался на сцене. Разумеется, Корнель не был завистлив, но он не мог благосклонно относиться к этим новейшим произведениям, которые поглощали весь «Бургундский отель», привлекая толпу зрителей и вынуждая его ставить свои трагедии в театре Маре, где их плохо играли и куда зрители не ходили. Нам уже известно, что Расин не очень терпеливо переносил наспуленный вид великого старца. Он говорил о нем, конечно, несколько легкомысленно. Но пятнадцать лет спустя, после той октябрьской ночи, которая унесла Корнеля, Расин произнес в Академии этому замечательному человеку похвальное слово, с пылким восхищением, не превзойденным никогда впоследствии.

Трагедия «Митридат», поставленная в «Бургундском отеле» в январе 1673 года, была принята хорошо.

Расин вступил во Французскую академию 12 июня того же года и занял место де-Ламот-Левейера. К этому времени поэт получил, благодаря Кольберу, должность казначея Франции

в округе Мулен. Окружной казначей носил звание кавалера и имел право быть похороненным с золотыми шпорами. Людовик XIV, присутствовавший при покорении Франш-Конте, дал по своем возвращении, летом 1674 года, праздника в Версале. В театре, построенном специально для этих празднеств возле Оранжереи, была впервые сыграна «Ифигения». Сцена представляла собой длинную зеленую аллею, украшенную дикими гротами и фонтанами с мраморными водоемами и золотыми тритонами. Двор аплодировал. Шесть месяцев спустя «Ифигения» была показана столице, принявшей ее так же, как двор: было пролито много слез. Расин находился в самой блестящей поре своей жизни. Его враги казались побежденными, на его стороне было общество, Конде, Мортемары, король; за него был Буало и разум.

Но пока он подготовлял к постановке на сцене свою «Федру», в одном высокопоставленном кружке замышлялась гибель поэта. Заговор ткался в особняке Буйон. Там царствовала одна из Манчини, надменная, беспокойная, властная: «она была образована, обладала красноречием, охотно спорила и иногда наносила смертельный удар». ¹ Герцогиня Буйон похвалялась, что создает и развенчивает поэтов. Герцог Наваррский, ее брат, притязал на звание остроумца; он писал легкие стишки, какие может писать знатный вельможа, и мадам де-Севинье считала их лучшими стихами в мире. И брат и сестра принадлежали к литературной партии Сегре и Бенсерада. Они считали Буало врагом; они плохо понимали Расина и решили его низвергнуть. Мадам де-Гульер, их старая муза, рекомендовала им поэта, способного вытеснить Расина. Это был Прадон. Этот Прадон, ничтожный талант, естественно завистливый, уже в предисловии к своему «Тамерлану» нагло оскорбил Расина. Это был человек, которого искали: ему заказали «Федру»; он писал наспех, ему помогали, и в несколько недель все было готово. Правда, у них не было Шаммеле — но тем лучше! Если Расину станут аплодировать, он будет обязан успехом лишь своей комедиантке.

¹ Сен-Симон, Мемуары.

Мадемуазель дю-Пен взяла роль, и «Федра» Пракдона была дана 3 января 1677 года труппой Генего, двумя днями позже первого представления «Федры» Расина в «Бургундском отеле». Племянница Мазарини, ловкая в интригах, скупилла все ложи на первые шесть представлений обеих пьес. Этот маневр обошелся герцогине в пятнадцать тысяч ливров, но зато Расин потерял расположенных к себе зрителей, и исход борьбы оказался сомнительным. Война продолжалась посредством сонетов. Один сонет был сочинен после ужина в особняке Буйон; друзья Расина ответили сонетом на те же рифмы, направив его против герцога Наваррского; сонет был отмечен той изысканной жестокостью, которой так хорошо умел пользоваться поэт. Герцог ответил снова на те же рифмы угрозой прибегнуть к палке. Разнесся даже слух, что Буало был избит на улице лакеями. Тогда принц Конде, рассердившись, заявил, что Расин и Буало — его друзья и что «он отомстит за оскорбления, которые им нанесут». «Бургундский отель» погрузился в молчание. «Федра» Расина осталась на сцене, а пьеса Пракдона удержаться не смогла.

Тем не менее враги поэта одержали верх. Расин отказался от театра. Он всегда был чувствителен, раздражителен, склонен сокрушаться. Малейшая критика причиняла ему всегда больше огорчения, нежели все похвалы приносили удовольствия. Он был уязвлен; он снова почувствовал ту горечь, ту великую сердечную скорбь, то отвращение ко всему, какое бывает у лучших художников, у тех, кто работает с наибольшей любовью. Люди, создавшие произведения наименее пустые, принадлежат к числу тех, которые лучше видят тщету всего. За гордое счастье мыслить надо расплачиваться печалью и разочарованием.

Кроме того, Расин был христианином: его вскормил янсенизм. Теперь, когда его юность прошла, унося с собой прекрасные призраки, которые порхают у порога жизни, желания, их обманчивые образы и новые наслаждения, он почувствовал себя одиноким, отданным в руки грозного бога, и страх, спасительный страх завладел им. Не наделил ли он последнее из своих языческих произведений, свою «Федру», всеми волнениями и всем отчаянием христианской души, лишенной благодати?

Поэт пожелал принять монашество. Он говорил, как Рансе: «Я вижу лишь одну дверь, в которую можно постучаться, чтобы возвратиться к богу: это — монастырь; у меня нет после такой беспорядочной жизни иного средства, как надеть куколь и вла-сяницу и провести дни мои в горечи покаяния». Но духовник отговорил его от этого решения и посоветовал вступить в христианский брак. Расин обвенчался 1 июня 1678 года в церкви Сен-Северина с девицей Катериной де-Романе, дочерью Жана-Андре Романе, мэра Мондидье и казначея Франции. Буало и Никола Витар были свидетелями со стороны мужа. Девица де-Романе не читала трагедий Расина; у нее был мягкий характер и ровное настроение.

Так как Расин, изменив свою жизнь, не подражал, однако, покаянию м-м де-Лонгвиль и Рансе и не умер для мира, то было естественно, что он остался при дворе и был предан королю еще усерднее, чем раньше. Служить христианнейше королю — значило также служить богу. Быть при его дворе — являлось одним из проявлений благочестия. Превозносить короля — не значило воздавать языческую похвалу. Боссюэ делал это в храме, не боясь соединить имена Давида и Людовика, как имена двух существ особенно близких царю небесному. Когда Расин в конце 1677 года получил, милостью госпожи де-Монтеспан, звание историографа короля, он, без сомнения, решил, что его задача — показать волю провидения в деяньях короля и рассказать о победах, которые господь одержал десницей Людовика.

Это вовсе не означает, что у поэта не было забот при дворе, которые были мало свойственны его помыслам о спасении. Врожденная способность легко принимать тон любого общества, умение нравиться, приятная гибкость, понимание всего происходящего сделали из этого нежного янсениста человека полезного и вовлекли его во множество интриг, больше нежели он этого хотел. «Ему был всюду доступ, даже к изголовью постели короля; принцесса Бургонская радовалась, видя его за своим столом».¹

¹ *Стангейм*, «Неизданные мемуары».

Он нравился госпоже де-Монтеспан. Ему необходимо было продолжать нравиться, начать писать оперу, которую у него нехватало смелости закончить; ему нужно было украсить мадригалом «разные произведения» семилетнего герцога дю-Мень; ему необходимо было создавать завистников, продолжать иметь всегда и всюду врагов.

Обязанности историографа заставляли его сопровождать короля в походах. Он совершил прогулку в Ганд в 1678 году, путешествие в Эльзас в 1687 году, присутствовал при осаде Монса и Намюра и, наконец, был в Нидерландской кампании. Он писал Буало из лагеря под Монсом 21 мая 1692 года после смотра армии, произведенного королем и маршалом Люксембургским: «Я предоставил моей лошади идти, куда ей угодно, не обращая больше внимания ни на что, и я хотел от всего сердца, чтобы все люди, которых я видел, снова очутились с женами и детьми у себя в хижинах или домах, а я — у себя на улице Каменщиков, среди своего семейства».

У Расина было от Катерины Романе семеро детей: два мальчика и пять девочек. Самый старший, Жан-Батист, сразу проявил себя весьма рассудительным средним человеком. Но в своей старшей дочери, Марии-Катерине, поэт нашел любимое подобие самого себя. У Марии-Катерины была нежная и беспокойная душа. Мягкая строгость отцовского дома, религия, в которой ее наставляли, состоящая из любви и ужаса, породили в ней жажду монашеской жизни и ее экстазов. Шестнадцати лет она поступила к кармелиткам, в предместьи Сен-Жак. Отец, несмотря на благочестие, был огорчен этим. Тяжело заболев в своей келье, она возвратилась к домашнему очагу, но потом решила уйти в Пор-Рояль, куда и удалилась на самом деле. Остаться там она не могла. Отшельники не позволяли больше никому принимать монашеское звание. Она писала своему отцу письма, которые «волновали и терзали его». Наконец она снова появилась под отчим кровом, ослабевшая от лишений, принявшая решение отказаться от света и никого не видеть. Мало-по-малу, с трогательной слабостью, она опять занялась нарядами, стала улыбаться, и в ее душе ожило то тонкое сладострастие духа, которое было

так естественно для дочери Расина. Отец, за несколько месяцев до своей смерти, смог выдать ее замуж.

Младшая дочь поэта, самая красивая, Анна, или как ее звал отец, Нанетта, в свою очередь поступила к урсулинкам в Мелюне, куда ее привела в ранней молодости склонность к религиозной жизни. Эта склонность превратилась в окончательно окрепшее призвание. Она приняла пострижение шестнадцати лет и трех месяцев. Отец присутствовал на этой церемонии; он плакал возле коленопреклоненной дочери, которая, из боязни расчувствоваться, не осмеливалась повернуть к нему головы, в то время как ее прекрасные волосы падали под ножницами епископа Сенского. Расин плакал; но не сам ли он направил дитя на жертвенный путь к этому самому алтарю, где увидел ее посвящение?

Если бы он прожил немного дольше, он увидел бы, как две младшие из остальных трех дочерей, Бабетта и Фаншон, в свою очередь приняли постриг и умерли для мира. Грозная тень янсенистского бога окутывала эти юные головы. И, несмотря на это, какое богатство внутренней радости и счастливой невинности было в семье поэта! Устраивались богослужения, где прислуживали маленькие дочери; Луи, которого называли Лионваль, был священником, и автор «Аталии» пел, неся крест. Однажды утром конюх пришел к нему сообщить, что его ждут на обед у Конде. Отец семейства велел принести из кладовой карма стоимостью в одно эю: «Судите сами, — сказал он, — могу ли я отказаться от обеда с этими бедными детьми, которые хотели угостить меня сегодня и которых я лишил бы большого удовольствия, если бы не разделил это блюдо с ними? Прошу вас сообщить об этом его светлейшему высочеству». Иногда Буало принимал маленькое семейство у себя в Отейле. После изысканного обеда он вводил с собой Мадлену, самую младшую дочь, плутовку и насмешницу, и ее брата Лионваля на прогулку в Булонский лес; он угрожал, что оставит их там, и смеялся вместе с ними.

Расин, двенадцать лет спустя после того как отказался от театра, написал трагедию «Эсфирь» для госпожи де-Ментенон, учредившей Сен-Сирский пансион, где она воспитывала благо-

родных девушек, «собранных со всех концов королевства». Госпожа де-Ментенон хотела «развлечь своих девочек и короля». Она попросила Расина написать пьесу в стихах, которые можно было бы положить на музыку. Сюжет нужен был благочестивый; девочек заставили было разучить «Андромаху», но они исполнили свои роли с излишним воодушевлением. Расин принес свою «Эсфирь». Сюжет был выбран очень умело. Изобразить Эсфирь ведомою провидением к ложу царя, которого она покоряет в интересах мудрости и истины, заставить ее появиться окруженной дочерьми Сиона, которых она «учит и воспитывает», — означало показать госпоже де-Ментенон зеркало, достаточно льстившее ей волшебством своего отражения. Первое представление «Эсфири» состоялось в Сен-Сире в среду 26 января 1689 года. Для сцены выбрали поместительный вестибюль у дортуаров воспитанниц, на втором этаже парадной лестницы. Скамьи, расположенные у стен с обеих сторон сцены, были оставлены для маленьких девочек общины, которые, сообразно их возрасту, носили повязки красные, зеленые, желтые или голубые.

Пространство между скамьями было отведено для посторонних зрителей. В первом ряду было поставлено кресло для короля. Актрисы были одеты в белые платья персидского покроя, украшенные жемчугами и бриллиантами, которые некогда служили для королевских балетов. Хрустальные люстры освещали зал; декорации были нарисованы Бореном, декоратором придворных спектаклей. Королевские музыканты аккомпанировали хорам, и Нивер, органист Сен-Сира, играл на клавесинах. Расин, хорошо читавший стихи, обучил этих невинных актрис. Они, преклонив колени, прочли «Veni, Creator», прежде чем выступить на сцене. Одна из них, игравшая роль Элизы,¹ забыла текст. Король уже присутствовал. «Ах, сударыня, как вы повредили моей пьесе», — сказал Расин. Молодая девушка заплакала. Он подбежал к ней, вытер ей слезы своим платком и заплакал вместе с нею.

¹ Наперсница Эсфири.

Боссюэ присутствовал на этом представлении. Он посетил последний спектакль, который давался в том сезоне и на котором присутствовала также госпожа де-Севинье. Она писала: «Расин превзошел самого себя; он любит бога, как любил своих любовниц». В «Эсфири» понравилось все: сюжет, стихи, музыка, актрисы и особенно девица де-Виллет; ее слишком трогательное лицо и слишком милая игра обеспокоили директрису Сен-Сира. Двор придал этим представлениям все то значение, какое приписывали ему Людовик XIV и госпожа де-Ментенон. Это было большое событие года. Министры оставляли самые неотложные дела, чтобы пойти послушать сен-сирских барышень.

Для Сен-Сира Расин написал еще новую трагедию — «Аталия». Но празднества, связанные с «Эсфирью», и светский блеск, отраженный на девицах, воспитывавшихся в духе благочестия, задели за живое духовных руководителей госпожи де-Ментенон. Враги Расина завопили о скандале. Стареющий король становился все внимательнее к советам ханжей. Молодые девушки два-три раза сыграли «Аталию» в Версале, в комнате госпожи де-Ментенон, в присутствии короля, принцев крови и очень немногочисленных вельмож; на них были обычные платья Сен-Сира, лишь украшенные несколькими лентами и жемчугами. Представление было повторено несколько раз в еще более бедной и закрытой постановке, в «Голубом классе» Сен-Сира; на этом все кончилось. Пьеса, задуманная таким способом, была осмеяна врагами поэта, и публика не увидела ее.

Расин, изменив облик своей жизни, примирился со старыми друзьями. Прежде всего он добился прощения у Николая, потому что Николай был обижен им больше всех. Он пал к ногам Арно, и великий ученый опустил на колени, чтобы обнять кающегося поэта. Он часто бывал в Пор-Рояле, ежегодно со всей семьей участвовал в процессии св. даров, присутствовал при перенесении сердца Арно, умершего в изгнании. Он покинул Версаль при первом же известии о том, что Николай постиг апоплексический удар; ему поручали вести тонкие дела общины, он писал в защиту монахини и вел сношения с архиепископом парижским.

Такую приверженность к людям, в которых король видел гордецов и мятежников, сочли при дворе скандальной. Госпожа де-Ментенон была не такова, чтобы покровительствовать янсенисту. Если правда, что Буало, который не скрывал ничего, не скрывал и своего уважения к отшельникам, то этот сумрачный человек не мог сердить людей своими жесткими манерами, ибо именно этого от него ожидали и в нем любили. Но малейшая независимость в поведении или в речах поражает и раздражает как измена, когда она проявляется у человека, который до тех пор постоянно находил способ быть приятным.

Расин дал Людовику XIV еще один повод для недовольства; это долго оставалось скрытым, как государственная тайна, и мы знаем об этом лишь по семейному преданию. Поэт, по просьбе госпожи де-Ментенон, которая знала его разносторонние способности, составил записку о нищете народа, вызванной войнами. Она читала ее, когда вошел король, взял записку и, пробежав несколько строк, спросил, кто автор. Сначала она ответила, что обещала хранить тайну; но Людовик XIV умел заставлять повиноваться даже любимых женщин. Узнав, что мемориал написан Расиным, он гневно воскликнул: «Неужели он думает, что все знает, — и потому только, что он великий поэт, уж не хочет ли он быть министром?»

Виновный, которого предупредили, чтобы он некоторое время не показывался, написал госпоже де-Ментенон умоляющее письмо, подстерег ее и встретился с ней на несколько минут в аллее Версаля. Она сказала ему: «Я была причиной вашего несчастья. Подождите, пока туча пронесется, я верну вам хорошую погоду». Расин ответил с безропотной печалью и с той горестной пронизательностью, которая свойственна людям, уже прожившим жизнь и приближающимся к концу. Послышался шум кареты. «Это король, — живо вскричала госпожа де-Ментенон, — спрячьтесь!» Несчастный царедворец скрылся в кустах. Это была последняя рана, которую нанесли его сердцу, столь склонному к страданиям и тревоге. Осенью 1698 года Расин ощутил боль в правом боку. Возле ребер образовалась опухоль. Утром, читая в кабинете, он почувствовал сильную головную

боль; спустившись к себе в комнату, он сказал детям: «Я думаю, что у меня небольшая лихорадка, но это пустяки; я хочу на время лечь в постель». Он больше не встал. Болезнь тянулась долго. Этот человек, в котором малейшее нездоровье раздражало тонкую чувствительность, теперь с кротким терпением переносил острые боли. Хотя раньше у него был тот страх перед смертью, который в особенности мучает людей с живым воображением, он встретил смерть без боязни, когда увидел ее лицом к лицу. Это пример того, что священники называют милостью божьей. Он верил. В его смерти торжествовало христианство. Так как все деяния жизни оно направляет применительно к последнему шагу, — у него есть для этого достаточно способов.

Расин, в предвидении близкого конца, позаботился о том, чтобы обеспечить семью некоторым количеством денег, и пожелал, чтобы Буало назначили пенсию одновременно с ним. Обиженная друга, он сказал ему: «Считаю для себя счастьем умереть раньше вас». Он попросил Роллена следить за воспитанием его сына, Луи. Врачи, которые не могли распознать природу болезни, решили вскрыть нарыв. Когда старший сын умирающего сказал ему, что его спасут этой операцией, — «Все в воле божьей», — ответил Расин, — но уверяю вас, что если бы мне предстояло выбрать между жизнью и смертью, то не знаю на чем бы остановил я выбор, для смерти у меня уже все готово». Операция не принесла пользы — потому ли, что к ней прибегли слишком поздно, или потому, что характер нарыва делал ее бесполезной. Священник церкви Сент-Андре в последний раз напутствовал Расина; священное миро коснулось глаз, рта, рук и ног того, кто любил в жизни все прекрасное и нежное, кто был наделен гордостью поэта и слабостями утонченной природы. Он умер у себя на квартире, на улице Марс, 21 апреля 1699 года, между тремя и четырьмя часами утра, в возрасте пятидесяти девяти лет и четырех месяцев.

Расин просил, чтобы его похоронили на кладбище Пор-Рояль-де-Шани, у подножия могилы Гамона. Но погребение состоялось выше могилы Гамона, так как внизу не было места. После разрушения могил Пор-Рояля в 1709 году останки Жана

Расина, вырытые из земли, избранной им, были перенесены в перковь Сент-Этьен-дю-Мон, где они и покоятся до сих пор между останками де-Саси и Антуана Леместра.

В этой же церкви хранится разбитый камень с эпитафией Жана Расина, рыцарским шлемом над ней и гербом с изображением лебеда.

Жан Расин жил в то время, когда французский гений достиг всей своей полноты, а язык, окончательно сложившийся, еще сохранял всю свежесть золотого века. Он учился у поэтов античности, наслаждался ими и до конца соблюдал ту эллинскую и латинскую традицию, исполненную красоты и разума, которая создала формы поэзии — оды, эпопеи, трагедии и комедии. Нежность, чувствительность поэта, его пылкость, любовная нежность, даже его слабости — все располагало его познать страсти, являющиеся сутью трагедии, и дать выражение ужасу и состраданию.

Так время, воспитание, природа соединенными усилиями создали из него наиболее совершенного французского поэта, самого великого по длительности своего значения.

Анатоль Франс

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Андромаха (Действие III, явление 6). С гравюры Лемира по рис. Гравело	6—7
Сутяги (Действие III, явление 3). С гравюры Руссо по рис. Гравело	84—85
Британник (Действие V, явление 6). С гравюры Лемперера по рис. Гравело	164—165
Баязет (Действие IV, явление 1). С гравюры Левассера по рис. Гравело	254—255

*Иллюстрации взяты из «Oeuvres de Jean Racine,
Paris éd. Louis Cellot 1768».*

СОДЕРЖАНИЕ

Андромаха. Трагедия. <i>Перевод А. Оношкович-Яцыной.</i>	7
Сутяги. Комедия. <i>Перевод М. Тумповской.</i>	85
Британник. Трагедия. <i>Перевод А. Кочеткова.</i>	165
Баявет. Трагедия. <i>Перевод Л. Горнунга.</i>	255
<i>Анатолий Франс, «Жан Расин».</i> <i>Перевод К. Локса.</i>	337
Перечень иллюстраций	360

*Редактор Л. Тарасов.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Литературно-техническое
наблюдение В. В. Чешчина.
Техн. редактор Г. Л. Гилес.
Наблюден. на производстве
Г. А. Батков.*

*

*Сдана в набор 14. IV. 1936 г.
Подп. к печ. 19. I. 1937 г.
Вышла в свет V. 1937 г.
Тираж 5 300 экземпляров.
Уполномоченный Главлита
№ Б-21376. Индекс А-1. Изд.
№ 228. Бум. 82×110 в 1/32.
Уч.-авт. л. 10,8. Бум. л. 5,68.
Печ. л. 22,75. Зак. 576.*

*

*Отпечатано во 2-й типо-
графии ОГИЗа РСФСР тре-
ста «Полиграфкнига» «Пе-
чатный двор» имени
А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинская, 26.*

Цена Р. 7.—

Переплет Р. 2.—

